

Slavica Tartuensia

III

1991

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
Alustatud 1893.a. VIHK 932 ВЫПУСК Основаны в 1893.g.

**СЛАВЯНО-СЛАВЯНСКИЕ И
СЛАВЯНО-ФИННО-УГОРСКИЕ
СОПОСТАВЛЕНИЯ**

**SLOVENSKO-SLOVENSKA I
SLOVENSKO-UGROFINSKA
POREDENJA**

Slavica Tartuensis 3

TARTU 1991

Редакционная коллегия серии:

А. Д. Дуличенко (ответственный редактор), В. М. Мокиенко,
С. В. Смирнов, А. Е. Супрун, Н. И. Толстой, М. А. Шелякин

Ответственные редакторы выпуска:

Александр Д. Дуличенко (Тарту)

и

Вранко Тошович (Сараево)

11448
Tartu Ülikooli
Lingvistika
osakond

Компьютерный набор:

члены кафедры славянских языков и литератур
Сараевского университета

Сборник включает исследования сотрудников Сараевского, Тартуского и других университетов и посвящен различным аспектам сопоставительного анализа и связей внутри славянских языков и между славянскими и финно-угорскими (эстонским). Исследуются вопросы русско-сербскохорватских, хорваткосербско-градищанско-хорватских, украинско-чешских связей, а также словенских диалектов. Славяно-финно-угорские отношения изучаются на материале русско-эстонских и чешско-эстонских связей.

Предыдущие выпуски серии "Slavica Tartuensia":

1. *Исследования по истории славянского языкознания.* Посвящается 150-летию отечественного университетского славяноведения. (Ученые записки Тарту ГУ. Выпуск 710). Тарту, 1985. - 144 с.
2. *Славянские литературные языки и историография славяноведения.* (Ученые записки Тарту ГУ. Выпуск 811). Тарту, 1988. - 171 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий выпуск серии "*Slavica Tartuensia*" является результатом международного сотрудничества, установившегося между Тартуским и Сараевским университетами. 9 ноября 1989 г. между кафедрой русского языка Тартуского университета и кафедрой славянских языков и литератур Сараевского университета был заключен Договор о таком сотрудничестве. Уже в первой статье договора (стр. 2) ставится задача подготовить совместный выпуск тартуской научной серии "*Slavica Tartuensia*". Договором также предусмотрены обмен преподавателями, материалами и публикациями в области славистики, а также составление учебного пособия по сербскохорватскому языку для студентов Тартуского университета. В мае 1989 г. профессор русистики и славистики Бранко Тошович прочитал цикл лекций для тартуских студентов по сербскохорватскому языку и социолингвистическим аспектам современной Югославии. В январе 1990 г. группа преподавателей Тартуского университета побывала в Сараеве, где профессор А. Д. Дуличенко прочитал для студентов философского факультета курс лекций по общему, славянскому и русскому языкознанию, а затем вместе с доцентом Э. А. Вайгла и старшим преподавателем С. Б. Мельцер проводил занятия по русскому языку для преподавателей-русистов школ Боснии и Герцеговины (г. Неум).

Сопоставительные исследования, составляющие настоящий сборник, проводятся на материале ряда славянских языков - русского, сербскохорватского, украинского, чешского, словенского, югославо-русинского, прекмурско-словенского. Во второй части сборника представлены работы, в которых сопоставляются русский и эстонский языки, а также выявляются украинско-эстонские и чешско-эстонские языковые связи.

PREDGOVOR

Treće izdanje serije "*Slavica Tartuensia*" nastaje kao rezultat međunarodne saradnje koja je uspostavljena između Tartuskog i Sarajevskog univerziteta. Devetog novembra 1989. godine između Katedre za ruski jezik Tartuskog univerziteta i Odsjeka za slovenske jezike i književnosti Sarajevskog univerziteta sklopljen je Dogovor o toj saradnji. Već u prvom članu Dogovora (str. 2) postavlja se kao zadatak da se pripremi zajedničko izdanje tartuske naučne serije "*Slavica Tartuensia*". Dogovorom su takođe predviđena gostovanja nastavnika, razmjena materijala i publikacija u oblasti slavistike, a takođe izrada priručnika iz srpskohrvatskog jezika za studente Tartuskog univerziteta. U maju 1989. godine profesor rusistike i slavistike Branko Tošović održao je ciklus predavanja tartuskim studentima o srpskohrvatskom jeziku i sociolingvističkim aspektima savremene Jugoslavije. Januara 1990. godine grupa nastavnika Tartuskog univerziteta boravila je u Sarajevu, gdje je profesor A. D. Duličenko održao za studente Filozofskog fakulteta predavanja iz opšte, slovenske i ruske lingvistike, a zatim zajedno sa docentom E. A. Vaiglom i višim predavačem S. B. Meljcer izvodio nastavu iz ruskog jezika za profesore i nastavnike ruskog jezika Bosne i Hercegovine (u Neumu).

Poredbena istraživanja koja čine ovaj zbornik baziraju se na građi niza slovenskih jezika - ruskog, srpskohrvatskog, ukrajinskog, češkog, slovenačkog, rusinskog, prekomursko-slovenačkog. U drugome dijelu zbornika prezentirani su radovi u kojima se poredi ruski i estonski jezik, a takođe razmatraju ukrajinsko-estonske i češko-estonske jezičke veze.

I. СЛАВЯНО-СЛАВЯНСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ И СВЯЗИ

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ. КАКИМИ ВИЛАМИ ПИШУТ ПО ВОДЕ?

В. М. Мокиенко

Непостоянны в Пошехонье судьбы человеческие. Смерд говорит: "от сумы да от тюрьмы не *открестишься*"; посадский человек говорит: "барыши наши на воде вилами писаны"; боярин говорит: "у меня вчера уши выше лба росли, а сегодня я их вовсе сыскать не могу".

М. Салтыков-Щедрин. Сказки

В древнейшем собрании русских пословиц, где они перелагаются собирателем Яном Забчицем на польский язык (1630 г.), есть тематическая рубрика "Не познаемо". В ней помещены четыре пословицы:

Путь на воде после лодки.

Птичье летание на воздухе.

Змия ползуща по камени.

Дева чистоту потерявшая

(Симони 1899; 44-45)

Как видно из переносного смысла этих поговорок, под "непознаемым" собиратель имеет в виду не то, что неизвестно, а то, что не оставляет после себя следа, то, что неизвестно после совершения каких-либо действий. И след на воде от проплывшей лодки не случайно в этом ряду занял первое место: ничто так быстро не расплывается и не разглаживается, как линия, прочерченная по водной поверхности.

Не случайно поэтому писание на воде издавна у многих народов считалось заведомо бесполезным и ненужным делом. Выражения *καὶ ἐν τῷ ὕδατι γράφεις* и *in aqua scribis* "на воде пишешь" значили уже у древних греков и римлян - "ты выполняешь"

заведомо бесполезную работу, переливаешь из пустого в порожнее'. Есть такие выражения и во многих современных славянских и неславянских языках: чеш. *na vodě psát*, польск. *na wodzie pisać*, верхнелуж. *na wodu napisać*, сербохорв. *pisati po vodi*, итал. *scrivere su una pozza d'acqua* (букв.: писать на колодце с водой,) англ. *write in /on/ water* и т.п. Именно поэтому оборот *писать на воде*, встречающийся у Софокла, Платона, Лукиана, Катулла, считается интернационализмом, калькой с греческого или латыни (Снегирев 1831 :85; Тимошенко 1897:42-43; Попов 1976: 25).

Такая точка зрения вполне приемлема, хотя в разных языках встречаются варианты нашего выражения, свидетельствующие не только о книжном, но и речевом распространении и обогащении древнего образа. Бессмысленность какого-либо дела может характеризоваться, например, и писанием на песке (фр. *être écrit sur le sable*), на ветре, льде или снеге (польск. *pisać na wietrze, pisać na ledzie, pisać na śniegu*) и другом непригодном для длительного хранения информации материале.

Немало таких вариантов обусловлено и попытками экспрессивной конкретизации орудия писания. В одном лишь польском языке записаны такие варианты, как "пальцем на воде писано" - *palcem na wodzie pisano*, "веточками на воде писано" - *pisanymi gałązką na wodzie*, "палкой на воде писано" - *na wodzie patukiem pisane* и даже - "прутиком на песке написано" - *prątkiem na piasku pisane* (НКР III,940).

Известны подобные варианты и русскому языку. В стихотворном собрании пословиц середины прошлого века, например, встречаем вариант о писании пальцем по воде:

Иному твердить о душевном вреде,

Что пальцем писать на воде:

И ухом себе не ведет,

Пока его в крюк не согнет.

(НРП и П. 1853, ч. II:75-76)

Записаны в народной речи и такие обороты, как *сорока на воде хвостом писала* (Михельсон 1912: 830), *пишет, как черт шестом по Неглинной* (улица и речка в Москве) (ДП 1957:420;

Даль IV, 598) или писал Марка (Макарка) своим огарком (Даль П, 572).¹

Выражение *вилами на воде написано* - один из таких вариантов. Он, пожалуй, имеет наиболее широкое распространение и употребление, ибо известен не только русскому, но и белорусскому, украинскому и польскому языкам: *Вілами на водзе пісана, вилами по воді напісана, to jeszcze widkami pisano*. Характерно, что в диалектах оно может употребляться и в форме сравнения - как в лемковских говорах украинского языка: *як би вилами по воді напісана было*.

Если по поводу писания на воде у историков фразеологии практически нет разногласий, то вариант о писании вилами - предмет ожесточенной дискуссии.

Уже давно два известных популяризатора русского языка, Н. М. Шанский и Э. А. Вартастьян, настойчиво растолковывают слово *вилы* как диалектное *круги* (ср. *вилок*, диал. *вил* - 'завиток'). Следовательно, речь в нашей поговорке идет о кругах, расходящихся по воде, а не о привычном для нас сельскохозяйственном орудии. Более того, это не просто случайные следы на воде, а круги от специально брошенного в нее камня, по которому у некоторых народов (например, в Персии) определяли будущее (Шанский, РЯШ 1967, 1, 14; Шанский 1985: 112; Опыт, 27; Вартастьян 1975: 94). Эту версию повторяют и исследователи других славянских языков, например, белорусского (Лепешаў 1981: 30; Коваль 1982: 188).

Гадание по воде - гидромантия, действительно, была популярна и у восточных народов, и у славян. Свидетельством ее является, в частности, выражение *как в воду глядел*, связанное именно с предсказанием будущего по воде (Мокшенько 1989). Однако у славян, в отличие от персов, пока еще не зафиксировано такого гадания гидромантии, которое основано на бросании камней в воду и узнавании будущего по кругам. Более того, польские и русские варианты выражения *писать на воде* ясно показывают, что творительный падеж в них - отнюдь не форма начертания каких-то знаков, а - орудие письма: палец, веточка, палка, шест, огарок и даже сорочий хвост. Это, следовательно,

1 Ср. "утешительное" обращение одной старушки к своему петуху в деревне Симоняты Псковской области: "Петенька, твоя смерть ешшо мелом писана", т. е. неизвестно, когда настанет.

то, чем "творят" написанное, а не то, что начертано на воде.

Известна и вторая гипотеза, объясняющая наше выражение на мифологической основе. Отталкиваясь от суеверного языческого оберега, заговора от хозяина водной стихии водяного, ее пытается отстоять Ю. А. Гвоздарев (1982, 27). Крестьяне предохранялись от "баловства" водяного тем, что чертили во время заговора крест ножом с косой, которые являются символами Перуна - верховного языческого божества. Писание вилами по воде, по предположению Ю. А. Гвоздарева, соотносится именно с этим суеверием и порожденным им обычаем. Значение же фразеологизма - 'сомнительно, неясно', 'неизвестно еще, когда и как что-либо произойдет', развилось как результат скептической народной оценки таких заклинаний, не помогавших делу.

Здесь, в отличие от первой версии, налицо известность суеверного ритуала именно в России. Достаточно рельефно проступают и детали писания ножом и косой по воде. Эти детали, однако, и помогают опровергнуть версию о связи заговора с историей нашего оборота. Ведь обращение к нему не имело целью узнать свое будущее. Наоборот, с помощью такой магической операции заговаривающие стремились запугать водяного, отпугнуть его святым крестом (ср. *бояться как черт лаdana* и диалектное, известное также во многих языках, - *бояться как черт креста* или *как черт святой /крещенной/ воды*). Так же, как и очерчивание, осенение головы крестом (ср. очертя голову) эта магическая операция предохраняла от нечистой силы достаточно долго и устойчиво. Вот почему уже при такой гипотезе наше выражение никак не могло получить ассоциации с чем-либо весьма недолговечным, быстро исчезающим. Кроме того, еще один чисто мифологический контраргумент: вилы по мифотворческой символике в какой-то степени противопоставлены ножу и косе, они - орудие дьявола, поскольку напоминают один из его атрибутов - рога. Использовать их как оберег от нечистой силы поэтому, с точки зрения народного суеверного сознания, было бы "противоязычно".

Наконец, существует и третье объяснение оборота о писании вилами по воде. Авторы его исходят из материалистической реальности первичного образа - не оставлять следов на воде, если пишешь по ней вилами (Фелицына, Прохоров 1979: 107; 1988, 115; Ивченко 1987). А. А. Ивченко весьма основа-

тельно доказывает истинность такого прочтения оборота, приводит много языковых аргументов и критически оценивает версии предшественников.

Пожалуй, третья гипотеза и является самой убедительной. Необходимо лишь отметить, что все-таки какой-то элемент мифологичности, интуитивно ощущаемый сторонниками первой и второй версий, в значении оборота присутствует. Это, правда, судя по употреблению фразеологизма, не столько суеверие, сколько издевка над ним:

"Какой повелительный тон! Сейчас видно, что говорит будущая знаменитость", - подшучивал Антопин. - "Это еще на воде вилами писано, буду ли я знаменитостью" (П. Невежин. Тихий приют); "Какой вы части? Где стоите?" - "Партизанской части, известно. Стоим сейчас на разъезде, а где завтра будем, про то вилами на воде писано" (К. Седых. Отчий край); *Это еще вилами на воде писано*, спасем ли мы собор (Н. Рыленков. На старой смоленской дороге); Но даже это обещание, как говорится, *вилами на воде писано* (Правда, 19 сентября 1982).

Этот иронический оттенок весьма устойчив. Он характеризовал и исконный вариант нашего оборота уже в XVIII в.:

*Смотри ж и ты, Светильник ясной!
Не проводи нас на бобах;
И ложной радостью напрасной
Не тешь нас на пустых словах
Чтоб были все твои ответы
И все Сивиллины советы,
Написаны не на воде.*

(Н. П. Осипов. *Виргилиева Енейда*,
вывороченная на изнанку)

Приведенный отрывок весьма примечателен. От него тянутся нити и к античным греко-латинским параллелям о писании по воде как к бессмысленному времяпровождению, и к собственно русскому, народному переосмыслению его как несостоявшегося и далеко не стопроцентного прогноза на будущее. Мифологический элемент предреченности в тексте "Энеиды" Н. Осипова подчеркнут и русским фразеологизмом *проводить на бобах* (первоначально связанным с гаданием), и упоминанием легендарной прорицательницы античности Сивиллы (Сибиллы).

Значит, все-таки наше выражение связано с гидроман-

тней?

Пожалуй, все-таки - нет. Оно ассоциативно привязано к иному способу прогноза будущего - предначертанием, написанием на чем-либо долговечном и надежном. Вот целая серия итальянских выражений, ведущих свое начало из глубокой античности: *è scritto in cielo* (написано в небе), *è scritto nei fati* (написано в судьбе), *è scritto nel libro del destino* (написано в книге судьбы). А вот и несколько французских: *être écrit au ciel* (быть написанным на небе), *c'est écrit* (это написано). Смысл их - тот же, что у русского выражения *на роду написано у кого-либо*. *На роду* - это как бы на "родовой книге судьбы", на родовом "фатуме" или, говоря по-современному, - на нашем генетическом коде.

Написанное же на воде - в отличие от неумолимо надежной и долговечной "родовой" записи - зыбко, непостоянно и потому недостоверно, сомнительно. Уже сам материал для записи будущего дает повод и для скепсиса, и для недоверия. А если к тому же эта запись сделана столь громоздким и неприспособленным для писания орудием, как вилы, то веры такому прорицанию и предначертанию вообще нет.

ЛИТЕРАТУРА

Вартаньян Э. Р. (1975) *Путешествие в слово*. - М.

Гвоздарев Ю. А. (1982) *Пусть связь речений далека...* - Ростов-на-Дону.

Даль В. И. (1955) *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т.1-IV. М.

Даль В. И. (1957) *Пословицы русского народа*. - М.

Ивченко А. А. (1987) *Вилами по воде писано*. - Русская речь, 3, с. 143-145.

Коваль В. И. (1982) *Образование фразеологических единиц и фразеологический анализ*. Канд. дисс. - Минск.

Лепешаў І. Я. (1981). *Этымалагічны слоўнік фразеологізмаў*. - Мінск.

Мокиенко В. М. (1989) *Загадки фразеологии*. - М.

НПР и П. 1853 - *Новые русские поговорки и присказки*. Сост.: И. М. Снегирев. Кн. 1-2. - М., 1852-1853.

Опыт - Опыт этимологического словаря русской фразео-

логии. Сост.: Шанский Н. М., Зимин В. И., Филипов А. В. - М., 1987.

Попов Р. Н. (1976) *Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов*. - М.

Прохоров (1979; 1988) *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь*. - М., 1979; 2-е изд., М., 1988.

Симони П. (1899) *Старинные сборники русских пословиц поговорок, загадок и проч. XVII-XIX столетий*. Собрал и приготовил к печати Павел Симони.-СПб.

Снегирев И. М. (1831). *Русские в своих пословицах*. Т. I. - М.

Тимошенко И. Е. (1897). *Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок*. - Киев.

Шанский Н. М. (1985). *Фразеология современного русского языка*. - М.

NKP - *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. Pod red. akad. J. Krzyżanowskiego. T.I.-IV.-Warszawa, 1969-1978.

IZ ISTORIJE SLOVENSKIH FRAZEOLOGIZAMA. KAKVIM SE VILAMA PIŠE PO VODI?

Valerij M. Mokijenko

Porijeklo frazeologizma u naslovu ovog članka, a posebno njegova varijanta sa "vilama" izaziva živu diskusiju među frazeolozima. Autor dokazuje neodrživost tumačenja riječi "vile" kao dijalekatskog "krugovi" i objašnjenja čitavog frazeologizma običajem da se budućnost određuje po kamenu bačenom u vodu. On se ne slaže ni sa mitološkom interpretacijom po kojoj su se seljaci branili od vodenog duha tako što su za vrijeme bajanja crtali po vodi krst. Autor se zalaže za treće objašnjenje u čijoj osnovi je vjerovanje da se ne ostavljaju tragovi na vodi. Kao materijal za ovaj rad poslužio je ruski frazeologizam i njegovi ekvivalenti u slovenskim i neslovenskim jezicima.

РУССКИЕ И СЕРБОХОРВАТСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ МЕТАПЛАЗМЫ

Бранко Тошович

Предметом анализа настоящей статьи является операция, при которой нарушается сигнальная (линейная) информация добавлением, сокращением или перемещением определенного структурного элемента. Такой прием приводит к новообразованию, в основе которого лежит избыточность или экономия. Для того, чтобы получить метаплазму, применяются три приема: а) плюс-прием, который ведет к созданию избыточной языковой формы, б) минус-прием, который ведет к созданию усеченной формы, в) перемещение. Такое явление представляет собой своеобразную языковую деструкцию, аномалию, структурный сдвиг.

Метаплазмой можно назвать сознательный или бессознательный отказ говорящего или пишущего от общепринятых норм языка, который приводит к нарушению определенных правил линейной организации высказывания.¹

Глагольная метаплазма - одна из языковых метаплазм. Она встречается во всех языках, в том числе в русском и сербохорватском. По степени употребления плюс-прием в значительной мере уступает минус-приему и перемещению, поэтому в дальнейшем речь пойдет только о нем.

Глагольную метаплазму, основанную на минус-приеме, можно охарактеризовать следующим способом. Во-первых, это форма, возникшая сокращением структурных элементов глагола. Во-вторых, речь идет о значимом отсутствии частей глагольной формы. В-третьих, минус-прием приводит к возникновению своеобразной пустоты, из-за чего здесь подходит термин современной молекулярной физики - понятие дырки. Так же как в физике дырка не представляет собой простое отсутствие материи, здесь пропуск структурного элемента подразумевает его присутствие. В зависимости от степени деструкции, дырки в структуре глагола могут быть легкими и

1 Более подробно см.: Branko Tošović. *Metaplazme u jeziku*. - Prizma, Sarajevo, 1990, 1, s. 29-37; Branko Tošović. *Glagolska metaplazma*. - Književni jezik, Sarajevo, 1990, 1, s. 17-28.

тяжелыми: легкие бывают на фонетическом, а тяжелые на синтаксическом уровне. В-четвертых, глагольная метаплазма ведет к нарушению предсказуемости и появляется как что-то неожиданное; поэтому на ней фиксируется внимание реципиента. Точнее, речь идет о нарушении определенной последовательности сигналов, что приводит к так называемому эффекту обманутого ожидания. В-пятых, деструкция не увеличивает семантическую информацию, она наоборот усложняет процесс ее восприятия, но зато создает дополнительную информацию - стилистическую. Таким образом, дефект ведет к эффекту, он же в свою очередь создает аффект. В-шестых, процесс восприятия аномальных форм замедляется и удлиняется в силу необходимости декодирования недостающих элементов. Поэтому глагольную метаплазму можно назвать и затрудненной формой.

Надо добавить, что глагольная метаплазма имеет поверхностную и глубинную структуру. В ее видимой структуре наблюдается дырка, а в глубине можно обнаружить недостающий элемент. В общем, она представляет собой то, что Балли назвал "подразумеваемым знаком".

Каждый язык имеет свою систему метаплазм. В сопоставительном плане между языками, особенно близкородственными, наблюдаются тождества, сходства и различия. Это относится и к русскому и сербохорватскому языку.

Между русским и сербохорватским языками больше всего совпадений в категории фоноплазм. В обоих языках наблюдаются все приемы, приводящие к образованию метаплазм: добавление, усечение.

Простриктивные метаплазмы, т. е. те, которые созданы на базе плюс-приема, в обоих языках встречаются реже, чем рестриктивные, т. е., которые образованы при помощи минус-приема. Такой вид метаплазм имеет два варианта: анафорический и эпифорический.

Анафорический вариант представляет метаплазму, которая образуется добавлением какого-нибудь структурного элемента к началу эталона. В сербохорватском языке такой метаплазмой является форма *pažvoljeti*, возникшая соединением приставки *paž-* для образования сравнительной степени прилагательных или наречий и глагола. Здесь речь идет не о глагольной приставке *ž-*, а о приставке, которая переносится из другой части речи. Таким образом, в этом примере нарушены

соотношения внутри грамматической системы языка. В процессе декодирования такой метаплазмы появляется пропущенный элемент *više - najviše voljeti*. Формально речь идет о плюс-приеме, а по сути дела о минус-приеме.

В русском языке подобных примеров нами не обнаружено.

Эпифорический вариант обозначает метаплазму, которая образуется добавлением какого-нибудь структурного элемента к концу эталона. В риторике это называется парагога. В обоих языках число таких примеров довольно ограничено.

На фонологическом уровне в сербохорватском языке встречаются случаи типа *vehnuti - venuti*.

На морфологическом уровне в сербохорватском языке эпифорические метаплазмы представлены постфиксами типа *der-, -dere, -derte, -dete* и т. п.: *vidider, vididare, dodiderte, nemojdete*.

В русском языке протриктивными метаплазмами такого типа являются формы повелительного наклонения с постфиксом *-ка*: *скажи-ка*.

Рестриктивные метаплазмы имеют гораздо больше разновидностей. Глагол в обоих языках подвергается следующим типам сокращения: а) фонологическому, б) морфологическому, в) синтаксическому, г) текстуальному. Они приводят к возникновению фоноплазм, морфоплазм, синтактоплазм и текстоплазм. Синтактоплазмы и текстоплазмы представляют собой зероплазмы, потому что речь идет о нулевых глагольных формах на уровне предложения и текста. Прием, который ведет к возникновению зероплазм, мы называем деглаголизацией. Сокращение глагольных форм имеет две разновидности: 1) превращение аналитических форм в синтетические, 2) полное выпадение глагольных форм в предложении и тексте, что приводит к формированию нулевого знака.

Фонометаплазмы представляют собой субстанциональную модификацию эталона глагола на фонологическом уровне. Изменение глагольной субстанции может быть в начале, в середине и в конце слова. Соответственно различаем глагольный аферезис (деструкция начала слова), глагольную апокопу (деструкцию конца слова), глагольную синкопу (деструкцию середины слова) и глагольный синерезис (деструкцию слога). Все это можно назвать фонологическим эллипсисом.

Особый тип фоноплазм возникает при замене фонем. В сербохорватском языке самыми типичными являются следу-

ющие примеры: *izio* < *izjeo*, *bjesniti* (правильно *bjesnjeti*). В русском языке эти случаи альтернации фонем типа: *пылесосу* (вместо правильного *пылесосу*), *зажгет* (вместо правильного *зажжет*), *лжу* (вместо правильного *лгу*), *ляжь* (вместо *ляг*), *положь*, *выдь*, *вылазь*, *езжай*, *едь*, *ехай* (вместо *поезжай*) в повелит. накл. (все областного и просторечного характера).

В сербохорватском языке фонологические сокращения охватывают почти все глагольные формы:

- инфинитив - *zaboravit*, *po'vatati*, *'apsiti*,
- настоящее время - *jes*, *'vatam*, *po'vata*
- перфект - *doš'o*, *prida*, *u'vatio*,
- аорист - *zadesi*,
- повелительное наклонение - *bjež'mo*, *nek'*, *hajd'*, *'odi*, *stan'*, *ček'*, *pi'*
- сослагательное наклонение - *bi'*, *bi'* *zaisk'o*
- будущее время - *'oćeto*

В русском языке наблюдается немного другая ситуация. Во-первых, то, что в инфинитиве сербохорватского языка является метаплазмой, в русском является эталоном - ср. сербохор. *čitat'* и русск. *читать*. Только некоторые русские глаголы могут иметь такие метаплазмы в инфинитиве. Это глаголы с основной на *с и з*, напр. *вывезть* (прост.), *вылезть* (прост.), *выползть* (разг.), *выцвезть* (прост.), *месть* (прост.), *перенесть* (разг. и поэт.), *цвезть* (разг. и поэт.)² Во-вторых, в русском языке выделяются особые экспрессивные формы прошедшего времени - глагольно-междометные формы типа *бух*, *прыг*, *толк*, *хлоп*. Эти усеченные глагольные формы обозначают внезапно-мгновенное действие в прошлом:

А я скорее сватил с головы картуз в левую руку и прямо им коню еще больше на глаза теста натираю, а нагайкой его по боку *шелк*... (Лесков Н. Очарованный странник)³.

Перестань, Женя, - сказала мама. В ответ на это ты - *трах* ногами в пол! (И. Бунин, Цифры).

В грамматиках сербохорватского языка такие формы не выделяются в особые глагольные формы, хотя анализ Е. Н. Прокопович показывает, что в одних случаях они могут высту-

2 Полный список дают Граудина и Ицкович в словаре-справочнике *Грамматическая правильность русской речи* (М., 1976), с. 198-199.

3 См. Прокопович Е. И. *Стилистика частей речи*. - М., 1969, с. 34.

пать в качестве глагольных форм (сохраняя номинативность, выражая прошедшее время совершенного вида), а в других выступают в качестве междометий (звукоподражаний) и, следовательно, лишены номинативности, не соотносительны с формами прошедшего времени совершенного вида, не имеют при себе зависящих слов (напр. "Тррах! гах! гах! гах!" - явно отчеканивал гром... Чехов, Степь). Они рассматриваются как звукоподражательные междометия. Вот пример из сербохорватского языка:

*Preskočim baštenski plot... i - bub u baštu (СВ)
Okliznuh se... i bup! padoh (Bogdanović Milan. Prevod
Hamleta).*

М о р ф о п л а з м ы возникают в результате превращения аналитических форм в синтетические. Это значит, что в русском языке такой деструкции могут подвергаться сложное будущее время, аналитические формы повелительного наклонения и сослагательное наклонение, а в сербохорватском перфект, плюсквамперфект, будущее второе, аналитические формы повелительного наклонения, сослагательное наклонение и пассивная глагольная форма. Таким образом, количественно русский язык здесь уступает сербохорватскому, так как соотношение 3:6 в пользу сербохорватского языка.

В русском языке вышеуказанные формы дают ограниченные возможности для образования метаплазм. Это могут быть случаи типа:

- 1) Будешь читать книгу? - Буду.
- 2) пропуск частицы **пусть** (**пускай**) в повелительном наклонении,
- 3) пропуск частицы **бы** в сослагательном наклонении.

Первый и второй случай встречается и в сербохорватском языке, а третий требует отдельного комментария.

В обоих языках сегмент А и Б сослагательного наклонения подвергаются полной или частичной деструкции, которая приводит к созданию фоноплазм. В русском языке частичная деструкция проявляется в превращении **бы** в **б**:

Если б Григорий ходил к жалмерке Аксинье, делая вид, что скрывается от людей (...) ТД, 56

В сербохорватском языке частная деструкция проявляется в сокращении сегмента Б, а именно форм 1-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч.: *ja bih* - >-*bi*, *mi bismo* - >-*bi*, *vi biste* - >-*bi* :

Ipak bi (*bih*) vollo znati ko su ti neznani ljudi iza pušaka (...)
KoSi 86

Что касается полной деструкции, т. е. такой, которая приводит к созданию морфоплазм, в русском языке она относится только к выпадению сегмента А:

- Не трясись!

- И рада б, да духу не переведу. ТД, 32

Сербохорватский язык отличается от русского языка тем, что деструкции полностью подвергается и сегмент А, и сегмент Б. Тогда возникает особая форма - краткое СН, состоящее или из сегмента А (нпр. *čitao*) или сегмента Б (*bih, bi, bismo, biste*).

В сербохорватском языке морфоплазмы имеют более выраженный характер. Здесь различаем, прежде всего, краткий перфект - из всех морфоплазм сербохорватского языка чаще всего встречается именно он. Деструкции обычно подвергается вспомогательный глагол *jesam*, который пропускается, и вся семантическая и грамматическая нагрузка переносится на причастие на -I.

Jer zbog nje i njene lepote palo je za pola sata sedam mrtvih glava oko njene kuće. *Pobili se* prosci i otmičari. *Tri se* porodice u crno *zavile*. А она умрла ода жалости (АА, 72).

И в плюсквамперфекте метаплазма возникает вследствие пропуска вспомогательного глагола:

Vogami se ja *bio prepaо* da ti dolaziš nekakvim drugim putem (СР, 223)

Будущее первое образует краткую форму двумя способами:

а) пропуском инфинитива -

Е *baš ću* do njega da vidim šta će biti (СР, 108)

б) пропуском вспомогательного глагола -

- *Valja* za to *plaćati*.

- Ма *ko plaćati? Zar sam* ja za to *kriv, a?* (СВ, 222)

Страдательная форма создает метаплазму, если пропускается вспомогательный глагол:

- *Je si li čuo - ranjen komadant!* (СР, 639)

Деглаголизация. Под этим термином подразумеваем прием, который приводит к созданию глагольных зероплазм, т. е. синтактоплазм и текстоплазм.⁴

Синтактоплазмы являются зероплазмами на уровне пре-

4 См. Branko Tošović. *Deglagolizacija kao umjetnički postupak u ruskoj i našoj poeziji*. - Književni jezik, Sarajevo, 1986, br. 15/3-4, с. 327-330.

дложения. Это, по сути дела, неполные, эллиптические предложения. Структурно в обоих языках они могут быть очень различными и глобально между двумя языками нет больших несовпадений.

Текстоплазмы являются высшей формой деструкции глаголов, потому что из целого текста выпадают глаголы. Текстоплазная деглаголизация имеет большие ограничения в прозаических текстах, так как ее можно применить лишь в небольших высказываниях. Типичный пример - телеграфный стиль. Однако, больше всего деглаголизация встречается в поэзии. Такой прием настолько широко используется, что можно выделить особый вид художественного творчества - безглагольную поэзию.

В русской и нашей поэзии деглаголизация давно применяется. Можно сказать, что Афанасий Афанасьевич Фет является родоначальником этого художественного приема. По мнению критиков, Фет был первый русский поэт, которому удалось создать целое стихотворение без глаголов. Речь идет об известном стихотворении "Шепот, робкое дыханье" (1850). Фет написал еще три таких стихотворения. По его пути последовали А. К. Толстой, А. Н. Майков, имажинисты, футуристы, символисты и др.

В нашей поэзии также много таких стихотворений. Однако, по отношению к русской можно предположить, что их меньше по двум причинам: 1) в сербохорватском языке наличие вспомогательного глагола и его большая частотность сокращает возможность применения этого художественного приема, 2) в нашей поэзии не было Фета (или поэтической школы, подобной русскому имажинизму), который бы выступал так сильно за этот способ художественного творчества. Однако ни то, ни другое не повлияло на расширение безглагольной поэзии у нас.

Русскую и югославскую безглагольную поэзию характеризуют некоторые общие черты. Прежде всего их отличает тематическая узкость - в основном речь идет о рефлексиях, описаниях пейзажа, мертвой природы и любви. Пропуск глагола приводит к пространственной ограниченности - такие стихотворения являются краткими, иногда чересчур краткими (всего два-три стиха), что создает лаконичность. Их также отличает исключительная ассоциативность. Отсутствие глаголов чаще всего приводит к статике - отглагольные существите-

льные, которые иногда заменяют глаголы, не в состоянии выразить динамику действия.

В заключение надо сказать, что все то, о чем мы говорили, необходимо ставить в более широкий контекст - в контекст славянских и вообще всех языков. Явление, о котором мы говорили, является общеязыковой универсалией. Вот почему оно требует более глубокого и разностороннего рассмотрения.

ИСТОЧНИКИ

АА: Ivo Andrić. *Prokleta avlija*. - Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga, knjiga 4. - Svjetlost, Sarajevo, 1984/85, s. 17-81.

ЃВ: Branko Ćopić. *Bašta sljezove boje*. - Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga, knjiga 8. - Svjetlost, Sarajevo, 1984/85, s. 1139- 321.

ЃР: Branko Ćopić. *Prolom*. - Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga, knjiga 7. - Svjetlost, Sarajevo, 1984/85, 685 s.

КС: Muhamed Kondžić. *Silicijum front*. - Savremena književnost naroda i narodnosti BiH u 50 knjiga, knjiga 47. - Svjetlost, Sarajevo, 1984/85, s. 15-402.

ТД - Михаил Шолохов. *Тихий Дон*. I -. Молодая гвардия, Москва, 1956, 400 стр.

RUSKE I SRPSKOHVATSKE GLAGOLSKE METAPLAZME

Branko Tošović

Predmet analize je operacija kojom se narušava signalna (linijska) informacija dodavanjem, oduzimanjem ili premještanjem određenog strukturnog elementa. Takav postupak vodi stvaranju neforme u čijoj je osnovi redundanca ili ekonomija. Da bi se dobila metaplazma, primjenjuju se tri postupka: a) plus-postupak, koji vodi nastajanju redundantnog oblika, b) minus-postupak, koji vodi stvaranju krnjeg oblika, c) premještanje, kojim se mijenja mjesto određenog strukturnog elementa. U radu se analiziraju glagolske metaplazme ruskog i srpskohrvatskog jezika nastale na bazi minus-postupka.

ХОРВАТКОСЕРБСКИЙ И ГРАДИЩАНСКО-ХОРВАТСКИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

А. Д. Дуличенко

Настоящая работа во многом является развитием идей, которые были высказаны автором в докладе "Хорватскосербский и градищанскохорватский: особый аспект сравнения?" на славистической конференции в Московском университете осенью 1983 г. Теоретические аспекты такого сопоставления еще не разработаны, хотя уже делаются попытки рассмотреть соотношение отдельных подсистем двух литературных языков (см., например: Lukenda, Mamić 1984: 133-140).

О градищанско-хорватском литературном языке

Это островной литературный микроязык, распространенный в земле Бургенланд (гр.-хорв. Gradišće "Градище") в Австрии. Градищанских хорватов 35 тыс. человек, их культурный центр - Железно/Эйзенштадт (Željezno/Eisenstadt). Начало литературного языка - с XVI в., первая печатная книга появилась в XVII в. В течение XVII-XVIII вв. и в XIX в. развивается преимущественно в конфессиональных рамках. В XIX в. под влиянием хорватского национального Возрождения среди градищанских хорватов возникает движение за обновление графики (переход с графики венгерского типа на гайицу) и самого языка. В XX в. для развития литературного языка и литературы много сделал писатель Мате Милорадич, автор первой градищанско-хорватской грамматики (Miloradić 1919). Ныне градищанско-хорватский литературный язык используется в области художественной литературы (в основном в поэзии, слабее - в прозе), научно-популярных жанров, на нем выходит периодика (газеты "Hrvatske novine", "Crikveni glasnik Gradišća", журналы "Novi glas", "Život", ежегодник-календарь "Gradišće" и др.), как предмет преподается в некоторых классах школы; на градищанско-хорватском ведутся также радиопередачи. Диалектная основа литературного языка - чакавская (предки градищанских хорватов происходят в основном из Северной Далмации, Лики, Прикупья и некоторых других мест),

с заметным штокавским, а также кайкавским воздействием (подробно история становления градищанско-хорватского литературного языка с XVI до XX вв. представлена в работе: Дуличенко 1980: 86-146).

Хорватскосербский и градищанско-хорватский

Хорватскосербский (хорватский), как известно, - язык хорватской нации. Градищанско-хорватский - это фрагмент хорватского языкового массива, с конца XV - XVI вв. находящийся в немецком и частично венгерском языковом окружении (предки градищанцев под натиском турок вынуждены были покинуть родные места и поселиться в глубине Европы). Характеризуясь островным признаком, т.е. дистантностью, прерывностью, градищанско-хорватский тем не менее входит в единую хорватскую языковую диасистему.

В генетическом плане между частями хорватского и градищанского языковых массивов просматриваются очевидные связи: как и в Хорватии, в Градище представлены все три диалекта - чакавский на севере и в большей части центра Градища, а также юга, кайкавский представлен двумя островами в среднем и южном Градище, а в южной части функционирует также штокавский. Следует только иметь в виду, что в Градище все три диалектные образования являются переселенческими и уже почти полтысячелетия функционирует в иноязычном окружении.

Отличия между хорватскосербским и градищанско-хорватским особенно заметны на литературно-языковом уровне: ведь это два литературных языка, развивающихся параллельно и дистантно, при этом существенно то, что это разнодиалектные литературные языки, т. е. в основе хорватскосербского лежит штокавский, а градищанско-хорватского - чакавский диалект. Важно отметить, что дистантность отношений не мешает (по крайней мере, не является большим препятствием) градищанско-хорватскому литературному языку постепенно двигаться в направлении к хорватскосербскому литературному языку. Процесс такого приближения проходит сложно, а начался он еще в XIX в. под воздействием хорватского национального Возрождения и идей Людевита Гае. В XX в. сторонником этого процесса был М. Милорадич, затем прозаик Игнац Хорват. В целом можно сказать, что в литературно-языковой

среде градишанских хорватов существуют два направления: одно развивается в русле сохранения старых основ литературного языка, другое пытается сблизить его с хорватско-сербским литературным языком (например, некоторые писатели даже переходят на этот литературный стандарт).

Аспект сопоставления - интрадиасистемный

Итак, на литературно-языковом уровне здесь оказываются два образования одной и той же диасистемы, одной и той же макроструктуры. Естественным образом возникает вопрос об их соотношении. А это требует выяснения инвентаря субстанциональных различий между двумя литературными языками, после чего можно перейти к установлению функциональной специфики их элементов и подсистем. Такое сопоставление дало бы возможность прогнозировать процесс, о котором речь шла выше, - одностороннее приближение лексико-грамматических признаков градишанско-хорватского к таковым хорватско-сербского. Кроме того, такое интрадиасистемное сопоставление, на наш взгляд, имело бы и общетеоретическое значение, в частности, для разработки теории языковой стратификации.

Интрадиасистемное сопоставление предполагает, по крайней мере, два подхода:

а) двустороннее, или билатеральное, при котором специфическое в двух языках определяется на фоне выявленных общих признаков, т. е. здесь обе системы используются равноправно, на одном основании;

б) одностороннее, или монолатеральное, при котором специфика одного языка выявляется на фоне другого языка-эталона.

Надо сказать, что при сопоставлении эти два подхода могут взаимодействовать друг с другом, нередко исследователи применяют их попеременно на том или ином этапе сопоставительного анализа. При этом важно прежде всего, чтобы была достигнута цель сопоставления. Для нашего сопоставления важно было взять в качестве языка-эталона хорватско-сербский, на фоне которого субстанциональные и дистрибутивные отличия градишанско-хорватского могут быть представлены более выпукло.

Что может быть взято в качестве опоры для сопоставления

двух литературно-языковых образований? Представляется, что для выявления субстанциональных различий и дистрибутивных качеств между ними могут быть использованы параллельные тексты, которые для этой цели следует специально подготовить либо воспользоваться теми, что есть (на градищанско-хорватский, например, переведены некоторые произведения Владимира Назора, Анте Ковачича, Йосипа Юрчича, Анте Якшича и некоторых других писателей). Далее, после выхода в свет в 1982 г. трехязычного "Немецко-градищанско-хорватского (хорватско-сербского) словаря" (NGHNR 1982), стало возможным привлекать и лексикографический материал. Если анализ параллельных текстов позволяет выявить и субстанциональные различия, их дистрибутивные качества и функциональные свойства (хотя понятно, что результаты такого сопоставления всегда будут в известной степени условны, так как многое здесь зависит от жанра текста, его объема и субъективности автора или переводчика), то изучение с этой точки зрения трехязычного словаря ограничивается лишь установлением системных субстанциональных и дистрибутивных признаков языковых единиц и их статистических характеристик. Так, словарь позволяет вскрыть некоторые фонологические и морфологические признаки одного языка в сравнении с другим (в рамках тех лексических единиц и их форм, которые признаются для словаря достаточными), более полно - словообразовательные особенности, лексико-семантическую общность и различия; что касается морфологии, то и здесь словарь дает важную информацию относительно специфики, например, рода существительных, глагольного вида, возвратности.

Посмотрим, что дает сопоставительный анализ одного и того же фрагмента научного текста на двух языках (сам текст и разработанную нами матрицу представления и распределения общих и отличительных элементов и признаков двух языков см. в приложении к настоящей работе). Текст содержит приблизительно 16 строк и 89 неповторяющихся слов (при этом мы не учитывали совпадающие предлоги *na, s, po, u, od, za*, союзы *i, i*). В лексическом плане общность между двумя языками составляет 76 единиц, или около пяти шестых всего числа. Следовательно, 13 единиц, или около одной шестой части, не совпадают (см. матрицу). При этом в число 76 общих единиц двух литературных языков включены и те 11, которые в гра-

дишанско-хорватском имеют специфическую фонологическую окраску, ср.: *pjesništvo* - град.-хорв. *pjesništvo*, *svijet - sviť*, *koji - ki* и под. Всего же фонологически маркированных в градишанском слов и их форм 14, т. е. соотношение практически то же, что и в лексике. В словообразовательном плане выявлено лишь 4 случая различий. Что касается морфолого-синтаксического поведения 89 слов в избранном нами тексте, то оно является также показательным: выявлено лишь 8 формально-морфологических различий (в основном падежных субстантивных), в то время как оставшееся 81 словоупотребление демонстрирует и формальное и функциональное (синтаксическое) совпадение, т. е. различия здесь затрагивают лишь каждое одиннадцатое слово, словоупотребление. Надо сразу же заметить, что в других жанрах таких различий может быть больше. Дело в том, градишанско-хорватский научно-популярный и публицистический стили в значительной мере лексически опираются на хорваткосербский. Наши выводы относительно лексико-словообразовательных, фонологических и морфологических особенностей двух языков ни в коей мере не претендуют на обобщение. В нашу задачу входило лишь показать один из возможных подходов сопоставительного анализа двух языковых образований, находящихся в рамках единой диасистемы.

Сопоставление данных словаря раскрывает перед нами не просто картину обычных совпадений и отличий, напротив, оно дает возможность обнаружить и статистически доказать ряд весьма существенных, мы бы даже сказали, глубинных структурных изменений, которые проходили в двух языках разнонаправленно. Нередко такие изменения в градишанско-хорватском происходили под воздействием других языков - прежде всего немецкого, затем также венгерского. Так, в градишанско-хорватском идет, вероятно, постепенный процесс утраты двувидовости глагола: в словаре глаголы подаются большей частью в форме совершенного вида, при этом хорваткосербские эквиваленты к ним подаются в обоих видах. Таких примеров, можно сказать, бесчисленное множество, ср. небольшой фрагмент слов на "E":

немец.	град.-хорв.	хорв.-серб.
einäschern:	spaliti, pospaliti, požgati	spaliti - spaljivati

einbauern:	ugraditi, uzidati	ugraditi - ugrađivati uzidati - uzidivati
einbeissen:	zagristi	zagristi - zagrizati
einbiegen:	skrenuti, zakrenuti	odvrnuti - odvrtati svinuti, zasvinuti - svijati
einbinden:	svezati, zavezati, uvezati	uvezati - uvezivati
einbrechen:	zaruznuti, prova-	provaliti - provaljivati
einbringen:	dovesti ^{li ti}	unijeti - unositi
eindecken:	pokriti, zabrcati	pokriti - pokrivati
eindeutschen:	ponimčiti	ponijemčiti - ponjemčivati

...(ср., например: Finka 1984: 115)

Еще один пример интереснейшего явления - использование наречных слов в качестве отделяемых (либо неотделяемых) приставок для образования способов глагольного действия. Это явление, возникшее под влиянием немецких, в частности, нижеавстрийских и каринтийских диалектов, а также венгерского языка, изучено венгерским славистом Ласло Хадровичем (Hadrovics 1974: 183-187; и другие работы этого автора). Оно имеет общеградищанское распространение и даже выходит за его границы, так как обнаруживается в кайкавском, прекурско-словенском и некоторых других диалектах. Названное нами явление очень продуктивно и охватывает 10 префигированных наречий: *van*, (*na*)*prik*, *doli*, *gori*, *kraj*, *najp(e)r/napred*, (*s*)*kroz/kroz*, *najzad*, *nuter/-ar*, *skupa*. Все они могут выступать, как и соответствующие немецкие и венгерские эквиваленты, то в виде собственно приставочных (*vandati*), то в виде приставок-слов, т.е. отделяемых приставок (*dati van*, ср. хорв.-серб. *izdati* "выдать"). Трехязычный словарь позволяет выявить продуктивность префиксального типа: *van* - 33, *nuter/-ar* - 24, *doli* - 17, *gori* - 15 и т.д. Представляется возможным выявить и статистическое распространение этого явления - в словаре нами обнаружено 156 таких глагольных образований. Более того, оказывается, что рассматриваемый префигированный тип используется и при отглагольном образовании существительных, т.е. он разрастается и одновременно вырастает в частеречную и словообразовательную систему языка, ср.: *aufstehen - goristati* (хорв.-серб. *uskrsnuti* "воскреснуть"), но: *Aufstehung - goristanje* (хорв.-серб. *uskrs, uskrsnuće*). Таким образом, интрадиалектный анализ ставит своей задачей выявить субстанциональные, дистрибутивные и функциональные общности и

различия между хорваткосербским и градищанско-хорватским литературными языками, при этом очевидно, что функциональный аспект может быть изучен лишь при сопоставлении текстов большого объема и разного жанра. В конечном счете такие сопоставления дают возможность определить место градищанско-хорватского литературного языка в общехорватской диасистеме и наметить пути его интеграционного развития, а это - одна из фундаментальных проблем теоретического языкознания.

Автор статьи выражает благодарность др Николе Бенчичу (Железно/Эйзенштадт) за перевод фрагмента его статьи с хорваткосербского на градищанско-хорватский литературный язык (см. "Приложение а").

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуличенко А.Д. (1980) *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. II. Градищанско-хорватский литературный язык в Австрии.* - Ученые записки Тарту ГУ. Вып. 524. Труды по русской и славянской филологии, XXXII. Тарту, с. 86-146.
2. Finka B. (1984) *Gradišćanskohrvatska jezična kodifikacija u Njmsko-gradišćanskohrvatsko-hrvatskom rječniku.* - Gradišćanski Hrvati 1533-1983. Zbornik. Zagreb, s. 109-119.
3. Lukenda M., Mamić M. (1984) *Odnos gradišćanskohrvatske školske terminologije prema hrvatskoj književnoj.* - Gradišćanski Hrvati 1533-1983. Zbornik. Zagreb, s. 133-140.
4. Milloradić M. (1919) *Slovnica hervatskoga jezika.*-Győr.
5. NGHR 1982 - *Njmsko-gradišćansko-hrvatski rječnik.* Izdjelali N. Bencsics, B. Finka, A. Šojat, J. Vlasits, S. Zvonarich. - Eisenstadt/Zagreb. - 637 s.

ПРИЛОЖЕНИЕ

а) *Параллельный текст на градишанско-хорватском и хорватско-сербском литературных языках*

Pjesništvo Gradišćanskih Hrvatov, kot i cijelu pismenost gajili su duhovniki i učitelji, ljudi određenih gledanjev na svet, s određenim držanjem, mišljenjem i stavi... Mi nimamo bohemov, fantastov, pustolovov, nimamo vizionarne pjesnike, umjetničke i književne karaktere, mi nimamo književnih sanjarov, naši pisci, književniki, stvaratelji, "pravi" su "poštenjaki", dobri, preštamani, jednostavni pripadniki jednostavnog naroda, po zvanju učitelji i duhovniki, ki su i u književnosti spunjavali samo svoju dužnost, a kategorija dužnosti nije umjetnička kategorija. Idejal im je marljivost, poštenje, čuvanje naroda od tuđih uplivov, a odatle i čuda naivnosti u njegovu stvaranju. Književni izraz je za nje u prvom redu mogućnost sporazumivanja, izraz biološke povezanosti, demonstracija pripadnosti jednoj družini, medij upliva, a samo po ki put objekt umjetničkoga formiranja, objekt stvarajućega duha. Stalna i bučna usmirenost na životni i kulturni opstanak, tendencioznost prez prekida, prevladali su skromne pokušaje većih literarnih zaletov.

Pjesništvo Gradišćanskih Hrvata, kao i čitavu pismenost, gajili su svećenici i učitelji, ljudi određenih pogleda na svijet, s određenim držanjem, mnijenjem i stavovima... Mi nemamo boema, fantasta, pustolova, nemamo vizionarne pjesnike, umjetničke i književne karaktere, mi nemamo književnih bjesomučenika, naši pisci, književnici, stvaraoci "pravi" su "poštenjaki", dobri, čestiti, jednostavni pripadniki jednostavnog naroda, po zanimanju učitelji i svećenici, koji su i u književnosti ispunjavali samo svoju dužnost, a kategorija dužnosti nije umjetnička kategorija. Ideal im je marljivost, poštenje, čuvanje naroda od tuđih utjecaja, a od tuda i mnogo naivnosti u njihovu stvaranju. Književni izraz je za njih u prvom redu mogućnost sporazumijevanja, izraz biološke povezanosti, demonstracija pripadnosti jednoj zajednici, medij utjecaja, a samo po neki put objekt umjetničkog formiranja, objekt stvarajućeg duha. Stalna i bučna upravljenost na životni i kulturni opstanak, neprekidna tendencioznost, prevladali su skromne pokušaje većih literarnih zamaha.

Из: N. Benčić. *Pjesništvo Gradišćanskih Hrvata*.- Gradišćanski Hrvati. Zagreb: Čakavski sabor, 1973, s. 98-99.

б) Матрица распределения элементов и признаков хорватско-сербского и градищанско-хорватского литературных языков (на основе предыдущего текста):

№	совпадающие лекс.	различающиеся лексемы		"локально" маркированные лексемы			
	(грамм. форм.)	хорв.-серб.	град.-хорв.	хорв.-серб.	фонолог.	морфол.	сл.-образ.
1	2	3	4	5	6	7	8
1	(pjesništvo)			pjesništvo	pjesničtvo		
2	Gradišćanskih						
3	Hrvata			Hrvata		Hrvatov	
4			ket	kao			
5		čitavu	cijelu				
6	pismenost						
7	gajili su						
8		svećenici	duhovniki				
9	učitelji						
10	ljudi						
11	određenih...						
12				pogleda		gleda-	gleda-
13	(svijet)			svijet	svit	njev	njev
14	držanjem						
15		mnijenjem	mišljenjem				
16	stavovima			stavovima		stavi	
17	mi						
18	(nemamo)			nemamo	nimamo		
19	boema			boema	bohemov	bohemov	
20	fantasta			fantasta		fantastov	
21	pustolova			pustolova		pustolovov	
22	vizionarni						
23	pjesnike						
24	umjetnički						
25	književni						
26	karaktere						

1	2	3	4	5	6	7	8
27		bjesomu	sanjarov				
28	naši	čenika					
29	pisci						
30	književnici			književnici	književniki		
31				stvaraoci			stvara-
32	dobri						telji
33		čestiti	preštamani				
34	jednostavni						
35	pripadnici		pripadnici	pripadnici			
36	<jednostavnog>		jednosta-	jednosta-			
37	narod	zanimanje	vnog	vnoga			
38	(koji)		zvanje				
39	književnost		koji	ki			
40	(ispunjavali su)		ispunjavali su	ispunjavali su			
41	samo						
42	svoj						
43	dužnost						
44	kategorija						
45	(ideal)		ideal	idejal			
46	im						
47	marljivost						
48	poštenje						
49	čuvanje						
50	tudi						
51		utjecaja	uplivov				
52		(od) tada	odatle				
53		mного	čuda				
54	naivnost						
55	(njihovu)		njihovu	njevomu			
56	stvaranje						
57	izraz						
58	(njih)			njih	nje	nje	
59	prvom			prvom		prvomu	
60	redu						
61	mogućnost						
62	(sporazumijevanja)		sporazumi-	sporazumi-			
63	biološke		jevanja	vanja			
64	povezanosti						
65	demonstracija						

1	2	3	4	5	6	7	8
66	pripadnosti						
67	jednoj						
68		zajednici	družini				
69	medij						
70	(/po/neki)			(po)neki			(po)ki
71	put						
72	objekt						
	<umjetničkog>			umjetnič-	umjet-		
73	formiranje			kog	ničkoga		
74	(stvarajućeg)			stvarajućeg	stvara-		
75	duha				jućeg?		
76	stalna						
77	bučna						
78		upravljenost	uamirenost				
79	životni						
80	kulturni						
81	opstanak						
82				neprekidna			prez pre-
83	tendencioznost						kida
84	prevladavali su						
85	skromne						
86	pokušaje						
87	većih						
88	šiterarnih						
89		zamaha	zaleto				

HRVATSKOSRPSKI I GRADIŠČANSKO-HRVATSKI: TEORETSKI ASPEKTI POREDBENE ANALIZE

A. D. Duličenko

Gradišćanskohrvatski književni mikrojezik kojim se govori u austrijskoj pokrajini Burgenland predstavlja komponentu hrvatskog jezičnog dijasistema (makrosfkture). Usporedba gradišćanskohrvatskog sa hrvatskosrpskim ima opšteteorijsku vrijednost, njome se mogu utvrditi mjesto i saodnos konkretnih elemenata i karakteristika dvaju sistema, pokazati mogući razvoj procesa zblizavanja mikrojezika sa nacionalnim književnim jezikom. Dijalekti književnih jezika koje upoređujemo su različiti: gradišćanskohrvatski se zasniva na čakavskom, a hrvatskosrpski na štokavskom dijalektu. Predlaže se postupak podrob-

ne analize paralelnih tekstova na dva jezika, a takođe i svestrana analiza trojezičnog njemačko-gradišćansko-hrvatskog (hrvatskošpaskog) rječnika izdatog 1982. godine. Pri tome su moguća bilateralna i unilateralna poređenja. Oba pristupa se međusobno dopunjuju i omogućuju da se izdvoji zbir supstancijskih, distributivnih, strukturalnih, a takođe i funkcionalnih razlika. Za usporedbu elemenata i podsistema, kao i njihovog funkcionisanja u okviru jednog genetskog sistema predlaže se naziv intradijasistemsko poređenje.

АНАЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВИТИЯ АКЦЕНТНОГО ТИПА *góra, gorǫ* В СЛОВЕНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Хан Стенвийк

1. Праславянская подвижная акцентная парадигма (**gorà*, **gǫrǫ* а.п. с) отражается в подвижном акцентном типе словенского литературного языка, хотя и с измененной акцентной кривой (*góra, gorǫ*). В описаниях литературной нормы число слов, принадлежащих к этому типу, по-видимому, снижается. Валявец (Valjavec 1897: 194-195) насчитывает 51 существительное и замечает, что такие слова можно иногда услышать и с устойчивым ударением на корне, но "*to ne valja i ne dolikuje govora obrazovana čovjeka*" (там же). Топоришич (Toporišič 1984: 225-227) приводит только 21 пример, из которых 14 являются праславянскими а-основами с корневыми гласными *е, *о. Все эти примеры имеют ударение "*po pergrémšnem ali po mešanem tipu*" (там же).

На развитие праславянской а.п. с на словенской языковой территории влияли следующие фонетические исторические процессы. Очень рано все ударные конечные гласные с нисходящей интонацией отдали иктус последующему слогу, гласный которого стал долгим с нисходящей интонацией: **ǫko* -> **okǫ*. Позже конечные краткоударные гласные отдали иктус предшествующему слогу, если там находился долгий гласный: **dúša* -> **dúša* (так называемая первая ретракция). Затем то же самое произошло в словах с краткими *е, *о, *ь *ъ в предударном слоге: **gorà* -> **góra* (так называемая вторая ретракция), см. (Lencek 1982: 75). Вследствие этих процессов а.п. с теоретически преобразовывается следующим образом:

а. к. 1 ¹		-> а. к. 2		-> а. к. 3	
* <i>gorà</i>	* <i>gǫrǫ</i>	* <i>gorà</i>	* <i>gorǫ</i>	* <i>góra</i>	* <i>gorǫ</i>
* <i>goré</i>	* <i>gór</i>	* <i>goré</i>	* <i>gór</i>	* <i>goré</i>	* <i>gǫr</i>
* <i>gorì</i>	* <i>goràm</i>	* <i>gorì</i>	* <i>goràm</i>	* <i>góri</i>	* <i>góram</i>
* <i>gǫrǫ</i>	* <i>gǫrǫ</i>	* <i>gorǫ</i>	* <i>gorǫ</i>	* <i>gorǫ</i>	* <i>gorǫ</i>
* <i>gorojǫ</i>	* <i>goràmì</i>	* <i>gorǫ</i>	* <i>goràmì</i>	* <i>gorǫ</i>	* <i>goràmì</i>
* <i>gorì</i>	* <i>goràx</i>	* <i>gorì</i>	* <i>goràx</i>	* <i>góri</i>	* <i>górax</i>

1 Список сокращений помещен в конце статьи.

А. к. 1 мы принимаем за исходную общесловенскую. Она отличается от праславянской реконструкции, предлагаемой Дыбо (Дыбо 1981: 27), в следующих пунктах. В Д ед. стоит конечное ударение, так как в большинстве словенских диалектов этот падеж показывает то же самое акцентологическое поведение, что и М ед., в котором конечное ударение принято за праславянское. Однако на основе данных некоторых прекурских говоров надо предполагать дублетную форму Д ед. *gdŕě, см. пар. 7. В Р мн. уже стоит новоакутовое ударение, так как наша реконструкция отражает ситуацию после падения конечных редуцированных гласных. В разных окончаниях уже представлена словенская специфика: в Р ед., И/В мн. *-ę, в Д/М ед. *-i от ja-основ вместо *-у, *-ě.

В период, когда в языковой системе существовала а.к. 2, наверное, произошло смешение праславянской а.п. с с а.п. b (Jaksche 1965: 53). Этим объясняется наличие в подвижном типе литературного языка существительных с праславянской а.п. b, в которой ударение падает на окончание во всех падежах, например, *žéna, ženŕ*, но **ženà, *ženŕ*. Когда появилась а.к. 3, начался процесс аналогического выравнивания места иктуса, в результате которого существительные, принадлежащие к праславянским а.п. b и а.п. c, переходят в неподвижный тип с накоренным ударением. Так, например, *dúša* ни Валявцем, ни Топоришичем не приводится как существительное подвижного типа, хотя оно относится к праславянской а.п. c, см. рус. *душá, дúшу*, с.-х. *dúša - dŕšu*.

В настоящей работе мы рассматриваем, каким образом происходит процесс аналогического выравнивания данного типа. Аналогия как категория в историческом развитии языка выполняет важную роль: она изменяет менее прозрачные парадигмы, которые появляются в языковой системе как следствие фонетических процессов, в более прозрачные. Хотя нельзя утверждать, что эти две категории действуют в строго хронологической последовательности, при которой бы аналогия срабатывала только после окончания определенного фонетического процесса, в данном случае ясно, что аналогическое выравнивание места иктуса начинается в ситуации, где появляется а.к. 3. В период существования а.к. 2 нет особых поводов для выравнивания места иктуса. Можно только предполагать, что качество или количество акцента подлжит аналогическим изменениям (см. об этом пар. 3).

Материал для настоящего исследования мы находим в тех словенских диалектах, в которых выше упомянутые фонетические процессы произошли и потом не были аннулированы другими фонетическими процессами².

Двойственное число в примерах не приводится, так как оно имеет часто неполную парадигму или полностью отсутствует. Установление акцентных кривых основывается на тех примерах, которые упомянуты в описаниях. Особое внимание уделяется примерам с корневыми *е, *о, так как качество (ново)ударных гласных может содержать дополнительную информацию. Существительные с корневым гласным *ацъ, *ъ в нашей работе не рассматриваются, так как ретракция в примерах типа *maglà далеко не всегда совпадает с ретракцией на *е, *о. Предполагается, что процесс аналогического выравнивания, который рассматривается нами, в существительных с долгим гласным в корне сработал уже тогда, когда существительные с кратким гласным еще являлись конечноударными. Существительные с долгим гласным, которые остались конечноударными и после первой ретракции, в своем поведении уже имитируют существительные с кратким гласным.

2. Жетинский говор (Žetinci/Sichelsdorf), прекмурский диалект, паннонская группа.

а. к. 4		к/о	к/о	сп.	
<i>nóuga</i>	<i>nogé</i>	x	x	<i>kléit</i>	<i>kleti'</i>
<i>nogé</i>	<i>nóug</i>	x	x	<i>kleti'</i>	<i>kleti'</i>
<i>nóugi</i>	<i>nogàn</i>	x	x	<i>kléiti</i>	<i>kletàn</i>
<i>nogóu</i>	<i>nogé</i>	x	x	<i>kléit</i>	<i>kleti'</i>
<i>nogòj</i>	<i>nogómi</i>	x	x	<i>kletjòj</i>	<i>kletómi</i>
<i>nóugi</i>	<i>nogàj</i>	x	x	<i>kléiti</i>	<i>kletàj</i>

акцентные оппозиции: долгий < – > краткий

(Zorko 1989: 246)

2 Исключаются диалекты, в которых вторая ретракция не произошла (резьянский, терский, надижский и части обсочского и рожского диалектов), и диалекты, в которых так называемая третья ретракция восстановила праславянское место иктуса в падежах с праславянским накоренным ударением (зильский, части подьянского, штирийских, ровтарских и белокраньского диалектов).

Вопреки четырем примерам *drvóu*, Р ед. *dréiva*, *čréiva*, *póule*, *óuka* (Zorko 1989: 247)/*okóu* (там же, стр. 243) жетинский говор, по-видимому, не подвергался третьей ретракции. Имеется множество двусложных примеров, которые показывают конечное ударение: *golóub*, *mesóu* (там же, стр. 243), Р ед. *zobá*, В мн. *zobé* (там же, стр. 245) и т. п. Нерегулярные примеры объясняются тем же способом, как это делал Риглер (Rigler 1959-60), разбирая подобные примеры из некоторых южноотраньских говоров. Долгий корневой гласный непонятен, если предполагать третью ретракцию, в то время как новоударные гласные в результате второй ретракции остались краткими (см. ниже). Долгий рефлекс регулярен во множественном числе: И мн. *dréive*, *kóula* (Zorko 1989a: 247), Р мн. *čréif* (там же, стр. 245). Процесс аналогической замены огласовки и места иктуса в единственном числе огласовкой и местом иктуса множественного числа еще не завершен, см. *drvóu*. В говорах, о которых пишет Риглер (Rigler 1959-60), этот процесс ограничился теми существительными среднего рода, которые раньше относились к *s*-основам. И в жетинском говоре морфема **es*- уже утрачена. В примерах *póule*, *óuka* можно предполагать влияние предложных сочетаний типа **na pólje*.

Акцентная кривая 4 отличается от ожидаемой а.к. 3 только в Д/М мн., от окончаний которых иктус не оттягивался. Трудно сказать, по фонетическим ли причинам оставалось конечное ударение или по аналогии. Рамовш (Ramovš 1929:57), рассматривая вторую ретракцию, пишет, что эта ретракция от закрытых слогов совершилась немного позже, чем от открытых. Все имеющиеся примеры жетинского говора показывают оттяжку от закрытого слога, так что не исключено аналогическое удерживание конечного ударения во множественном числе: ударение падает на окончание во всех падежах этого числа. Любопытно, что акцентные кривые *a*-основ и *i*-основ полностью совпадают³. По мнению Зорко, корневой гласный и долготность приведенного примера аналогичны примеру *róuka*, Р ед. *róuke*, который, однако, относится к неподвижному типу (Zorko 1989a: 242, 246); регулярный результат второй ретракции

3 С двумя оговорками: Во-первых, нас здесь не занимает, какими процессами устанавливалась акцентная кривая в *i*-основах. Во-вторых, при сравнении акцентных кривых *a*- и *i*-основ нулевые окончания не учитываются.

находим в примерах *dreh, tèle* (там же, стр. 242). Другие примеры в морфологической части статьи не приводятся автором, но можно предположить, что *kòsa*, Р ед. *kosé* (там же) тоже относится к подвижному типу.

3. Костаньский говор (Kostanje/Köstenberg), рожский диалект, каринтийская группа.

Прежде чем приступить к рассмотрению акцентной кривой занимающих нас существительных, придется остановиться на некоторых вопросах, касающихся места иктуса в данных Логара (Logar 1967). Знак ʷ в конечном слоге неоднозначен. Во-первых, этот знак обозначает автоматическое продолжение восходящей интонации одного из неконечных слогов, например, *hwáwá*⁴, *príáthá* (Logar 1967: 1). Этим, наверное, можно объяснить, как происходили дублеты или опечатки типа *datè* (там же, стр. 3) / *dátè* (там же, стр. 7), И мн. м. *mwadè* (там же) / *mwáddè* (там же, стр. 9), *razatè* (там же, стр. 5) / *rázatè* (там же, стр. 18), *hárwè* (там же, стр. 4). (Знак ʷ в неконечных слогах появляется только на а и э, за исключением пяти примеров: *ùznè* (там же, стр. 7), Р ед. м. *drèjā* ← **drugèga* (там же, стр. 8), *glòcna* (там же, стр. 9), *kèhiñà* (там же, стр. 10), *peitèlj* (там же, стр. 14). Знак э вообще не встречается с другими знаками ударения, так что это ограничение, по нашему мнению, - тоже автоматическое явление. Появление à объяснить труднее, так как а встречается также с другими знаками ударения. Как бы то ни было, знак ʷ в конечном слоге явно означает место иктуса.) Во-вторых, знак ˘ в конечном слоге должен означать место иктуса, но ввиду возможных дублетов или опечаток на основе примеров, содержащих только знак ˘ в конечном слоге, окончательные выводы делать рискованно.

Эта проблематика отражается на положении данного диалекта в связи со второй ретракцией. По мнению Логара (Logar 1967: 1), эта ретракция в большинстве случаев не произошла. Действительно, имеется много примеров, в которых знак стоит на конечном слоге и тогда, когда такое слово неоднократно приводится автором. Так как вряд ли все это опечатки, рассмотрим подробнее материал Логара. Во-первых, в нем имеются следующие дублеты: *talè* (Логар 1967: 4) / *tálè* (там же, стр. 5), *jačtàn* (там же, стр. 4) / *jáčtàn* (там же, стр. 6), *nesìè* (там же, стр. 5) / *néstèè* (там же, стр. 18); И мн. *koñè* (там же, стр. 4) / *kóñè* (там же,

4 В транскрипции знак для неслогового и заменен знаком w.

стр. 7), *woknò* (там же, стр. 5, 16)/*wòknò* (там же, стр. 10), Р/М мн. *doràx* (там же, стр. 4)/*dòràx* (там же, стр. 16), Д мн. *doràm* (там же, стр. 4)/*dòràм* (там же, стр. 16). Остальные примеры распределены следующим образом: с накоренным ударением ни одного примера с *е в корне нет, а есть 15 примеров с *о в корне. С конечным ударением имеются 33 примера с *е в корне против 12-ти примеров с *о в корне⁵. Основываясь на данном распределении, мы заключаем, что вторая ретракция в словах с корневым гласным *о в большинстве случаев (в 15 + 4 из 31) происходила, в словах же с корневым гласным *е почти не происходила (в 3 из 36). Для объяснения причин такого распределения материал недостаточен. Приводим ниже акцентную кривую:

а. к. 5		к/о	к/о	сп.
<i>wòsà</i>	<i>wosé'</i>	x	x	<i>zanà</i> (<i>kozè</i> , 4/ <i>kozé</i>)
-e		x		<i>zanè</i> , 4 (<i>kías</i>)
-à	<i>wòsàm</i>	x	x	-à
-o	<i>wosé'</i>	x	x	<i>zanò</i> , 4 (<i>kozè</i> , 4/ <i>kozé</i>)
-ó	<i>wosámà</i>	x	x	-ó
-à	<i>wòsàx</i>	x	x	-à

акцентные оппозиции: восходящий↔нисходящий (только в долгих)

долгий↔краткий

(кроме указанных страниц, (Logar 1967:12))

Данная а.к. не покрывается а.к. *i*-основ, в которой иктус принадлежит окончанию в Р/Т ед. и во всех формах множественного числа (Logar 1967: 12). Мы принимаем ее на основе дополнительных примеров *nòhà* (там же, стр. 3), Р ед. *nóje* (там же, стр. 9), Д/М ед. *nóje* (там же, стр. 7, 9), Т ед. *nohó* (там

5 Из приводимых Логаром парадигм берем только по одному примеру при определении количественных соотношений, что снижает частотность *о-корней с накоренным ударением. Примеры типа *nasàm*, *nasàs*, *nàsawà*, *nàsamò*, *nàsajò/nasó* (Logar 1967; 19) с оттяжкой иктуса в трехсложных формах множественного числа настоящего времени не учитываются ввиду их ненадежности. Заманчиво было бы объяснить эти формы как подобное явление в другом рожском говоре (Breznica pri Št. Jakobu), может быть, связано с sandhi. Риглер (Rigler 1977:90) приводит следующие примеры: *baràm*, *bàramo/bàramo*, *zàlàn*, *zàlano*, и *dorò*, *dòro je* (см. об этом Vermeer 1986; 590).

же, стр. 5). Этой а.к. обладают во всяком случае *bŕwxà, sŕwzà i rŕkà* (там же, стр. 12).

По сравнению с гипотетической а.к. 3 разница заключается в аналогической оттяжке иктуса в Р/В ед. И так, в единственном числе иктус, кроме формы Т ед., целиком принадлежит основе. Возникает вопрос, в какой мере эта оттяжка является аналогической. Можно предположить, что в период существования а.к. 2 ударение в Р/В ед. под влиянием существительных с праславянской а.п. *b* было сокращено. Это для Р ед. подтверждается примером из боровльского говора (Borovlje/Ferlach) *horè*, однако, ср. В ед. *horó* (Scheinigg 1881-2: 428), так что в случае Р ед. ретракция сама по себе может быть фонетическим явлением.

Регулярный рефлекс новоударного *о не поддается установлению, см. Р/В ед. *otrŕkà* (Logar 1967: 3), Т. ед. *otrŕkàt* (там же, стр. 6). Поэтому альтернатива *nŕhà - nŕjè* при наличии примера *rŕkà - rŕcà* (там же, стр. 12) остается необъяснимой: открытый рефлекс в Д/М ед. *nŕjè* нельзя объяснить по аналогии с *rŕcà*, так как в И ед. влияние аналогии не обнаруживается. Такую же альтернативу мы находим в примере *wŕdà* (там же, стр. 7) - *wŕdŕ* (там же, стр. 4). Различие в качестве новоударного *о также нельзя приписывать влиянию конечного гласного, см. И мн. *kŕhà*, Д/М ед. *kŕstè* (там же, стр. 12); Т ед. *otrŕkàt* (там же, стр. 6), Р ед. *kŕtwà* (там же, стр. 14).

По типу *žanà/kozà* склоняются также *kosà, sastà* и *časà* (там же, стр. 12). Любопытно, каким образом эти существительные смогли сохранить конечное ударение после периода с а.к. 2. Надо отметить, что к этому типу как раз и относятся существительные с праславянской а.п. *b*, но дублетная форма И/В мн. *kozè* показывает, что смешение праславянских а.п. *b* и *c* в какой-то степени все-таки произошло. Кажется, что этот процесс смешения начался довольно поздно. Если учесть и выше изложенные трудности в интерпретации примеров со знаком [˘] в конечном слоге, может возникнуть подозрение, что у этих примеров такая же акцентная кривая, как а.к. 5. Однако этому проговорит дублетная форма И/В мн. *kozè* (в материалах Логара нет колебаний между знаками [˘] и [˙] в конечном слоге).

4. Койский говор (Kojško), брицкий диалект, венецианско-красская группа. Полной парадигмы интересующих нас существительных Логар (Logar 1956) не приводит, но на основе отдельных примеров нами получена следующая а.к.:

а.к. 6		к/о	к/о
(kǝza), 36	(kǝz/kuzǝ)	х	х/х
пǝγ	пǝγ̄, 43	х	х
пǝγ		х	
(wǝd)	(kǝz/kuzǝ)	х	х/х
пǝγ	пǝγ̄am, 42	х	х
пǝγ	пǝγ̄ix, 39	х	х

акцентные оппозиции: восходяще-нисходящий-нисходящий (только в долгих)
 долгий-краткий
 (кроме указанных страниц, (Logar 1956: 41))

По сравнению с а.к. 5 иктус в а.к. 6 аналогическим образом оттянулся в Т ед. и И/В мн., хотя во множественном числе возможны дублеты с конечным ударением. Р мн. представляет собой новое образование с конечноударной морфемой *i*-основ. Так как восходяще-нисходящий акцент появлялся везде, где заударный гласный в открытом конечном слоге утратился (Logar 1956: 41), рассматриваем Т ед. пǝγ как явную опечатку. Качество ударения в примере В ед. wǝd⁶ неясно, и надо отметить, что под долгим ударением всегда сопровождается знаком ̄, см. stǝza (там же, стр. 37). Об а.к. *i*-основ не имеется достаточно данных, чтобы сравнить обе акцентные кривые, но М мн. kustǝx (там же, стр. 35) указывает на их нетождественность. Судя по формам И/В мн., к а.к. 6 относятся rkǝ (там же, стр. 40), wǝc/wǝcǝ (там же, стр. 41) и bǝx/baxǝ (там же).

Качество новоударного *o во всех формах одно и то же независимо от того, является ли данный рефлекс результатом действия аналогии или фонетических процессов. На примере И/В мн. kǝz/kuzǝ становится ясным, что качество фонетического новоударного *o перенесено в формы с новоударным *o как следствие аналогии. В ед. wǝd И/В мн. wǝc не являются результатом редукции первично неударного гласного, см. wǝsɫ*vǝz (там же, стр. 37). Подобным же образом И/В мн. bǝx не обязательно воспринимать как результат редукции неударного гласного, см. И/В мн. pǝx (там же, стр. 41). Что касается заударных гласных, то мы можем сказать, что формы с ударением, полученным вследствие действия аналогии, обнаруживают то же

6 См. прим. 4.

самое поведение, что и формы, в которых ударение является результатом фонетического развития: полностью исчезли **ę*, **ϕ*, **i*, **u*, см. Р ед. *krǫv* (там же), В ед. *nedfel* (там же), Д/М ед. *krǫv*, *brdt* (там же). Исчезновение этих гласных в формах, в которых оперировала вторая ретракция, можно рассматривать как фонетический процесс, так как в примере *rukǫnc* (там же, стр. 43) влияние аналогии маловероятно. В формах с аналогической оттяжкой иктуса исчезновение конечного гласного нельзя считать фонетическим явлением, см. И/В мн. *kǫz//kuzǫ* (конечный а остается, см. *krǫwǫ*) (там же, стр. 36). Здесь обнаруживается влияние существительных с праславянским а.п. а, см. И/В мн. *mǫx* (там же, стр. 41).

5. Коменско-горянский говор (Komen/Gorjansko), красский диалект, венецианско-красская группа.

В материалах Штрекеля (Štrekelj 1886) присутствует следующая акцентная кривая:

а. к. 7		к/о	к/о
<i>wǫwca</i>	(<i>mǫtla</i>)	x	x
(<i>mǫtla</i>)	<i>wǫwc</i> , 462	x	x
(<i>mǫtli</i>)	<i>wǫwcan</i> , 462	x	x
(<i>mǫtlu</i>)	(<i>mǫtla</i>)	x	x
(<i>mǫtlu</i>)	(<i>mǫtami</i>)/ <i>wowcǫmi</i> , 462	x	x/x
(<i>mǫtli</i>)	<i>wǫwcax</i> , 462	x	x

акцентные оппозиции: долгий-краткий

(кроме указанных страниц, (Štrekelj 1886; 462))

Акцентные дублеты в Т мн. обнаруживаются у всех существительных этой акцентной кривой (Štrekelj 1886; 427, 432). Р мн. *sowzi*, *rokǫ* мы здесь не учитываем, так как эти формы, вероятно, взяты из других говоров красского диалекта (там же, стр. 425). Из приведенных примеров для нас представляют интерес существительные *bdha*, *pǫta*⁷, *rǫka*, *sǫdba*, *sǫwza*, *idǫba*, *wǫwca*, (там же, стр. 426), *žǫna* (там же, стр. 432). Кроме того, с устойчивым ударением на корне приводятся *γǫra*, *γrǫza*, *kǫpa*, *kǫsa*, *kǫza*, *mǫja*, *mǫtla*, *mǫšna*, *nǫγα*, *rǫsa*, *sǫstra*, *smǫla*, *sǫva*, *tǫta*, *wǫda*, *wǫsa*, *wǫsla*, *zǫmlja* (там же, стр. 428-432). А.к. 7 не покрывается подвижной акцентной кривой *i*-основ, которая не

7 В транскрипции греческая альфа заменена латинским а. Орожен (Orožen 1981; 62) приводит *rǫna* в отличие от *pǫna* Штрекеля. В ее описании коменского говора акцентных оппозиций нет.

отличается от а.к. *i*-основ в жетинском говоре, см. Štrekelj 1886: 440-441.

В отличие от а.к. *б* в И/В мн. нет дублетных форм; имеются только формы с накоренным ударением. Об альтернации акцента или качества (ново)ударного гласного внутри парадигмы интересующих нас существительных Штрекель не дает информации, но, отмечая его добросовестность в описании морфологических классов, мы предполагаем, что таких альтернатив не существует. Краткое ударение в примере *wǒwca* в отличие от *žěna* мы воспринимаем как позиционное развитие. Каждый пример с новоударным **o* в соседстве *-wC* показывает краткое ударение, в то время как регулярный рефлекс - долгий: *mǒwcat* (там же, стр. 478) *kǒwčok* (там же, стр. 394) и *mǒčū* (там же, стр. 484), *kǒvat* (там же, стр. 486); ср. с *wǒwčji* (там же, стр. 449). Если новоударное **o* вследствие вторичного развития оказывается в конечном слоге, то краткого рефлекса не наблюдается: *wǒwoc*, *wǒws* (там же, стр. 392). Краткое ударение в слоге с праславянским долгим гласным (*rǎka, sǒdba* и т. д.) мы в настоящей работе не рассматриваем.

6. Шмарский говор (Šmarje pri Jelšah), среднештирийский диалект, штирийская группа.

а.к. 8		к/о	к/о	ср.	
<i>nǒdga</i>	<i>nǒuge</i> , 259	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>lǒuč</i>	<i>lučěi</i>
(<i>léipe</i>)	(<i>léip</i>)	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>lučěi</i>	<i>lučěi</i>
(<i>léipi</i>)	(<i>léipat</i>)	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>lǒuči</i>	<i>lučđim</i>
(<i>léipu</i>)	<i>nǒuge</i> , 259	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>lǒuč</i>	<i>lučěi</i>
(<i>léipu</i>)	<i>nǒugam</i> , 256	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>lučjǒu</i>	<i>lučđim/lučměi</i>
(<i>léipi</i>)	(<i>léipax</i>)	<i>x</i>	<i>x</i>	<i>lǒuči</i>	<i>lučđix</i>

акцентных оппозиций нет

(кроме указанных страниц, (Povše 1988; 254))

В данном говоре подвижной акцентной кривой при *a*-основах нет; имеются только существительные с устойчивым ударением на корне. Сюда относятся и *gǒdra, ziěmĭa, siěstra* (Povše 1988; 254). Как видим, подвижность в *i*-основах осталась.

По сравнению с а.к. *7* в Т мн. ударение оттягивалось на корень. Трудно ответить на вопрос, аналогическая это оттяжка или фонетическая. В шмарском говоре некоторые слова показывают оттяжку циркумфлексного ударения от неконечного слога, см. *muǒtka, prĭštava*, явление, не охватившее все примеры (там же, стр. 252). Действительно, есть множество примеров, в

которых место иктуса сохранено, см. *muléitva* (там же, стр. 254), *dubéiček* (там же, стр. 259), *zbuđéila* (там же, стр. 261). Так как кроме *stárejš* (там же, стр. 258) нет других примеров с оттянутым циркумфлексом, пока невозможно определить условия, при которых произошла такая оттяжка.

Загадочной является альтернатива *nuđga - nduge*, при которой второй член показывает регулярный рефлекс долгого *o, см. *káust, náuč* (там же, стр. 254). Первый же член показывает регулярный рефлекс новоударного *o как следствие второй ретракции, см. *čluđvek* (там же), в то время как в И/В мн. накоренное ударение является результатом аналогии. Без дополнительных данных осмеливаемся только догадываться о том, что первично долгоударные формы множественного числа Р мн. *nóg или сочетания типа *na nōge явились возможным источником такой альтернативы.

7. Штевановский говор (*Števanovci/Arátistvánfalva*), прекмурский диалект, паннонская группа.

Подвижный тип представлен следующей акцентной кривой:

а. к. 9	к/о	к/о	ср.	
<i>ráuka rocé</i>	x	x	<i>kláit kláiti</i>	
<i>rocé rocé</i>	x	x	-i	-i
<i>roćdi rokàm/roćém</i>	x	x	-i	-in
<i>rokdu rocé</i>	x	x	<i>kláit</i>	-i
<i>rokáuv rokàmi</i>	x	x	<i>klećáuv</i>	-i/kletàmi
<i>roćái⁸ rokàj</i>	x	x	-i	-i

акцентные оппозиции: долгий-короткий

(Zorko 1986b; 30-1)

К данному типу Зорко (Zorko 1989b; 30) относит большое количество существительных, а из интересующих нас *klòsa, žlèmla*. В фонологической части статьи можно еще найти *òofca* (там же, стр. 27), Р ед. *ofcé* (там же, стр. 29), В ед. *mekláu* (там же), *žìena* (там же стр. 27), В ед. *ženáu* (там же, стр. 26). Дублетные формы, кажется, не исключены, см. М мн. *žìenaj* (там же, стр. 29).

8 Кирай (Király 1978; 134) дает формы без перехода *k, *g - > č, ě : *rč'ka:j, no'ga:j*, а у Гринберга (Greenberg 1989; 359) такой переход наблюдается, ср. *rućèi, nuđèi*. По мнению Гринберга (Greenberg 1989; 356, сноска 7), акцентных оппозиций в штевановском говоре нет.

Подвижная а.к. *a*-основ не совпадает с подвижной а.к. *i*-основ.

Настоящую а.к. нельзя свести к общесловенским а.к. 1-3, более того, отдельные морфемы показывают нетождественность с реконструированными общесловенскими окончаниями. Для объяснения окончания *-li* в Д/М ед., которое представляет собой рефлекс долгоударного **ǣ*, см. *klǣit*, придется вернуться к праславянскому Д ед. **gǫlvě*, реконструированному Стангом (Stang 1957; 61-62) для а.п. с на основе с.-х. *glǣvi*, др.-рус. к *стѡро-нѣ*. Место иктуса подверглось тому же процессу, в результате которого и другие неконечноударные формы отдели иктус последующему слогу (переход а.к. 1 к а.к. 2). Надо предполагать, что на каком-то этапе М ед. совпадал с Д ед. При таком изменении в общесловенской а.к. 1 становится ясным, что в а.к. 9 место иктуса в Д/М ед. было определено фонетическим процессом. Возможное влияние аналогии найдем только в Д/М мн., в которых иктус остался на окончании вопреки произошедшей второй ретракции. Р мн. *rośé*, и дублетную форму Д мн. *rośém* мы здесь не беремся объяснять.

8. Прежде чем приступить к общим выводам на основе совпадений и различий в разных а.к., нужно отметить, что исследуемые нами диалекты не находятся в какой-либо исторически определенной иерархической связи между собой. Все найденные а.к. существуют приблизительно в том же самом отрезке времени, а каждая отдельная а.к. находится в специфической языковой системе (разные акцентные оппозиции и т. д.).

Во-первых, оказывается, что в рассмотренных нами диалектах влияние подвижной а.к. *i*-основ маргинально. Только в жетинском говоре наблюдается тождественность а.к. *a*- и *i*-основ, а при наличии вторичных Д мн. *kletàn*, Т. мн. *kletámi*, М мн. *kletàj* с окончаниями *a*-основ, нельзя определить, какая именно а.к. влияла на какую. Далее, влияние *i*-основ ограничивается появлением вторичного конечноударного Р мн. *no-уї* (койский говор).

Во-вторых, аналогическая оттяжка иктуса в разных неконечноударных формах, кажется, обнаруживает какую-то последовательность. Представим а.к. 5-8 с перечислением форм с аналогическим накоренным ударением в виде таблицы:

а. к. 5: Р ед., В ед.

а. к. 6: Р ед., В ед., Т ед., (И/В мн.)

а. к. 7: Р ед., В ед., Т ед., И/В мн., (Т мн.)

а. к. 8: Р ед., В ед., Т ед., И/В мн., Т мн.,

где аналогическая оттяжка в Т мн. подразумевает оттяжку в И/В мн., аналогическая оттяжка в И/В мн. подразумевает оттяжку в Т ед. и так далее. Выравнивание места иктуса начинается в единственном числе, и при этом в обоих числах творительный падеж поддается этому процессу последним. Если предположить, что в некоторых диалектах Р ед. был представлен формой, восходящей к **nogé*, когда начался процесс аналогической оттяжки, то, по-видимому, восходящий или нисходящий характер долгого ударения не влиял на последовательность оттяжек: в а. к. 5 оттяжка уже произошла в Р ед., но не коснулась Т ед. На основе такой последовательности можно предсказать, что в церклянском диалекте, при наличии *wáda*, Р ед. *wáde*, В ед. *wáda*, Т ед. *waduó*, М ед. *wát* (Baudouin de Courtenay 1885: 457), подвижный акцентный тип *a*-основ обладает а. к. 5. Далее, в хорьюльском говоре ожидается а. к. 5 или 6 при наличии *пwàŕa*⁹ (Logar 1959: 70), В ед. *пwàŕa* (там же, стр. 72), М ед. *пwàŕ* (там же, стр. 71), И/В мн. *пwàŕ* (там же, стр. 72).

В вышеизложенной последовательности не учитываются два момента: такая последовательность, возможно, сложилась случайно, так как она основана на тех диалектных материалах, которые теперь доступны исследователю. Случайность или неслучайность данной последовательности может подтвердиться тогда, когда будут опубликованы более обширные описания словенских говоров. Кроме того мы не знаем, какая будет последовательность в тех диалектах, в которых место иктуса по аналогии было сохранено в Д/М мн., как, например, в жетинском говоре. Подлежат ли такие а. к. аналогическому выравниванию, и если да, то в какой последовательности? Более того, не исключено, что а. к. 5-8 восходят к акцентной кривой, где в Д/М мн. было сохранено конечное ударение по аналогии.

В-третьих, качество гласных с аналогическим накоренным ударением не отличается от качества новоударных гласных в результате второй ретракции (однако, ср. неясную альтернативу *пwòga* - *пwùge* в шмарском говоре). Хотя в отдельных

9 См. прим. 4.

случаях не исключено, что аналогическое выравнивание началось вскоре после второй ретракции, нам кажется, что этот факт говорит о том, что аналогические оттяжки не являются оттяжками в акцентологическом смысле этого слова. Процесс аналогического перемещения иктуса надо воспринимать как перестройку определенной формы на основе ударной корневой морфемы. Это хорошо видно на примере койского говора: И/В мн. *kǫz+* *φ* \rightarrow *kǫz* как И ед. *kǫz+* *a* \rightarrow *kǫza* при дублетной форме И/В мн. *kuzǎ*. Кроме того, оставшиеся без ударения окончания не отличаются от окончаний тех существительных, у которых они никогда не были ударными, см. И/В мн. *kǫz* как *krdv* (Logar 1956; 41).

* Автор выражает благодарность В. П. Барентсен-Орлянской за редактирование текста.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- а. к. акцентная кривая
- а. п. акцентная парадигма
- к накоренное ударение
- о конечное ударение
- рож рожанский диалект

ЛИТЕРАТУРА

- Дьбо В.А. (1981) *Славянская акцентология*, Москва
- Baudouin de Courtenay J. I. N. (1884). *Der Dialekt von Cir-kno (Kirchheim)*, Archiv fur slavische Philologie 7, 386-404, 575-590
1885. *Sprachproben des Dialektes von Cirkno (Kirchheim)*, Archiv fur slavische Philologie 8, 102-119, 274-290, 432-462
- Grafenauer I. (1905) *Zum Accente im Gailthalerdialekte*, Archiv fur slavische Philologie 27, 195-228
- Greenberg M.L. (1989) *Agost Pável's Prekmurje Slovene grammar*, Slavistična Revija 37 (1-3) (Riglerjev zbornik), 353-364
- Jaksche H. (1965) *Slavische Akzentuation*. I. Slovenisch, Wiesbaden
- Király P. (1978) *Beiträge zur slowenischen Mundart in Ungarn, L.*

Hadrovics & A. Hollós (ur.), *Hungaro-Slavica* 1978, Budapest, 125-140
 Lencek R. L. (1982) *The Structure and History of the Slovene Language*, Columbus

Logar T. (1956) *Dialektološke študije. IX. Značilnosti kojščanskega govora*, Slavistična Revija 9, 34-44

1959. *O razmerju med gorenjščino in horjuljskim govorom, I. Grafenauer* (ur.), *Razprave Razreda (II.) za filološke in literarne vede V*, Ljubljana, 69-77

1967. *Dialektološke študije. XII. Govor vasi Kostanje nad Vrbskim jezerom*, Slavistična Revija 15 (1-2), 1-19

Orožen M. (1981) *Komen, P. Ivič et al. (ur.), Fonološki opisi srpsko-hrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističnim atlasom*, Sarajevo, 59-65

Povše I. (1988) *Oblikoslovje v govoru Šmarja pri Jelšah*, Slavistična Revija 36 (3), 251-266

Ramovš F. (1929) *O premiku akcenta v tipih zvězdá, žená in męglá v slovenskem jeziku*, *Lud skowiański* 1(1), 48-61

Rigler J. (1959-60) *Akcentni tip kólo v južni notranjščini*, Slavistična Revija 12, 283-285

1977. *K problematiki dalšanja starega akuta*, Slavistična Revija 25 (KONG), 83-99

Scheinig J. (1881-2) *Obraz rožanskega razrečja na Koroškem*, *Kres* 1, 412-415, 459-465, 525-527, 561-563, 617-621, 663-667; *Kres* 2, 427-431, 475-479, 529-532, 582-585, 628-630 (цитируется по Grafenaueru 1905).

Stang C. S. (1957) *Slavonic Accentuation*, Oslo

Štrekelj K. (1886) *Morphologie des Görzer Mittelkarstdialektes mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse*, *Sitzungsberichte der philologisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften* 113, 377-496

Toporšič J. (1984) *Slovenska slovnica*, Maribor

Valjačec M. (1897) *Glavne točke o naglasu književne slovenštine*, *Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti* 32, 116-213

Vermeer W. R. (1986) *Some sandhi phenomena involving prosodic features (vowel length, stress, tone) in Proto-Slavic, Serbo-Croatian and Slovene*, H. Andersen (ur.), *Sandhi Phenomena in the Languages of Europe*, Berlin-New York-Amsterdam, 577-603

Zorko Z. (1989a) *Govor vasi Žetinci (Sichelsdorf) v avstrijskem Radgonskem kotu*, Slavistična Revija 37 (1-3) (Riglerjev zbornik), 241-251

1989b. *Prekmursko narečje v Porabju na Madžarskem*, K. Zadra-

vec (ur.), XXV. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj, Ljubljana, 23-35.

**ANALOŠKI RAZVOJI AKCENATSKOG TIPA góra, gorô U
SLOVENSKIM DIJALEKTIMA**

Han Steenwijk

Dvije fonetički uslovljene akcenatske promjene su preobrazile akcenatski šablon staroslovenskih a-korjena sa a.p. c na slovenskome jezičkom području: najprije progresivni akcenatski pomak silaznih tonova, a zatim takozvana prva retrakcija (kod imenica sa dugim korijenskim vokalom) ili takozvana druga retrakcija (kod imenica sa kratkim korijenskim vokalom). Akcenatski šablon koji je na taj način nastao se u mnogim dijalektima čini neprovidan. Zbog toga analoški prijenosi uopćavaju akcenat na korijenu, a dešava se i to, da iznimke na fonetičke retrakcije uopćavaju akcenat na posljednjem slogu. Uspoređenja akcenatskih šablona nekoliko dijalekata pokazuju da se analoški prijenosi pojavljuju u određenom redu. Prvo se uopćava akcenat u jednini, a onda tek u množini. U oba slučaja instrumental kao posljednji podleže analoškom prijenosu.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ДИСТРИБУТИВНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО СУФФИКСА -TEL' В РУССКОМ И СЕРБСКО-ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

О. Г. Алова

Суффикс *-tel'*, как известно, является общеславянским, при этом во всех славянских языках он сохранил свое первичное значение deverбатива, характеризующего действующих лиц (Бернштейн 1972: 42). Однако судьба этого суффикса в различных языках неодинакова.

Вопрос об интересующем нас суффиксе неоднократно рассматривался в отечественной и зарубежной литературе. Однако все еще остаются открытыми многие вопросы, связанные с его дистрибутивными качествами. В настоящей работе ставится задача выявить эти качества на материале русского и сербскохорватского языков.

Для русского языка в качестве источников были взяты "Обратный словарь русского языка" (далее в тексте - ОСРЯ) и "Грамматический словарь русского языка" А. А. Зализняка (далее - ГСРЯ). Для уточнения семантической структуры образований на *-tel'* использовался Большой академический словарь русского языка (далее БАС).

Для рассмотрения микросистемы на *-tel'* в сербскохорватском языке использовался обратный словарь этого языка Й. Матешича (Matešić 1965-1967), семантическая структура сверялась по двум авторитетным словарям: Загребскому академическому словарю (Rječnik 1880-1976) и словарю Матицы Сербской (Rečnik 1967-1976). Названные источники как в рамках одного языка, так и между языками характеризуются неодинаковым составом имен на *-tel'*. Так, ОСРЯ дает 767, а ГСРЯ - 666 единиц. Таким образом, расхождение между словарями составляет 101 слово. Всего же оба словаря фиксируют 867 этих единиц. Причинами такого расхождения являются, на наш взгляд: субъективный фактор, поскольку составители двух словарей разные; склонность создателей ОСРЯ к отражению малоупотребительных слов (*раздаватель, образователь, путешественатель, отгадыватель, очарователь*), в то время как составитель ГСРЯ предпочитает в нашем случае сложные обра-

зования, в том числе и на базе иноязычных основ (*электронагреватель, авиадвигатель, вибропогружатель, номеронабиратель*). В целом же процент совпадения имен на *-tel'* в ГСРЯ - 84 %, в ОСРЯ - 73%.

Микросистема на *-tel'* в сербскохорватском языке численно значительно скромнее. Словарь Матешича дает всего 244 слова. Таким образом, сербскохорватский источник в количественном плане более чем в три раза уступает русским источникам. Такое несовпадение состава имен на *-tel'* в двух близкородственных языках имеет свое объяснение (см. ниже).

Как уже было сказано, отглагольность - главная словообразовательная черта имен на *-tel'*, которые образуются как от бесприставочных, так и от приставочных глаголов: *предводитель - predvoditelj* (ср. *водитель - voditelj*), *нарушитель - narušitelj* (ср. *рушитель - rušitelj*), *подноситель - podnositelj* (ср. *носитель - nositelj*), *примиритель - primiritelj* (ср. *миритель - miritelj*), *держатель - sadržatelj* (ср. *держатель - držatelj*). В то же время наблюдаем и совпадение в случаях, когда *-tel'* присоединяется к глагольным основам, без префиксов не употребляющихся: *исполнитель - ispunitelj*, *искупитель - iskupitelj*, *надзиратель - nadziratelj*, *обновитель - obnovitelj*, *попечитель - poročitelj*.

В соответствии со сказанным, проведенный сопоставительный анализ показывает, что русский и сербскохорватский языки в целом используют один и тот же репертуар префиксов и присоединяют суффикс *-tel'* в целом к одинаковым префиксальным глагольным основам.

И в русском и в сербскохорватском языках имена на *-tel'* могут быть образованы от глаголов как совершенного, так и от несовершенного вида, т.е. видовая принадлежность не является в этом случае препятствием. Ср. *обновитель - obnovitelj* (сов. в. *обновить - obnoviti*), *истребитель - istrebitelj* (сов. в. *истребить - istrebiti*), *избавитель - izbavitelj* (сов. в. *избавить - izbaviti*); и: *правитель - pravitelj* (несов. в. *править - praviti*), *водитель -* (несов. в. *водить - voditi*), *губитель -* (несов. в. *губить - gubiti*).

В микросистеме на *-tel'* в обоих языках используется словосложение. Но для сербскохорватского языка этот способ неперспективен. Группа таких имен малочисленна: *rodoskrnavitelj, kućepazitelj, stoloravnatelj, miroljubitelj, vjeroučitelj, ustavobranitelj, tjelohranitelj*. В русском языке эти образования многочисленны и увеличиваются за счет иностранных компо-

нентов: *электронагреватель, рекламодаватель, векселедержатель, фотолюбитель*. Всего таких образований 230, т.е. почти четвертая часть.

В семантическом плане имена на *tel'* академической грамматикой русского языка классифицируются следующим образом: 1) лицо, производящее действие (название по профессии или по временному занятию) типа "оформитель"; 2) предмет (машина, орудие, приспособление), производящий действие типа "разбрызгиватель"; 3) предмет (приспособление, вещество, вместилище, учреждение), предназначенный для осуществления действия типа "вытрезвитель" (Грамматика 1970: 47). Причем имена на *-tel'*, обозначающие лицо, являются первичными, а неличные образования (машина, орудие, вещество) - вторичными. В свою очередь, интересующие нас образования могут семантически структурироваться, как 1) имеющие только общее значение (*губитель* - тот, кто губит); 2) совмещающие общее значение с частным (*читатель* - а. тот, кто читает книги, тексты; б. посетитель общественной библиотеки, читальни); 3) имеющие только частное, специализированное значение (*старатель* - лицо, занимающееся кустарной добычей золота). Конечно, первоначально и эти имена имели общее значение (ср. *смотритель* - 1. лицо, занимающееся наблюдением, надзором; 2. устар. тот, кто смотрит, наблюдает за кем-то), которое постепенно устаревало и теперь подается в словарях с пометой "устар". Из таких обобщенно семантических значений вышли и частные значения, которые теперь превалируют.

В русском языке неличные имена - не отдельные слова, это словообразовательная категория, достаточно многочисленная и имеющая тенденцию к росту. Они состоят из: 1) специальных терминов типа "множитель"; 2) общелитературных слов типа "показатель" (Х охладчева 1969: 114). Вместе с тем можно выделить группу слов, которые совмещают личные и неличные значения, например, *искатель* - 1. человек, занятый поиском, добыванием чего-л.; 2. механизм, автоматически осуществляющий нахождение чего-л.

При сопоставлении семантические особенности удобнее всего рассмотреть на формально полностью совпадающих членах. Таких имен в двух языках по данным источников 74. Из них 29 обладают одним, основным агентивным значением: *воспитатель* - *vaspitatelj*, *житель* - *žitelj*, *завещатель* - *zavještatelj*, изда-

тель - *izdatelj*, избавитель - *izbavitelj*, креститель - *krstitelj*, миритель - *miritelj*, мучитель - *mučitelj*, нарушитель - *narušitelj*, надзиратель - *nadziratelj*, основатель - *osnovatelj*, обожатель - *obožavatelj*, обновитель - *obnovitelj*, освободитель - *osloboditelj*, посетитель - *posjetitelj*, проситель - *prositelj*, примиритель - *primitelj*, победитель - *pobjeditelj*, почитатель - *počitatelj*, подражатель - *podražatelj*, ревнитель - *revnitelj*, разоритель - *razornitelj*, телохранитель - *tjelohranitelj*, утешитель - *utježitelj*, укротитель - *ukrotitelj*, хулильщик - *hulitelj*, рушитель - *rušitelj*, осквернитель - *oskvrnitelj*. Остальные, как правило, характеризуются различными семантическими наращениями, причем в русском языке имена на *-tel'* семантически богаче, сложнее, ср.: истребитель - 1. тот, кто подвергает уничтожению кого, что-л.; 2. боевой самолет; 3. боевое быстроходное судно, предназначенное для истребления кораблей противника - *istrebitelj*, *onaj koji istrebljuje*, *uništava*; любитель - 1. тот, кто имеет склонность, пристрастие к чему-л.; 2. тот, кто занимается любым делом не как профессионал, дилетант - *ljubitelj*, *onaj koji voli nekoga ili nešto*, *obožavatelj*. Лишь в четырех случаях семантический объем имен, имеющих значений больше, чем одно, в целом совпадает в обоих языках: просветитель - *prosvjetitelj* - 1. лицо, занимающееся просвещением кого, чего-л., распространитель знания, образования, культуры; 2. представитель просветительства; ср. также: спаситель - *spasitelj*, слушатель - *slušaatelj*, председатель - *predsjedatelj*.

Что касается неличных значений, то в русском языке их почти треть от общего количества имен на *-tel'*. И на этом фоне сербскохорватский материал выглядит более чем скромно: в этом языке, по данным Матешича, их всего 8: *umalitelj*, *imenitelj*, *činitelj*, *sačinitelj*, *brojitelj*, *sadržitelj*, *djelitelj*, *pokazatelj*. И только два из них (*činitelj* и *sačinitelj*) совмещают личные и неличные значения. Это также имеет объяснение. Скованность словообразовательных возможностей суффикса *-tel'* в сербскохорватском языке ограничивает предметные коннотации соответствующих образований. Русский язык в этом отношении свободен: с суффиксом *-tel'* активно образуются новые слова (неологизмы) типа *атомостроитель*, *соисполнитель*, *антизапотеватель*, *бетоносмеситель* и др. (см. Новые слова 1984).

Если вернуться к вопросу о числе имен на *-tel'* в двух

языках, можно констатировать, что этот суффикс отражает популярность продуктивности: в русском он высокопродуктивен, в сербскохорватском наблюдается постепенное ограничение или угасание его использования. Чем это вызвано? На наш взгляд, на продуктивность суффикса *-tel'ь* повлияло неравномерное суффиксальное распределение в двух языках, связанное с конкуренцией, в которую вступают другие суффиксы в основном личной семантики. Так, в русском языке с суффиксом *-tel'ь* конкурируют суффиксы *-щик* и *-ец*: *покупщик - покупатель; путеводец - путеводитель*. Однако эти суффиксы ныне либо архаичны с соответствующими основами, либо стилистически маркированы, и поэтому они не могут потеснить *-tel'ь*. В сербскохорватском языке - напротив, конкурирующие с *-tel'ь* суффиксы *-(l)ac, -ač, -nik* постепенно ограничивают (и даже архаизируют) суффикс *-tel'ь*, ср.:

- brojitelj* - 1. 2. mat. gornji broj razlomka;
brojilac - 1. onaj koji broji, 2. mat. gornji broj razlomka;
brojač - 1. onaj koji broji, 2. sprava za brojenje.

Здесь агентивное значение у *-tel'ь* отторгнуто конкурентами, зато приращено специальное значение. Из нижеприведенных примеров видно, что образования с конкурирующими суффиксами семантически сложнее: *predvoditelj* - 1. onaj koji predvodi, koji rukovodi čim, voda; - *predvodnik* - 1. то же; 2. *životinja koja predvodi stado; svetitelj* - 1. a. relig. onaj koga je crkva poslije njegove smrti proglasila svetim zbog njegovih zasluga za vjeru; b. domaći zaštitnik; krsno ime, slava; *svetac* - 1 a. то же; б. то же; 2. *praznik, blagdan*; 3. *čovjek asketskog života, pun vrlina*.

Следует, однако, признать, что в западном варианте литературного языка наблюдается активизация суффикса *tel'ь*, в значительной мере вызванная, как нам кажется, рекомендациями нормативных руководств. (См. *Babić*, 1986, п. 1001)

И, наконец, несколько слов о таком явлении, как межъязыковая омонимия. В нашем материале таких случаев пять: *хранитель* (тот, кто заботится о сохранности чего-л., и др. близкие значения) - *hranitelj* (onaj koji hrani nekoga); *содержатель* (1. хозяин, владелец какого-л. заведения, предприятия; 2. мужчина, содержащий любовницу) - *sadržatelj* (mat. za više brojeva, onaj broj koji je djeljiv brojevima); *предатель* (тот, кто предал кого-л., нарушил верность кому, чему-л. - *predatelj* (onaj koji je nešto predao, ispostavio); *осветитель* 1. лицо, ведающее

освещением; 2. специальный прибор - *osvetitelj* (онај који се освети); *доноситель* (устар. тот, кто сделал на кого-н. донос) - *donositelj* - (1. онај који donosi nešto, 2. fin. онај који uplaćuje na blagajni, kasi).

Наши предварительные наблюдения над суффиксом *-tel'ь* подтверждают его различные дистрибутивные качества в русском и сербскохорватском языках. Являясь общеславянским по происхождению, этот суффикс переживает неодинаковую судьбу в двух близкородственных языках: в русском он в словообразовательном и семантическом плане активен, имеет перспективу для дальнейшего развития, в то время как в сербскохорватском этот суффикс, столкнувшись с сильной конкуренцией со стороны ряда других суффиксов *-(l)ac, -ac, -nik*, постепенно ограчивает свое употребление, а в известной мере и архаизуется (так, с пометой *устар.* мы зафиксировали 11 имен). Этим же объясняется и семантический "застой" тех имен на *-tel'ь*, которые фиксируют словари сербскохорватского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн С. Б. - *К истории славянского суффикса -tel'ь*. Русское и славянское языкознание, М., Наука, 1972.
2. Виноградов В. В. - *Русский язык* Грамматическое учение о слове, М.-Л., Учпедгиз, 1947.
3. Богданова С. - *Об отношении агентивных существительных с суффиксом -тель к виду их производящей основы (на материале русского и болгарского языков)*.-Съпоставительно езикознание, София, 1, 1981.
4. *Грамматика русского языка*. I. Фонетика и морфология. М., АН СССР, Наука, 1960.
5. *Грамматика современного русского языка*, М., Наука, 1970.
6. *Изменение в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX в.* Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., Наука, 1964.
7. Ряшенцев К. Л. - *О сложных словах в современном русском языке*. Орджоникидзе, 1962.
8. Стевановић М. - *Савремени српскохрватски језик*, Београд, Научно дело, 1964.

9. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV-XVII вв. М., Наука, 1974.

10. Хохлачева В. Н. - к истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., Наука, 1969.

11. Бабић С. *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*. Nacrt za gramatiku. Zagreb, 1986.

12. *Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika*, Zagreb, 1979.

СЛОВАРИ

1. Зализняк А. А. - *Грамматический словарь русского языка*, М., Русский язык, 1987.

2. *Новые слова и значения*. М., Наука, 1984.

3. *Обратный словарь русского языка*. М., Советская энциклопедия, 1974.

4. *Речник српскохрватскога књижевног језика*, 1-6., Матица српска, Нови Сад, 1967-1976.

5. Тихонов А. А. - *Словообразовательный словарь русского языка* 1-2. М., Русский язык, 1985.

7. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Zagreb, JAZU, 1880-1976.

8. *Словарь современного русского языка*, 1-17, М.-Л., 1950-1965.

ZAPAŽANJA O DISTRIBUTIVNIM OSOBINAMA OPŠTESLOVENSKOG SUFIKSA *-TELJ* U RUSKOM I SRPSKOHRVATSKOM JEZIKU

O. G. Alova

U radu se analiziraju distributivne osobine opšteslovenskog sufiksa *-tel'* u ruskom i srpskohrvatskom jeziku. Iako su to dva tipološki bliska i genetski srodna slovenska jezika, sudbina ovog sufiksa je u njima različita: u ruskom jeziku on je na tvorbenom i semantičkom planu aktivan i ima perspektivu daljeg razvoja; u srpskohrvatskom jeziku, naprotiv, njegova upotreba se, usljed konkurencije drugih sufiksa (*-l/ac*, *-ač*, *-nik*), postepeno ograničava i u izvjesnoj mjeri arhaizuje.

ДВУЧЛЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ С ЕДИНОЙ АРТИКУЛЯЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Александр Донэ

В потоке современной русской нормированной речи образуются двучленные сочетания согласных, произносимые как единый звук. Такие сочетания могут образовать лишь согласные с одним и тем же местом произношения. Подобные сочетания существуют и в сербскохорватской литературной речи, но в них каждая пара согласных произносится как два звука. Ниже приводим перечень таких двучленных сочетаний согласных в русской и сербскохорватской речи.

Перечень двучленных сочетаний согласных

В русской речи	в сербскохорватской речи
сочетания	сочетания
примеры	примеры
1. /бм/ о/бм/ан	1. /б-м/ о/б-м/ана
2. /бм / о/бм'/ен	
3. /пм/ нэ/пм/ан	2. /п-м/ не/п̄м/ан
4. /мб/ бо/мб/а	3. /м-б/ бо/м-б/а
5. /мб / бо/мб'/ить	
6. /мп/ ра/мп/а	4. /м-п/ ра/м-п/а
7. /мп / ла/мп'/ион	
8. /дн/ о/дн/а	5. /д-н/ је/д-н/а
9. /д н / /д'н'/и	
10. /тн/ ,поло/тн/о	6. /т-н/ пла/т-н/о
11. /т н / о/т'н'/юдь	
12. /нд/ Ло/нд/он	7. /н-д/ Ло/н-д/он
13. /н д / ба/н'д'/ит	
14. /нт/ бу/нт/овщик	8. /н-т/ бу/н-т/овник
15. /н т / ба/н'т'/ик	
16. /дл/ се/дл/о	9. /д-л/ се/д-л/о
17. /тл/ ме/тл/а	10. /т-л/ ме/т-л/а
18. /дл / по/дл'/е	
19. /тл / о/тл'/ично	

ПРИМЕЧАНИЕ. Произношение двучленных сочетаний как единый звук - обозначаем слитным написанием соответствующих букв, заключенных в косые скобки. В сочетаниях согласных, произносимых как два звука, ставим дефис между соответствующими буквами.

Как видно из перечня, в русской речи возможно образование 19 сочетаний согласных с единой артикуляцией. Им соответствует 10 сербскохорватских двучленных сочетаний согласных, произносимых как два звука. Следуя произносительным навыкам в родном языке, носителями сербскохорватского языка все 19 русских пар согласных артикулируются как два отдельных звука. Этой ошибке в русском произношении, типичной для носителей сербскохорватского языка как родного, в учебной литературе уделяется слишком мало внимания. Вопросом произношения лишь некоторых из интересующих нас русских сочетаний согласных занимались Дж. Язич и Р. И. Аванесов. Первый из них на стр. 62 своей книги "Основы фонетики русског језика", изданной в Белграде в 1966 г., рекомендует произносить сочетания согласных /нд/, /д'н'/, /тн/, /т'н'/, /бм/, /пм/, /дл/, /гл/, /дл'/ и /тл'/ "одним артикуляционным движением". Подобную рекомендацию об единой артикуляции сочетаний согласных /бм/, /пм/, /мб/, /мп/, /дн/, /тн/, /нд/, /нт/, /дл/, /гл/, /д'н'/, /т'н'/, /дл'/, /гл'/, /н'т'/, и /н'д'/ находим в книге Р. И. Аванесова "Русское литературное произношение", М., 1984, на стр. 126-127 и 153-158. Итак, в учебнике Язича упомянуто лишь 10, а в книге Аванесова - 16 из 19 интересующих нас двучленных сочетаний согласных. Принимая во внимание, что в середине слова, не на стыке приставки и корня, в сочетаниях /дл'/ и /гл'/ возможна ассимиляция по мягкости, - к нашему перечню можем прибавить еще два сочетания - /т'л'/ и /д'л'/, например: *пе/т'л'/и*, *ме/д'л'/енно*. В итоге получаем перечень с 21 сочетанием согласных.

С точки зрения места образования в нашем перечне различаем:

7 сочетаний губно-губных согласных - /бм/, /бм'/, /пм/, /мб/, /мб'/, /мп/, /мп'/ и 14 сочетаний зубных согласных - /дн/, /д'н'/, /тн/, /т'н'/, /нд/, /н'д'/, /нт/, /н'т'/, /дл/, /гл/, /дл'/, /гл'/, /д'л'/ и /т'л'/.

Некоторые из перечисленных русских сочетаний согласных

имеют свои сербскохорватские соответствия. К таковым относим: 4 сочетания губно-губных согласных - /б-м/, /п-м/, /м-б/ и /м-п/ и 6 сочетаний зубных согласных - /д-н/, /т-н/, /н-д/, /н-т/, /д-л/ и /т-л/. Общей артикуляционной точкой сочетаний зубных согласных является часть задней поверхности коронки верхних резцов, смежная с альвеолами.

Исходя из способа образования, отмечаем, что наш перечень содержит 21 сочетание русских смычных и смычно-проходных согласных и 10 сочетаний сербскохорватских согласных с такими же дифференциальными признаками. При артикуляции каждого из русских сочетаний согласных образуется только по одному затвору. Этим общим, разовым смыканием органов речи и обусловлена единая артикуляция всех ранее перечисленных русских сочетаний согласных. В отличие от них, соответствующие сербскохорватские сочетания согласных в литературной речи всегда произносятся с двумя затворами, а это значит, что каждый согласный в сочетании артикулируется отдельно. Поскольку в каждом из интересующих нас сочетаний, кроме смычного согласного, находится и смычно-проходной, предусматривается, помимо смыкания, и этап образования прохода воздушной струи. Следовательно, артикуляция русских сочетаний согласных - единая, но двухэтапная. Кстати, двухэтапная артикуляция наблюдается и у аффрикат /ш/ и /ч/, при произношении которых смычка сменяется щелью. Если в сочетании смычный согласный предшествует смычно-проходному - как в сочетаниях /бм/, /бм/, /пм/, /дн/, /д'н'/, /тн/, /т'н'/, /дл/, /тл/, /дл'/ или /д'л'/ и /тл'/ или /т'л'/ - то артикуляция начинается со смычки, а кончается проходом. В сочетаниях же со смычно-проходным согласным на первом месте и смычным на втором, в начале артикуляции осуществляется проход. К таким сочетаниям относим: /мб/, /мб'/, /мп/, /мп'/, /нд/, /н'д'/, /нт/ и /н'т'/. В сочетаниях с носовыми большая часть воздушной струи проходит через носовую полость, а после разрыва смычки, остаток воздуха выходит и из ротовой полости. Это относится ко всем сочетаниям, кроме: /дл/, /тл/, /дл'/, или /д'л'/ и /тл'/ или /т'л'/, а также и /д-л/ и /т-л/. При артикуляции этих 8 сочетаний, воздух проходит, по бокам языка, через ротовую полость.

По дифференциальному признаку "акустические свойства" или "участие голоса и шума" различаем сочетания сонор-

ных со звонкими согласными и сонорных с глухими. К первому типу относим русские сочетания /бм/, /бм'/, /мб/, /мб'/, /дн/, /дн'/, /нд/, /нд'/, /дл/ и /дл'/ или /д'л'/ и сербскохорватские: /б-м/, /м-б/, /д-н/, /н-д/ и /д-л/. Ко второму типу относятся сербскохорватские сочетания /п-м/, /м-п/, /т-н/, /н-т/ и /т-л/ и русские - /пм/, /мп/, /мп'/, /тн/, /т'н'/, /нт/, /н'т'/, /тл/ и /тл'/ или /т'л'/. В сочетаниях первого типа голосовые связки колеблются дольше, чем при артикуляции согласных из второй группы. В русских сочетаниях, начинающихся на сонорный, колебание голосовых связок происходит на начальном этапе артикуляции. Это относится к сочетаниям: /мб/, /мб'/, /мп/, /мп'/, /нд/, /нд'/, /нт/ и /н'т'/. В русских сочетаниях, начинающихся на глухой согласный, голосовые связки колеблются на втором этапе артикуляции, что относится к сочетаниям: /пм/, /тн/, /т'н'/, /тл/ и /тл'/ или /т'л'/. Сказанное об этапах артикуляции русских сочетаний, разумеется, не относится к сербскохорватским сочетаниям, ибо, как уже известно, в них каждый согласный артикулируется отдельно.

По дифференциальному признаку "твердость-мягкость" различаем три типа русских сочетаний: 1/ пары твердых согласных, 2/ сочетания из твердого согласного перед мягким и 3/ пары мягких согласных. К первой группе относятся сочетания: /бм/, /пм/, /мб/, /мп/, /дн/, /тн/, /нд/, /нт/, /дл/ и /тл/. Только эти 10 сочетаний имеют свои сербскохорватские соответствия. Имеем в виду сочетания: /б-м/, /п-м/, /м-б/, /д-н/, /т-н/, /н-д/, /д-л/ и /т-л/. В целях правильного освоения произношения указанных твердых сочетаний согласных носителю сербскохорватского языка, как родного, непременно следует помнить не только об едином затворе, но и о дополнительной артикуляции всех русских твердых согласных. Эта дополнительная артикуляция состоит в невысоком подъеме задней части спинки языка к мягкому небу, что называется веляризацией. Кроме веляризации, следует учесть, что русские твердые согласные произносятся с большим напряжением органов речи, чем при артикуляции соответствующих сербскохорватских согласных. Итак, приведенные выше русские сочетания произносятся тверже, чем соответствующие сербскохорватские. Кроме того, у русских сочетаний - единый твердый затвор, а у сербскохорватских - два затвора, менее твердых.

Ко второй группе относятся следующие русские сочета-

ния: /бм'/, /мб'/, /мп'/, /дл'/ и /тл'/. Затвор у этих 5 сочетаний имеет твердое начало и мягкий конец. Под последним подразумевается наличие дополнительной артикуляции, свойственной всем мягким согласным в русском языке. Эта дополнительная артикуляция состоит в продвижении тела языка вперед и подъеме передней части его спинки к твердому небу. Такие артикуляционные движения условно называются палатализацией. Одновременно с палатализацией губы слегка растягиваются. Легкое растяжение губ и палатализация придают всем русским мягким и-образную окраску, что очень трудно осваивается носителями сербскохорватского языка, как родного. Так, например, в слове *лампиион* они произносят сочетание /м-п/, вместо: /мп/.

К третьему типу относятся сочетания: /д'н'/, /н'д'/, /г'н'/, /н'г'/, /д'л'/, /г'л'/. Эти 6 сочетаний образовались после уподобления по мягкости первого согласного последующему. Их артикуляция отличается единым мягким затвором.

Почти все приведенные русские сочетания можно сложить попарно, исходя из дифференциального признака "твердость-мягкость". Получается 9 пар: 1. /бм/ - /бм'/; 2. /мб/ - /бм'/; 3. /мп/ - /мп'/; 4. /дн/ - /д'н'/; 5. /тн/ - /г'н'/; 6. /нд/ - /н'д'/; 7. /нт/ - /н'г'/; 8. /дл/ - /дл'/ или /дл/ - /д'л'/; 9. /тл/ - /тл'/ или /тл/ - /г'л'/.

Вне этих пар оказалось сочетание /пм/, так как сочетание /пм/ не зарегистрировано. Полное противопоставление сочетаний по дифференциальному признаку "твердость-мягкость" осуществляется только в парах с зубными согласными, так как во вторых парах происходило обязательное ассимилятивное смягчение, после которого оба согласных стали мягкими. Такое ассимилятивное смягчение отсутствует в сочетаниях губно-губных согласных, а перед сонорным /л'/ оно факультативно. Во избежание ошибок в произношении носителям сербскохорватского языка, как родного, рекомендуется освоить артикуляцию мягких согласных, особенно - ассимилятивно смягченных, чтобы, например, русское прилагательное *за/д'н'/ий* не произносить по-своему как *за/д-нј/и*, т.е. не произносить /д-нь/ - твердого зубного и передненебного, вместо /д'н'/ - сочетания из мягких зубных, произносимых как единый звук.

К описанию артикуляции интересующих нас сочетаний по дифференциальным признакам прибавляем следующие факты:

1) длительность произношения каждого из описанных сочетаний приблизительно равняется длительности произношения долгих согласных;

2) второй согласный в сочетании всегда отчетливее произносится, чем первый, с большей слышимостью;

3) артикуляция каждого из 21 сочетания согласных сопровождается взрывом различного тембра и разной силы.

Остановимся несколько подробнее на последних двух акустических особенностях исследуемых нами сочетаний согласных.

Более отчетливая слышимость второго звука в сочетании, по отношению к первому, объясняется именно наличием общей смычки, разрываемой в конце артикуляции сочетания, т.е. после произнесения второго звука. Сонорные в конце сочетания отличаются большей слышимостью, чем шумные согласные в той же позиции. Объясняется это фактом, что сонорные всегда звучные и звонче шумных согласных. Напоминаем, что под звучностью подразумевается слышимость на расстоянии, а под звонкостью - большее участие голоса, чем шума в произношении.

Сила и акустическое впечатление взрыва, слышимого при произнесении сочетаний с единой артикуляцией, обусловлены тремя факторами:

1) находится ли в сочетании носовой сонорный или ротовой;

2) место носового сонорного в сочетании /первое или второе/;

3) мягкость-твердость согласных в сочетании.

При произношении сочетаний с твердым затвором и носовым сонорным на втором месте слышен взрыв с двумя призвуками: носовым и фаукальным. Это относится к сочетаниям /бм/, /пм/, /дн/ и /тн/, при произношении которых воздушная струя и на втором этапе артикуляции не утрачивает своей силы, и от удара в опущенную небную занавеску резко изменяет направление, поступая в носовую полость, образующую с носоглоткой единый резонатор. Таким образом создается акустическое впечатление взрыва, имеющего не только носовой, но и фаукальный или гортанный призвук. При произношении сочетаний с обратным порядком звуков - /мб/, /мп/, /нд/ и /нт/ взрыв не имеет фаукального призвука, а только носовой. Для фаукально-

го призвука нет физиологических условий, так как взрыв образуется ликвидацией преграды, созданной смыканием губ. Все сочетания с твердым затвором производят сильный взрыв, называемый эксплозией.

При произношении сочетаний с мягким затвором взрыв ослаблен палатализацией и легким растяжением губ. Такой слабый взрыв называется имплозией. Имплозия наиболее характерна для сочетаний из мягких согласных - /д'н'/, /т'н'/, /н'д'/ и /н'т'/. В сочетаниях твердого согласного с мягким - /бм'/, /мб'/ и /мп'/ - начальный этап отличается эксплозией, а конечный - имплозией. Кстати отметим, что на стыке приставки и корня возможно произношение сочетаний /дн'/ и /тн'/, например: *по/дн'/имать*, *о/тн'/ести*. Однако, с точки зрения орфоэпических норм, предпочтительнее произношение *о/т'н'/ести* и *по/д'н'/имать*.

В сочетаниях /бм/, /бм'/, /дн/ и /д'н'/ шумные согласные произносятся настолько слабее сонорных, что создается впечатление о произношении долгих сонорных /м:/, /м:/, /н:/ и /н':/ на месте этих сочетаний. Такое произношение можно услышать в северновеликорусских говорах, вследствие прогрессивной ассимиляции согласных /б/, /б'/, /д/, /д'/ с сонорными /м/, /м'/, /н/ и /н'/ и поэтому слова *обман*, *обмерить*, *ладно*, *один* - звучат: *о/м:/ан*, *о/м':/ерить*, *ла/н:/о*, *о/н':/и*. Подобное явление встречается и в сербскохорватском диалектальном просторечии, например: *је/н:/а*, вместо: *је/д-н/а*. Носителями сербскохорватского языка, как родного, часто, помимо отдельных эксплозий и имплозий, после шумного согласного произносятся и звук /шва/, который в русской транскрипции обозначается через /ъ/. В таком случае указанные 4 слова звучат: *о/бъм/ан*, *о/бъм/ерить*, *ла/дън/о*, *о/дън/и*. Такое произношение, как и севернорусское, конечно, не рекомендуется.

Сочетаниям /дл/ и /тл/ присуща эксплозия, а сочетаниям /д'л'/ и /т'л'/ - имплозия, артикуляция сочетаний /дл'/ и /тл'/ начинается с эксплозии, а кончается имплозией. В отличие от упомянутых, сочетания с обратным порядком звуков не имеют единой артикуляции, но произносятся как два звука, например: *ба/л-д/а*, *по/л-т/ора*, *па/л'-т/о*, *ги/л'-д/ия* и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. *Русское литературное произношение*. М., 1984.
2. Jazić Đorđe. *Osnovi fonetike ruskog jezika*. Beograd, 1966.
3. Aleksandar Done. *Problemi asimilacije suglasnika po mekoći u savremenom ruskom književnom jeziku*. - *Prizma*, br. 1, Sarajevo, 1990, str. 109-116.
4. *Орфоэпический словарь русского языка* /под ред. Р. И. Аванесова/.
4. *Русская диалектология* /под ред. П. С. Кузнецова/. М., 1973.

DVOČLANE KONSONANTSKE SKUPINE S
JEDINSTVENOM ARTIKULACIJOM U
SAVREMENOM RUSKOM GOVORU

Aleksandar Done

Predmet rasprave je izgovor 19 ruskih dvočlanih konsonantskih skupina sa jedinstvenom artikulacijom. Skupine se sastoje od bilabijalnih ili dentalnih suglasnika i sonanata. Deset relevantnih suglasničkih grupa imaju svoje srpsko-hrvatske ekvivalente, ali se u njima svaki konsonant zasebno artikulira. Pod uticajem govornih navika u maternjem jeziku naši studenti tako artikuliraju i relevantne ruske konsonantske skupine, što je, naravno, pogrešno. U stručnoj literaturi o tom problemu nalazimo samo štire i nepotpune napomene. Stoga autor daje detaljnu usporedbu artikulacionih baza oba jezika, putem opisa distinktivnih obilježja relevantnih suglasnika i sonanata.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЗАПАДНОУКРАИНСКО-ЧЕШСКИХ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ ЭПОХИ СЛАВЯНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В. Е. Моисеенко

Генезис национально-языкового возрождения в западно-украинских землях в 30-80-е гг. XIX в. во многом отличался от сходного процесса в других славянских странах центральной и Юго-Восточной Европы. Возможности и темпы формирования и развития украинского общенационального литературного языка целиком зависели от сложнейшей языковой ситуации на всей территории его распространения. Оставаясь на положении преследуемого языка угнетенной украинской нации, разобщенной территориально и относящейся к сферам различного культурного, конфессионального, политического и экономического влияния, украинский литературно-письменный язык в нескольких его разновидностях опирался на разные живые диалектные базы, следовал разным филологическим и литературным традициям.¹

Отсутствие украинских школ и украинских изданий на территории России, притеснение украинского печатного слова в Австрийской монархии и другие реакционные тенденции в решении культурно-языковых вопросов-все это самым серьезным образом сдерживало естественное развитие украинского общенационального языка, препятствовало установлению единых и общеобязательных его литературных норм.

1 Современные исследователи указывают, что для общенационального украинского литературного языка киевско-полтавский диалект и сегодня несомненно продолжает оставаться базовым. Вместе с тем, "...в XIX в. роль западных "галицийских" говоров была значительна, и могла сложиться ситуация контаминации двух диалектных баз или даже двух вариантов украинского литературного языка наподобие сербскохорватской". См. в этой связи: Толстой П.И. *Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) (опыт сравнительного рассматривания). Функциональная стратификация языка*, М., 1985, с. 17.

Вместе с тем в Восточной Галиции с середины 30-х гг. XIX в. и в последующие десятилетия, несмотря на административно-правовую дискриминацию и культурно-языковую экспансию в украинской этнической среде со стороны польской шляхты и австрийских властей - с одной стороны, а также засилья архаичной церковнославянищины - с другой, украинский литературно-письменный язык в его западной разновидности начинает бурно развиваться.

С указанного периода наблюдается заметная активизация национально-освободительных устремлений в украинской этнической среде в Галиции и Буковине - наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении окраинных провинций империи Габсбургов. Как и для других австрийских славян, для украинцев вопросы сохранения и возрождения национального литературного языка в это время приобретают особую остроту и актуальность, занимают важнейшее место в идеологических и культурных программах и в национально-освободительном движении в целом.

События революции 1848-1849 гг. способствовали положительным изменениям в статусе формирующихся славянских общенациональных литературных языков в рамках Австрийского государства. Именно с этого периода наряду со значительным расширением функциональных рамок и опережающего развития лексического состава бурно развиваются публицистический, официально-деловой и научный стили всех литературных языков австрославянского культурно-исторического ареала. В частности, в области словарного состава формирование специальных терминологических пластов лексики славянских литературных языков, в том числе и галицко-украинского, становится во многом организованным и даже целенаправленным. Вынужденная инициатива здесь исходила от венских властей, так как события "весны народов" реально обозначили крайнюю бедность и ненормированность славянской научной терминологии, в первую очередь общественно-политической.² В многонациональной империи остро назрел вопрос о переводе государственных законов на языки населяющих ее народов, в том числе славянских. В 1849 г. в Вене под эгидой министерства юстиции была создана специальная тер-

2 Havránek V. *Studie o spisovném jazyce*, Praha, 1963, s. 324.

минологическая комиссия для разработки и унификации административно-правовой и общественно-политической терминологии для всех австрийских славян в составе виднейших представителей славянской культуры, науки, просвещения под общим руководством известного слависта П. Й. Шафарика. Общее редактирование осуществил К.Я. Эрбен; в состав комиссии вошли Я. Коллар, А. Шембера, Ф. Миклошич, В. Караджич, А. Мажураич, Б. Шуллек, М. Цигале и другие. В результате работы терминологической комиссии были изданы три отдельных выпуска терминологического словаря-справочника "Juridisch-politische Terminologie", в том числе для чехов (1850), украинцев (русинов) (1851) и южных славян - сербов, хорватов и словенцев (1853). В украинской редакции этого издания, кроме Я. Головацкого, занимавшего к этому времени кафедру украинского языка во Львовском университете, активно сотрудничал Юл. Выслобоцкий - переводчик министерства юстиции, а также редактор издаваемой в Вене официальной газеты "Вестник русинов австрийских и угорских". Редактировал украинское издание М. Шашкевич.

Наблюдения над официальными австрийскими переводами на украинский язык, а также оригинальными галицко-украинскими публикациями, издаваемыми преимущественно на "язычи" - своеобразной пестрой ненормированной смеси, получившей широкое распространение в среде образованных украинцев в середине XIX в. и последующие десятилетия, позволяют со всей определенностью утверждать, что в языковой сфере начальный этап галицко-украинского национального возрождения, помимо традиционных инославянских влияний - церковнославянского, польского и русского, также ярко окрашен воздействием чешского языкового эталона. Возникает вполне естественный вопрос о том, почему галицкие украинцы уже на начальном этапе национального возрождения в ходе обогащения национальной культуры и формирования национального возрождения родного языка обратились к чешской культуре и языку, предпочитая нередко чешский опыт возрождения родного языка обращению к традициям и богатейшему наследию культуры польской или русской.

В 30-50-е гг. XIX в. польское национальное движение было проникнуто идеями, достаточно далекими от идеи славянской взаимности - центральной и доминирующей на этом исто-

рическом этапе у австрийских славян. Конечной целью польские национальные лидеры ставили обновление "исторической Польши", программа которой для патриотических настроений слоев галицко-украинского общества была неприемлема.³ Распространение русского печатного слова на территории Австрийской империи, сопровождаемое цензурой, было сведено к минимуму, что соответствующим образом сказывалось на состоянии и результатах галицко-украинско-русского культурно-языкового обмена в середине прошлого столетия.⁴

Говоря об украинско-чешском культурно-языковом взаимодействии рассматриваемой эпохи, следует отметить одно важное обстоятельство: в отличие от других австрийских славян, у галицких украинцев восприятие "возрожденческого" опыта в области языковой идеологии, в сфере языковых идей и практики языкового строительства получило значительно меньшее распространение. Наиболее зримо чешское языковое воздействие здесь выразилось в области словарного состава - в первую очередь в заимствовании немалого числа лексических богемизмов: научных и специальных терминов, абстрактных слов, а также некоторого количества слов-поэтизмов.⁵

Впервые украинско-чешские лексические связи в иссле-

- 3 Панько Т. И., Сербенская А. А., Моисеенко В. Е. Особенности формирования украинской общественно-политической терминологии. - Соотношение интернационального и национального в общественно-политической терминологии восточнославянских языков. Львов, 1984, с. 58-80.
- 4 Paľkevič I. *Ukrajinsko-české kultúrne styky v XIX a na začiatku XX storočia*. - *Československá rusistika*, Praha, 1958, č. 1, s. 19-37.
- 5 Факты украинско-чешского языкового взаимодействия не ограничиваются заимствованиями на лексическом уровне. Следы чешского языкового влияния в рассматриваемую эпоху обнаруживаются со всей очевидностью в графике и орфографии, в словообразовании, в употреблении синтаксических конструкций, созданных по чешскому образцу. Весь этот материал требует подробного самостоятельного рассмотрения, что выходит за рамки данной статьи.

дуюмую эпоху были "организованно" реализованы в упомянутом "Juridisch-politische Terminologie" - первом и единственном опыте коллективного терминотворчества у австрийских славян. Анализ показывает, что украинское издание 1851 г. во многих деталях повторяет выпущенное годом ранее чешское, из которого в украинское были перенесены (часто некритически) многочисленные термины-богемизмы из административно-правовой, политической, торгово-финансовой сферы, сферы издательского дела и т.д., которые в большинстве своем являлись неологизмами, созданными в первой трети XIX в.⁶ Ср. некоторые подобные неологизмы, чешское происхождение которых не вызывает сомнения: *ликарня* (в знач. Apotheke) и производные *ликарныкъ*, *ликарныця* (ср. чеш. *lékárník*, *lékárna*, *lékárnice*), *допись* (*Correspondenz*, ч. *dopis*), *дильня* (*Fabrik*, *Werk*, ч. *dílna*), *банскій* (*berg*, ч. *baňský*), *горнины* (*Berg*, *Gabirge*, ч. *horniny*), *отчина* (*Vaterland*, ч. *otčina*), *спись* (*Akt*, *Aufsatz*, ч. *spis*), *господа* (*Wirthaus*, ч. *hospoda*), *нальпка* (*Plakat*, ч. *nálepka*), *подобенство* (*Analogie*, ч. *podobenství*), *обводь* (*Gebiet*, ч. *obvod*), *плавба корабельна* (*Seefahrt*, ч. *plavba*); *образь* (*Bildwerk*, ч. *obraz*), *цвѣчити* (*abrichten*, ч. *svičiti*), *воакъ* (*Soldat*, ч. *voják*), *объгъ*, *объжний*, *объговый* (*Umgang*, *umlauf*, ч. *oběh*, *oběžný*), *тервати*, *тервалый* (*durabilis*, ч. *trvati*, *trvalý*), *скутокъ* (*Wirkung*, ч. *skutek*), *притомный* (*zugegen*, ч. *přítomný*), *опатный* (*wiederholt*, ч. *opětný*) и многие другие.

В середине прошлого века такие чешские слова, как, например, *dalekopis*, *dalekopisec*, *dalekopisný* (в знач. *Telegraph*), *železnice*, *železničář* (*Eisenbahn*), *zeměvid* (*Landkarte*), *stroj* (*Maschine*) и его производные, а также *zeměpis* (*Geographie*), *změpisný*, *zeměpisec*; *kras(n)opis* (*Kalligrafie*), *přírodopis* (*Naturkunde*), *přírodopisec*, *přírodopisný*; *čtverec* (*Quadrat*) и другие переходят с теми же значениями на страницы галицко-украинских общелитературных и специальных изданий в формах: *далекопись*, *далекописецъ*, *далекописный*; *жельзница*, *жельзничарь*; *землевидь*, *строй*, *землепись(ь)*, *землеписный*, *землеписецъ*; *мъстопись*, *краснопись*, *природопись(ь)*, *природописецъ*, *природописный*; *четверецъ* и др.

Следует подчеркнуть, что большинство из перечисленных

6 *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Österreichs (Deutsch-ruthenische separat Ausgabe)*. Wien, 1851.

выше, а также многие другие чешские неологизмы, такие как, например, *dojem* и его производные, *směr* и его производные, *plyn*, *podnebí*, *národopis*, *životopis*, *názor*, *obsah*, *vodorovný*, *skupina*, *heslo*, *hledíště*, *přednost*, *syrovina* = *surovina*, *podmět*, *dušák*, *kyslík* и т. д. в 40-50-е гг. XIX в. воспринимались (в соответствующей огласовке) наряду с украинским, также словацким, сербским и лужицким языками. И в наши дни во всех этих славянских языках данная лексика неплохо сохранилась и представляет собой активную регулярную часть литературного словаря.

Помимо официальных австрийских терминологических изданий, галицко-украинско-чешские языковые контакты рассматриваемой эпохи достаточно полно отражены на страницах прессы, в частности, в "Зоре Галицкой" - "первой галицко-украинской политической газете", выходящей во Львове с 1848 по 1857 гг., а также в таких изданиях, как "Дневникъ рускі́й" (1848-1850), "Пчола Галицка" (1849), "Галичо-рускій Въстникъ" (1848-1850), "Новины" (1848-1849), издаваемый в Вене "Въстникъ" (1850-1860) и его приложение "Отечественный Сборникъ" (1853-1859).

Говоря о чешских заимствованиях в "Зоре Галицкой", отметим, что наиболее полно здесь представлена лексика и терминология типографского и издательского дела, относящаяся к той сфере языковой номинации, которая для галицкоукраинского литературного употребления в эту эпоху была наиболее актуальна. Ср. ряд лексических божемизмов, которые отражали новые для формирующегося украинского литературного языка цивилизационные понятия: *тыскъ* (в знач. Druck) и его производные *тысковый* = *тисковый*, *тыскаръ*, *тыскопись*, *каменотыскъ*, *каменотыскарня* (ср. чешск. эквиваленты в "Чешско-немецком словаре" Й. Юнгмана: *tisk*, *tiskárna*, *tiskař*, *tiskařství*, *tiskopis*, *kamenotisk* (JS, IV, 591-592)). В эту же группу слов входят и такие неологизмы, как *число* (в знач. "номер, выпуск"), *прилога* (ч. рї́лога), *часопис(ь)*, *часописецтво*, *допис(ь)*, *дтповедный рядитель*, *накладъ* = *наклада* (в знач. "тираж"), *предплачовати*, *передплата* = *предплата* (в знач. "подписка") и т. д.

В составе божемизмов не мало отвлеченной лексики: *сѣста* - *въ* = *сѣстава* (в знач. "sistema", ч. soustava), *окольность*, *первотный*, *предность*, *смъръ* (в знач. "направление"), *противага* (Gegengewicht), *становище* (Standpunkt) и т. д.

Среди новых украинских научных терминов доля богемизмов также весьма значительна: *поднебье* або *климать*, *землевидъ* = *ландкарта*, *первина* (Element), *дробноглядъ* ("микроскоп"), *далекоглядъ* ("телескоп"), *звездарство* ("астрономия"), *животопись* ("биография"), *сылозпытъ* ("физика", ч. silozpýt), *лучба* ("химия", ч. lučba) *товарня* ("завод, фабрика"), *пддмѣть* (subjektum, ч. podmět) и *присудокъ* (praedicatum, ч. přisudek), *приростокъ* (ч. přírůstek) (JS, III, 610) - оба в знач. instrumentum verborum et nominum, *запорь* (ч. zápor - оба в знач. Verneinung, Negation), *придатное има* (adjectivum, ч. přídavné jméno) и некоторые другие. Часть из них сохранилась в украинском специальном и общелитературном словоупотреблении, многие отошли в разряд архаизмов еще в конце прошлого века.

Помимо прямого заимствования готовых чешских слов, для исследуемого периода характерны также случаи семантических заимствований, "слепков" с чешских образцов: *все-свѣтъ*, ч. vesmír (из нем. Weltall), *метеликъ* "листочка", чешск. leták (из нем. Flugblatt) и другие.⁷

Употребление чешских заимствований в эту пору крайне нестабильно. В одном и том же издании, порой на одной и той же странице богемизмы перемежаются с другими новообразованиями на украинской языковой почве, относящимися к иным языковым источникам и иным историческим эпохам. Ср., например, синонимические ряды, состоящие из интернационализма *журналь*, калькированных неологизмов *письмо часове*, *письмо периодическе*, полонизма *часописмо* и богемизма *часопис(ь)*; русизма *литературный*, полонизма *литерацкый* и богемизма *литерарний*; полонизма *плякать* = *пляката* и богемизма *налъпка*; слов-синонимов из предшествующих столетий *печатня*, *друкарня*, *типография* и богемизма *тыскарня* = *тискарня* и т.д. Ср. также другие случаи лексической вариативности, отражающие нестабильность галицко-украинской лексической нормы, когда в качестве одного из компонентов выступает "чистый" богемизм: *передплатение*, *передплата*, *дописувач*, *дописатель*, *дописиватель*, *дописователь*; *списка*, *спись*, *пописание*, *попись* и т.д.

Наглядным примером, позволяющим проследить вхождение

7 Москаленко А. А. *Українська лексика першої половини ХІХ ст.* Одеса, 1969, с. 34.

ние и последующее укрепление в украинском литературном и обиходном словоупотреблении нового слова, отражающего новое понятие, может служить богемизм *жельзница* "железная дорога". Это слово-термин, зафиксированное впервые в издании "Juridisch-politisch Terminologie" (1851), в течение последующих десятилетий претерпевает ряд фонетических и орфографических трансформаций: *жельзница* - *жел'зница* - *зел'зница* - *залызныця* - *зал'зянка*, закрепляясь окончательно в украинском литературном лексиконе в форме *зал'зниця*.⁸

Для исследуемого периода весьма характерны случаи спорадического употребления чешских лексических "вкраплений" в галицко-украинских читанках, календарях, учебниках для школ нижней ступени, другой печатной продукции. Немало их в авторском словоупотреблении известных деятелей украинского национального движения как в литературно-публицистических произведениях, так и в переводах с чешского и словацкого языков, в переписке. Ср., в частности, подобные лексические метеориты: *гудьба* ("музыка"), *обсягъ, образ* ("картина, портрет") в "Русалке Днестровой" - первом украинском печатном поэтическом фольклорном сборнике, который был издан в 1837 г. в Буде стараниями "русской троицы" - патриотически настроенных М. Шашкевича, Я. Головацкого и И. Вагилевича.

Немало богемизмов в языке Я. Головацкого, который "употреблял их сознательно под влиянием чешских и словацких авторов в результате совместных бесед с ними".⁹ Ср. такие примеры, как *дивало* (с. divadlo - "театр"), *подобизна* (с. podobizna - "портрет"), *печа* (с. péče - "забота, опека"), *тварь* (с. tvar - "форма") и т.д.

В процессе перевода на свой язык галицкие литераторы нередко вносили в украинский текст эквиваленты, которые им "навязывал" чешский оригинал. Ср. ряд подобных богемизмов в украинском переводе М. Шашкевича "Краледворской" и "Зеленогорской рукописи", а также в его примечаниях к переводу

8 Моисеенко В. Е. Из истории богемизмов *železnice* и *vlak* в некоторых славянских литературных языках. - *Slavia*, роѡ. 58, Praha, 1989, ѡ. 3, s 290-296.

9 *З історії чехословацько-українських зв'язків*. - Братіслава, 1959, с. 275-276

этих знаменитых чешских фальсификатов: *вознесенность* (č. *vznešenost* - "возвышенность чувств"), *спроневерити(ся)* (č. *zpronevěřiti (se)* - "предать, изменить"), *стратенець* (č. *zrateňec* - "потерянный, потерявший себя человек"), *зедночений* (č. *sjednocení* - "объединенный, сплоченный"), *кминові* (č. *kmenový* - "племенной, относящийся к племени"), *дїдина* (č. *dědina* - "село, сельская местность") и т. д.

Наблюдения показывают, что начиная с 30-х гг. XIX века в течение нескольких последующих десятилетий у австрийских славян, в том числе и у галицких украинцев, бытует точка зрения о том, что нормализующая фиксация и последующее употребление как можно большего количества новых слов как терминологически значимых, так и слов-поэтизмов, восходящих к различным эпохам и языковым источникам, свидетельствует о богатстве словарного состава и лексическом разнообразии национального литературного языка.¹⁰ На этом этапе его эволюции очевидная лексическая избыточность и незакрепленность литературного словоупотребления в среде ведущих галицко-украинских литераторов (М. Разношиньский, О. Партицкий, В. Левицкий и др.) еще не воспринимаются как негативное языковое явление.

Однако в 60-70-е гг. у всех австрийских славян четко обозначается тенденция к стабилизации языковой нормы, к системному упорядочению литературного и терминологического словоупотребления, к закреплению за отдельными словами дифференцированных значений. Именно к этому периоду относится окончательное закрепление лексических и семантических бегемизмов в целом ряде славянских литературных языков: сербском и хорватском, словенском, словацком, лужицких, а также в галицкой разновидности украинского языка. Именно в этот период в качестве основополагающего мотива в словотворчестве И. Франко, И. Верхратского, В. Навроцкого, С. Подолинского, О. Терлецкого и некоторых других западноукраинских ученых и просветителей начинает выступать целенаправленный отбор, связанный с научно осознанными актуальными потребностями формирования украинского

10 Моисеенко В. Е. *О некоторых закономерностях развития словарного состава славянских языков в период их становления.* - *Вестник Львовского ун-та. Сер. филол., Львов, вып. 19, с. 11-17 (1988).*

общенационального литературного языка.

NEPOZNATE STRANICE ZAPADNOUKRAJINSKO-ČEŠKIH KULTURNO-JEZIČKIH VEZA IZ EPOHE SLOVENSKEG NA- CIONALNOG PREPORODA

Viktor J. Moisejenko

Epoha narodnih preporoda je jedna od najvažnijih u istoriji postanka, u razvoju i usavršavanju književne norme i kodifikacije čitavog niza novih nacionalnih jezika slovenskih naroda Centralne i Jugoistočne Evrope. U to doba specifičnost kulturno-jezičkih odnosa između Austrijskih Slovena se svodi na mnogobrojne vrlo aktivne međusobne kontakte pojedinaca i čitavih jezičkih kolektiva, na veoma plodnu jezičku razmenu pretežno na leksičkom i terminološkom nivou. U članku autor izlaže do sada nepoznate epizode iz istorije saradnje Galičkih Ukrajinaca i Čeha na području jezika i kulture u sredini XIX veka, predstavlja češki uticaj i češki udeo u formiranju ukrajinskoga književnog jezika, u stvaranju i stabilizaciji njegove leksičke norme. U raspravi se takođe iznose pojedini rezultati toga procesa koji su se većinom sačuvali do današnjih dana.

ГРАДАЦИОННЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ А *KAMOLI/NEKMOLI* В СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Марина Катнич-Бакаршич

Для выражения градационных отношений русский и сербохорватский языки имеют целый ряд общих средств (напомним только полное совпадение таких союзов, как: *не только - но/а (и)*, *не само-него/већ (и)*; *не столько - сколько, не toliko - koliko*; *а не только, а не само*; *а тем более, а tim više*; *если не - то по крайней мере, ако не - а оно бар* и т. д.). Однако некоторые градационные союзы в этих двух языках не совпадают, т. е. не имеют полного соответствия. Вследствие того, что сопоставительных русско-сербохорватских исследований в этом плане еще не было, возникает целый ряд вопросов, требующих углубленного изучения. Одним из таких вопросов является исследование градационных конструкций с сербохорватским нерасчлененным градационным союзом *a kamoli/nekvoli* и их соответствий в русском языке.

Предложения с союзом *a kamoli/nekvoli* стали изучаться как градационные совсем недавно (Kovačević 1985). До этого в различных синтаксических пособиях и грамматиках сербохорватского языка эти предложения чаще всего рассматривались как предложения образа действия или как сравнительные, причем обычно подчеркивалось, что имеется в виду сравнение для выражения высокой степени неравенства (Stevanović 1987: 887-888; Vrabec, Hraste, Živković 1970: 207). Некоторые авторы относили их к противительным предложениям (Katičić 1986: 198).

Предложения с союзом *a kamoli/nekvoli* имеют целый ряд характеристик, которые сближают их с другими градационными предложениями: они двучленны, структура их замкнута, градация выражается особым градационным союзом.

Градация в данных предложениях всегда восходящая (она направлена от менее значимого к более значимому члену ряда, т. е. от более ожидаемого к менее ожидаемому члену). Градация охватывает предметы, явления или действия, а члены ряда

могут выступать в роли подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства или же градируются целые предложения, нпр:

(1) *Znam da njega pored sebe ne može zadržati nijedna devojka, a kamoli mi, balavice.* (Bazar, 28.10. 1988, 67)¹

(2) *Živeti nije lako ni mravu u mravinjaku ni ptici na grani, a kamoli čoveku umetniku u ovom složenom i tvrdom svetu.* (Andrić, 190)

(3) *Gradonačelnik je izjavio (...) da je poznato da se vrata ne mogu zatvoriti iznutra, a kamoli spolja.* (Danas, 15. 11. 1988, 67)

(4) *Sve utiske nisam još ni sakupio, a nekmoli promislio.* (Politika, 10.3. 1990)

(5) *Ona se ne usuđuje ni citirati, a kamoli parafrazirati svoga pretpostavljenog.* (Pranjić, 149)

(6) *U Americi bi obavezno oglobili prodavca koji bi ma kome mladem od 21 makar samo ponudio gutljaj alkohola, a kamoli da mu proda čitavu bocu.* (NIN, 18. 9. 1988, 5)

В структуре союза *a kamoli/nekmoli* выделяется союз *a*, усиливающий значение сопоставления, затем наречие *kamo* с модальной характеристикой малой вероятности (не)осуществимости содержания предложения и частица *li* (Коваčević 1985. 111). Преопозитивная часть чаще всего содержит усилительный элемент *i* (если сказуемое в ней без отрицания) или *ni* (если сказуемое с отрицанием). Усилительный элемент важен и потому, что его присутствие открывает структуру предложения, предопределяет появление постопозитивной части, вводимой союзом *a kamoli/nekmoli*. Рядом с *i/ni* иногда представлена и частица *čak*, так что градиация усиливается двумя элементами.

В семантике данного типа конструкций - отношение конъюнкции², что схематически можно представить следующим образом:

$i/ni A \text{ a kamoli } B = i/ni A \ i/ni B =$

$i/ни A \ и/ни, \text{ что еще более значимо, более важно, } B, = A \ \& \ B.$

- 1 Материалом для данной статьи послужили тексты всех функциональных стилей русского и сербохорватского языков. В конце работы дан перечень только процитированных здесь источников.
- 2 О языковых выражениях конъюнкции см. Брутян (1983). Знак & обозначает конъюнкцию.

Сопоставительное изучение градационных конструкций с союзом *a kamoli/nekoli* и соответствующих им русских конструкций представляет особый интерес. На основе анализа исследуемого материала можно прийти к выводу, что сербохорватские конструкции с этими союзами переводятся на русский язык несколькими способами:

(7) Ne dao tebi bog da te kakva varošanka uzme pod komandu, ne bi ti, majci, smio *čak ni* omirisati bijeloga luka, *a kamoli* se nabokati ovako kao što ti radiš. (Ćorić, 76)

Упаси тебя бог попасть под каблук такой горожанки, чеснока и понюхать не посмеешь, *не то что* нажираться, как ты это сейчас делаешь. (Чопич, 302)

(8) Da lud li si čelcbija Mujo! Ne bi mene *ni* za sluge bio, *akamoli* da mi lice ljubiš! (Karadžić, 585)

Иль ты спятил, челебия Муё? Ты ведь мне и в слуги не годишься, *а не то чтоб* со мною любиться! (Караджич, 120)

(9) Bi li s' ovde ukrila jabuka, *akamoli* cedo pod pojasom? (Karadžić, 587)

Может ли здесь яблоко укрыться, *а не то что* под поясом чадо? (Караджич, 121)

(10) Ne mogu da poimam *ni* ono što sam toga dana od podneva napisao, *a kamoli* da vidim dalje napred. (Andrić, 198)

Я не могу разобраться даже в том, что написал сегодня утром, *а тем более* взглянуть далеко вперед. (Андрич, 362)

(11) Taj je proces tako nejasan (...) da o njemu ne treba mnogo *ni* razmišljati, *a kamoli* govoriti. (Andrić, 223)

Этот процесс столь неясен (...), что о нем не следует даже много думать, *а тем более* говорить. (Андрич, 383)

(12) Sjaši ti s mene, branim se ja, ne mogu *ni* s tobom nakraj izaći, *a kamoli* ću s kakvom pravom gospojom. (Ćorić, 76)

Отстань ты от меня, обороняюсь я. мне и с тобой справиться не под си·у, *что уж там говорить* о настоящей госпоже? (Чопич, 302)

Приведенные выше примеры показывают, что союз *a kamoli/nektnoli* переводится на русский язык союзами (*a*) *не то что/чтобы*, *а тем более* и *что уж там говорить*.

Нерасчлененный градационный союз (*a*) *не то что* (реже *не то чтобы*)³ образован инверсией частей градационного ряда с союзом *не то что/чтобы* - *но/а*, причем исключается вторая часть союза (*но, а*). К части *не то что* нередко добавляется союз *а*, усиливающий сопоставление. В препозитивной части чаще всего встречается усилительная частица *даже* (реже *и*). Этот союз в основном служит для связи однородных членов предложения.

По своему составу и по своим семантическим и стилистическим характеристикам союз (*a*) *не то что/чтобы* является полным эквивалентом сербохорватского градационного союза *a ne da*, синонимичного союзу *a kamoli/nektnoli*. Ср., например:

Nisam je *ni* pogledao, *a ne da sam* je poljubio.

Nisam je *ni* pogledao, *a kamoli* poljubio.

Оба предложения можно перевести на русский язык следующим образом:

Я *даже* не посмотрел на нее, (*a*) *не то что* поцеловал ее.

В то же время градационный союз (*a*) *не то что/чтобы* можно перевести на русский язык синонимичными сербохорватскими союзами *a ne da* и *a kamoli/nektnoli*:

(13) Я *даже* повернуться не мог, *не то что* пробиться сквозь эту живую стену. (Русская грамматика АН 1980 II: 632)

Nisam mogao *ni* da se okrenem, *a ne (a kamoli)* da se probijem kroz taj živi zid.

Следует подчеркнуть, что союзы (*a*) *не то что* и *a ne da* дистрибуционно ограничены (они связывают в основном однородные члены предложения). Кроме того, они выступают не только в градационных предложениях. Союз же *a kamoli/nektnoli* является собственно градационным союзом и для выражения

3 В литературе отмечается, что союз *не то что* употребляется и для выражения сравнительно-противительных отношений. В таком употреблении данный союз соединяет обычно части сложного предложения, причем постпозитивная часть в большинстве случаев представляет собой неполное предложение (Смирнов 1978: 160). Кроме того, препозитивная часть не допускает включения в нее усилительных частиц.

других значений не употребляется. Важно отметить и то, что в предложениях с союзами (*a*) *ne to* что и *a ne da* градация выражена слабее, чем в предложениях с союзом *a kamoli/nekvoli*, так как они не обладают той ярко выраженной градационной семантикой, которую в союз *a kamoli* вносят наречие *kato* и частица *li*. Все три рассматриваемых союза отличаются присутствием разговорной окраски.

Итак, русский нерасчлененный градационный союз (*a*) *ne to* что, являясь полным эквивалентом союза *a ne da*, может соответствовать и сербохорватскому союзу *a kamoli/nekvoli*.

Проведенный нами анализ материала показывает, что союз *a kamoli/nekvoli* переводится на русский язык и союзом *a тем более* (см. примеры 10 и 11). Этот градационно-усилительный союз состоит из союза *a* и наречного конкретизатора *тем более*, выражающего градацию своей лексической семантикой. При всей общности градационного значения союз *a тем более* отличается от сербохорватского *a kamoli/nekvoli* стилистической нейтральностью (отсутствием разговорно-эмоциональной окраски). Поэтому данный союз не может выразить все семантические и стилистические оттенки, характерные для союза *a kamoli/nekvoli*. Следует добавить, что эквивалентами союза *a тем более* в сербохорватском языке являются союзы *a tim više*, *a tim prije*, *a pogotovo/pogotovu*.

Градационный союз *a kamoli/nekvoli* иногда переводится на сербохорватский язык и союзными сочетаниями *что уж там говорить* (см. пример 12) и *не говоря уж* (см. Сербохорватско-русский словарь И. Толстого - 1970: 202). В таких сочетаниях градационные отношения выражаются лексическим наполнением. По своим формальным признакам они в значительной степени отличаются от союза *a kamoli/nekvoli* и обнаруживают сходство с сербохорватским градационным союзом *a da se i ne govori*. Здесь следует иметь в виду и тот факт, что они меньше грамматикализованы, чем союз *a kamoli/nekvoli*. Однако союзные сочетания *что уж там говорить* и *не говоря уж* по своей разговорно-эмоциональной окраске и по ярко выраженной градационной семантике сближаются и с союзом *a kamoli/nekvoli*.

На основании всего изложенного можно сделать вывод, что сербохорватским градационным конструкциям с союзом *a kamoli/nekvoli* в русском языке соответствуют союзы (*a*) *ne to* что/чтобы, *a тем более* и *не говоря уж* (*что уж там говорить*). Из

этих союзов по своим семантическим и стилистическим характеристикам ближайшим (хотя и не полным) русским эквивалентом является (*a*) *не то что/чтобы*. Следует однако подчеркнуть, что союз *a kamoli/nekamoli* занимает особое место в ряду сербохорватских градационных союзов, так как для него характерны высокая степень выражения градации и эмоционально-разговорная окраска. Поэтому при переводе на русский язык одним из трех приведенных выше способов все-таки теряются некоторые структурные, дистрибутивные или семантические и стилистические свойства данного союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. (Brabec, Hraste 1963) Brabec I., Hraste M. i Živković S. *Gramatika hrvatskosrpskoga jezika*. - Zagreb, Školska knjiga.

2. (Брутян 1983) Брутян Л. Г. *Лингвистический анализ языковых выражений конъюнкции*. - Ереван, Изд-во Ереванского университета.

3. (Katičić 1986) Katičić R. *Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Nacrt za gramatiku*. - Zagreb, JAZU, Globus.

4. (Kovačević 1985) Kovačević M. *Gradacione rečenice za nerealizovanu suprotnost u srpskohrvatskom jeziku*. - Naučni sastanak slavista u Vukove dane 15/1, str. 103-114.

5. (Русская грамматика АН 1980) *Русская грамматика АН СССР. Т.2*. Под ред. Ю. Шведовой. - Москва, Наука.

6. (Смирнов 1978) Смирнов Г. Н. *Синтаксические конструкции с союзом не то что*. - Русский язык (грамматика и лексикология), Изд-во Казанского университета, с. 160-166.

7. (Stevanović 1989) Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik. T.II. 5.izd.* - Beograd, Naučna knjiga.

8. (Tolstoj 1970) Tolstoj I. I. *Srpskohrvatsko-ruski rečnik*. - Moskva, Sovjetska enciklopedija.

ИСТОЧНИКИ

(Andrić) Andrić I. *Znakovi pored puta*. - Sabrana djela Ive Andrića, knj. 14, Sarajevo, Svjetlost - Prosveta, 1976.

(Андрич) Андрич И. Из книги *Знаки вдоль дороги*. Пер. А. Романенко. - Человеку и человечеству, Москва, 1983, с. 315-456.

- (Bazar) Politika Bazar, Beograd, 28.10.1988.
(Ćopić) Ćopić B. *Osmo ofanziva*. - Beograd, Prosveta - Svjetlost - Veselin Masleša, 1964, str. 1-150.
(Чопич) Чопич Б. *Восьмое наступление*. Пер. И. Дорбы. - Избранное. Т.2. Москва, 1982, с. 239-350.
(Danas) Danas, Zagreb, 15.11.1988.
(Karadžić) Karadžić V. *Srpske narodne pjesme*. Knjiga I i II. - Beograd, Prosveta, 1953-1958.
(Караджич) Караджич В. *Сербские народные песни и сказки*. - Москва, 1982, с. 1000-2000.
(NIN) NIN, Beograd, 18.9.1988.
(Politika) Politika, Beograd, 10.3.1990.
(Pranjić) Pranjić K. *Jezikom i stilom kroza književnost*. - Zagreb, Školska knjiga, 1986, str. 100-200.

SRPSKOHRVATSKE GRADACIONE KONSTRUKCIJE SA VEZNIKOM *a kamoli/nekvoli* I NJIHOVI EKVIVALENTI U RUSKOM JEZIKU

Marina Katnić-Bakaršić

U radu se proučavaju srpskohrvatske gradacione konstrukcije sa jednočlanim veznikom *a kamoli/nekvoli* i njihovi ekvivalenti u ruskom jeziku. Ukazuje se na tri moguća ekvivalenta: veznici (*a*) не то что/чтобы, а тем более и не говоря уж. Po svojim semantičkim i stilističkim obilježjima najbliži ruski ekvivalent datog veznika jeste veznik (*a*) не то что/чтобы.

ПАРОНИМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Борисав Тошич

В современной русистике существуют по крайней мере две трактовки проблемы паронимии: более широкая, считающая основными критериями паронимичности созвучность двух слов, их ошибочную взаимозаменяемость или преднамеренное сближение в речи и - более узкая, которая, кроме этого, принимает во внимание и этимологическое родство, ставя его на первое место.

Согласно первому пониманию, паронимами являются все сходно звучащие слова, которые имеют разное значение, смешиваются или преднамеренно "сталкиваются" в тексте. При такой трактовке паронимии к ней можно отнести некоторые периферийные и смежные явления, по функции в языке сходные с ней. Такое понимание паронимии удобно для методики обучения языку и для языковой практики. В этом случае одинаково можно трактовать все сходно звучащие однокорневые слова - хотя они разного рода (*прогноз - прогнозирование, задача - задание*), разного вида (*завтракать - позавтракать, стрелять - расстрелять*), разного ударения (*женá - жéнщина, дождево́й - дождли́вый*). Если иметь в виду практические цели, в рамках паронимии можно рассматривать и этимологически неродственные сходно звучащие слова (*акция - акация, космический - косметический* и т.п.), а также и явления преднамеренного сближения созвучных слов (стилистическая фигура паронимазия).

Некоторые авторы понимают явления паронимии более узко, относя к паронимам "близкие по звучанию однокорневые слова с ударением на одном и том же слоге, принадлежащие одному логико-грамматическому ряду и выражающие различные смысловые понятия" (4, с.98). Это абсолютные (полные, максимальные, истинные) паронимы. Например: *осудить - обсудить, адресат - адресант, здравица - здравница, невежа - невежда, классный - классовый*. Абсолютным паронимам близки неполные паронимы, у которых еще не закончено полное семантическое разграничение, так как у них иногда бывают

и тождественные значения (*гармонический - гармоничный, динамический - динамичный*). В случаях, когда однокорневые слова составляют пару, в которой каждый из компонентов различается ударением (*дождевой - дождливый, ледовой - ледяной*), можно говорить о частичных паронимах. Более узкая интерпретация удобна для науки о языке, потому что дает возможность обнаружить общие характеристики паронимии и сопоставить это явление со смежными с ним явлениями в русском языке - с одной стороны, и сравнить явления паронимии в русском языке с аналогичными или сходными явлениями в генетически родственных и типологически близких языках, какими, например, являются славянские языки - с другой стороны.¹

Не раз отмечалось, что изучение паронимов русского языка с самого своего начала привлекало внимание преподавателей русского языка как иностранного (З.с.70). Для иностранцев, в том числе и для лиц, родным языком которых является сербскохорватский язык, внутриязыковые паронимы русского языка представляют специфичную трудность не только из-за структурного и звукового сходства семантически разных компонентов паронимической пары, но и из-за особенностей сербскохорватского языка и своеобразного соотношения русских паронимов с сербскохорватскими эквивалентами. Проблемы усвоения русских внутриязыковых паронимов в сербскохорватской среде соприкасаются с проблемами усвоения русских внутриязыковых омонимов и, в особенности, с проблемами усвоения русско-сербскохорватских межъязыковых омонимов и паронимов.

В русском языке омонимы определяются как "слова, совпадающие по звучанию, одинаковые по своей форме, но значения которых никак не связаны друг с другом, т.е. не содержат никаких общих элементов смысла, никаких общих семантических признаков" (10, с. 78). Например, *класс I - klasa, класс II - razred; мешать I - miješati, мешать II - smetati; рабочий I - radnik, рабочий II - radni, radnički*. Однако, если рассматривать такие слова в близких языках, как бы они ни были сходными, их аку-

1 В. В. Морковкин (10, с. 226) в рамках категории паронимии выделяет ядро (его составляют однокорневые близкозвучные слова) и периферию (разнокорневые близкозвучные слова).

стический образ не может быть совсем одинаковым. Так, у русско-сербскохорватских омонимов *живот* (*stomak*) - *život* (жизнь), *плот* (*splav*) - *plot* (плетень), *кучка* (*gomilica*) - *kučka* (сука) наблюдается значительная разница в природе и артикуляции русских и сербскохорватских согласных *ж, ч, л*. В некоторых межъязыковых омонимах из-за ударения имеем существенные несовпадения в качестве гласных: *певец* (*pjevač*) - *pévac, rijevac* (петух), *стенá* (*zid, zidina*) - *sténa, stijena* (скала, утес), *одеяло* (*rokivač*) - *odélo, odijelo* (костюм). Значит, из-за различий в ударении и в природе звуков, трудно говорить об одинаковом звучании русско-сербскохорватских омонимов. Кроме этого, большое число русско-сербскохорватских омонимов не различаются полностью по значению (во всех значениях). Так, например, русское слово *живот* в прямом значении соответствует сербскохорватскому слову *stomak*, но в переносных значениях соответствует слову *život* (жизнь): *сражаться не на живот, а на смерть* - *boriti se na život i smrt*; *положить живот на поле брани* - *položiti život na bojnот polju*. Когда звуковые образы двух слов в русском и сербскохорватском языках в значительной степени отличаются, можно говорить о межъязыковой омографии (слова пишутся одинаково, а произносятся, при различии в значениях, по-разному): *бро-дить* (*lutati, skitati se*) - *broditi* (плавать, напр., на корабле), *досада* (*srđžba, zlovolja*) - *dosada* (скука), *окно* (*prozog*) - *окно* (стекло в оконной раме; шахта).

Итак, на основании этих замечаний, к межъязыковым русско-сербскохорватским омонимам можно отнести слова, имеющие в двух языках одинаковый (или почти одинаковый) акустический и графический образ, но расходящиеся по значению: *буква* (*slovo*) - *bukva* (бук), *виноград* (*grožđe*) - *vinograd* (виноградник), *потерять* (*izgubiti*) - *poterati, potjerati* (погнать), *частный* (*privatan, pojedinačan*) - *častan* (честный)²

В межъязыковом плане очень трудно отграничить омони-

2 Более полный перечень таких слов см. в статье: Митропан П. - *Влияние родного языка учащихся при изучении лексики русского языка*, Русский язык за рубежом, 1968, 2.

мы от паронимов. "К межъязыковым паронимам следует относить слова сопоставляемых языков, не вполне сходные по форме, но могущие вызвать у большего или меньшего числа лиц ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на фактическое расхождение их значений."³

Мы уже показали, что в двух сопоставляемых языках нет слов, акустический образ которых был бы совсем тождественным (а это является, конечно, при различии в значениях, - основной характеристикой внутриязыковых омонимов). Поэтому, если несколько огрубить существо дела, можно было бы утверждать, что не существует межъязыковой омонимии, что, в соответствии с этим, словосочетание межъязыковые омонимы лучше было бы заменить термином межъязыковые паронимы (слова, сходные - но не одинаковые! - по звучанию, а разные по значению). Но мы должны отказаться от этого утверждения, поскольку термин межъязыковая омонимия давно вошел в употребление, прочно укрепился в лингвистической литературе и, следовательно, его трудно заменить.⁴

Итак, в случаях более заметной разницы в акустической и графической форме двух слов, при наличии сходства, вызывающего ложные ассоциации и отождествление действительно разных значений, мы все-таки будем говорить о межъязыковой русско-сербскохорватской паронимии. Например, *берег* (obala) - *breg, brijeg* (холм, горка); *болото* (močvara) - *blato* (грязь); *быстрый* (brz) - *bistar* (прозрачный, чистый; сообразительный); *варенье* (slatko) - *varenje* (пищеварение); *виноградник* (vinograd) - *vinogradar* (виноградарь); *ворота* (karija) - *vrata* (дверь); *горный* (planinski, rudarski) - *gornji* (верхний); *кошка* (mačka) - *kokoška* (курица); *огород* (vrt) - *ograda* (забор); *печенье* (keks) -

3 Акуленко В.В. - О "ложных друзьях переводчика" - В кн.: Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика". М., 1969, с. 371.

4 Невозможностью четкого разграничения этих явлений в близкородственных языках объясняется тот факт, что исследователи одновременно изучают межъязыковую омонимию и межъязыковую паронимию. См.: Грабчиков С.М. *Межъязыковые омонимы и паронимы*. Опыт русско-белорусского словаря, Минск, Издательство БГУ, 1980; Тошић Борисав и Тановић Илијас. - *Školski rusko-srpskohrvatski rječnik* (приложение: Међудејички homonimi i paronimi), Svjetlost, Sarajevo, 1983.

pečenje (жаркое); *сторонник* (*pristalica*) - *stranac* (иностранец); *участь* (*sudbin*) - *učešće* (участие).

Поскольку невозможно четко разграничить явления межъязыковой паронимии и межъязыковой омонимии, следует добавить, что эти две категории сходной лексики различаются только по степени схожести акустической (графической) формы: при различии в значениях русского и сербскохорватского слова, и, следовательно, в случае большего сходства говорим о межъязыковых омонимах, а в случае меньшего сходства - о межъязыковой паронимии. Для обучения лексике эта граница и не является релевантной, так как оба явления, в основном, имеют одну и ту же трактовку в обучении русскому языку: и в том и в другом случае нужно выяснить отношения этих слов, как во внутриязыковом, так и в межъязыковом плане.

В дальнейшем мы не будем останавливаться на отношениях межъязыковой русско-сербскохорватской паронимии (*быстрый* : *brz* - *bistar*: прозрачный; *участь* : *sudbina* - *učešće* : *učastie*; *командировка* : *službeno putovanje* - *komandovanje* : командирование), так как нам кажется, что это явление очень близко к межъязыковой омонимии (*банка* : *tepla* - *banka* : банк; *слово* : *riječ* - *slovo* : буква), и поэтому их следует изучать совместно. Рассматривая сербскохорватские эквиваленты русских паронимов, мы остановимся в основном на тех случаях, когда внутриязыковая паронимия осложняется русско-сербскохорватской омонимией и паронимией. Нас интересует то, что в сербскохорватском языке соответствует таким русским парам, как *частный* - *частый*, *поглотить* - *проглотить*, *здравица* - *дравница* и в каких отношениях находятся сербскохорватские эквиваленты и компоненты русской паронимической пары.⁵ Русские паронимические пары взяты из книги О.В. Вишняковой "Паронимы в русском языке" (2).

Сопоставление русских внутриязыковых паронимов с их сербскохорватскими эквивалентами (причем эти отношения частично упрощаются, так как, главным образом, мы берем основные значения) дает возможность выделения нескольких групп слов, очень трудных для усвоения, которые при

5 Более широкий сопоставительный анализ см. в книге: Borisav Tošić. *Paronimi u nastavi ruske leksike, Svjetlost, Sarajevo, 1985, 190 str.*

обучении нужно трактовать по-разному.

1. Русской паронимической паре соответствует в сербскохорватском языке паронимическая пара с приблизительно одинаковой структурой значения:

абонент - абонемент : abonent - abonman; *адресат - адресант* : adresat - adresant; *дипломат - дипломант* : diplomat - diplomat; *сталактит - сталагмит* : stalaktit - stalagmit; *господский - господний* : gospodski - gospodnji; *мучительный - мучительский* : mučan - mučiteljski; *соседний - соседский* : susjedni - susjedski; *конфузный - конфузливый* : zbunjen - zbunljiv; *гнутой - гнутый* : savijen - savitljiv; *вбежать - взбежать* : utrčati - ustrčati.

Таких примеров в нейтральном стиле немного, и они, в основном, охватывают некоторые слова иностранного происхождения, терминологического характера и специальной сферы употребления.

2. Паронимической паре, образованной прилагательными с суффиксами *-ическ-/ичн-*, чаще всего в сербскохорватском языке соответствуют два или больше прилагательных, значения которых не являются совсем издифференцированными (эти прилагательные иногда можно считать синонимами или вариантами):

автоматический - автоматичный : automatski - automatičan; *аллегорический - аллегоричный* : alegorijski - alegorički - alegoričan; *ароматический - ароматичный* : aromatski - aromatički - aromatičan; *драматический - драматичный* : dramski - dramatički - dramatičan;

но:

критический - критичный : kritički - kritičan; *практический - практичный* : praktički - praktičan; *тактический - тактичный* : taktički - taktičan и т.д.

3. Немного иное отношение имеем у пар, одним компонентом которых являются прилагательные с суффиксом *-ск-*, так как эти прилагательные в сербскохорватском языке могут иметь эквиваленты с суффиксами *-ски*, *-čki* и *-ов*, *-ев*, *-ин*:

воспитательный - воспитательский : vaspitni - vaspitački, vaspitačev; *генеральный - генеральский* : generalni - generalski, generalov; *кардинальный - кардинальский* : kardinalni - kardinalski, kardinalov.

Или другой вариант:

Гончарный, гончарский : lončarski, *гончарский* - lončarski, lončarev; *ювелирный, ювелирский* : juvelirski, *ювелирский* : juvelirski, juvelirov.

4. Русской паронимической паре в сербскохорватском языке соответствует одно слово:

атомник - атомщик : atomist(a), *бородатый - бородастый*: bradat, *верить - веровать* : vjegovati, *гречский - греческий* : grčki, *дружеский - дружественный* : prijateljski, *остатки - останки* : ostaci, *проглотить - поглотить* : progutati, *охватить - обхватить* : obuhvatiti.

5. Некоторым русским паронимам в сербскохорватском языке соответствуют слова, разные по форме и по значению:

благой (rdav) - *блажной* (kapriciozan), *горячий* (vreo) - *горючий* (zapaljiv), *здравица* (zdravica) - *здравница* (sanatorijum), *невежа* (neotesanko) - *невежда* (peznalica), *осуждать* (osudivati) - *обсуждать* (razmatrati), *шторм* (oluj-a) - *штурм* (parad).

6. Существует значительное число пар, в которых первый компонент имеет ту же форму и то же значение в сербскохорватском языке, вследствие чего происходит ложное отождествление и второго компонента (второй компонент является межъязыковым омонимом):

искусный - iskusan, но *искусственный* - vještački, *классовый* - klasni, но *классный* - razredni, školski, *злой* - зао, но *злостный* - zlopatjegan, *вдохнуть* - udahnuti, но *вздыхнуть* - uzdahnuti, *здравица* - zdravica, но *здравница* - sanatorijum, *клюв* - kljun, но *клев* - zagrizanje, trzanje, *опасный* - opasan, но *опасливый* - plašljiv, oprezan, *удодный* - ugodan, но *удодливый* - preropnizan, predusretljiv, *нетерпимый* - netrpeljiv, но *нестерпимый* - nepodnošljiv, *памятливый* - pamtljiv, но *памятный* - koji se pamti, značajan, *швейцарец* - Švajcarac, но *швейцар* - vratar.

7. Иногда ни у одного из компонентов внутриязыковой пары нет никакой семантической связи с сходными по форме словами сербскохорватского языка (оба компонента являются межъязыковыми омонимами или паронимами):

барский - барственный значит не barski, а: *барский* - gospodski, gospodarov; *барственный* - gospodstven, gospodarast, ohol; *благой* - блажной значит не blag, blažen, а: *благой* - rdav; *блажной* - kapriciozan; *досадный* - досадливый значит не dosadan, dosadljiv, а: *досадный* - neugodan,

mištan; досадливый - *razdražljiv*; частый - частный значит не *častan*, а: частый - чест; частный - *rojedinačan, privatn*.

8. Особое соотношение наблюдаем у паронимов **единый - единственный** и *jedinstven - jedini*: **единый** = *jedinstven*, **единственный** = *jedini*. (Например: **единая транспортная система** - *jedinstven* транспортни систем; **единственная возможность** - *jedina mogućnost*).

Принимая во внимание многозначность паронимических компонентов в русском языке - с одной стороны, и их сербскохорватских эквивалентов - с другой, можно заметить, что эти межъязыковые отношения гораздо сложнее. Покажем это на следующем примере: слово **венюк** соответствует сербскохорватскому слову *venac (vijenas)* в значении 'украшение из цветов и ветвей', а слову **венец** соответствуют остальные значения сербскохорватского слова *venac (vijenas)* или совсем другие слова: **пойти под венец с кем-нибудь** - *roći pod vijenas* (устар.), *vjenčati se*; **венец (ореол, нимб)** - *oreol, vijenas*; **венец ('ряд бревен в срубе')** - (*пр. клопни*) *vijenas*; **царский венец** - *carska kruna*; **венец усилий, достижений** - *kruna napora, kruna dostignuća*. С другой стороны, у сербскохорватского слова *venac (vijenas)* есть значения, которые невозможно передать русскими словами **венюк** и **венец**. Например:

Onaj *venac* amfiteatralno poredanih kuća oko negdašnje bare Venesija... (Srećmac) - Этот **ряд** домов, расположенных амфитеатром вокруг бывшего болота Венеция...; *Pade mu pogled na onaj dugi planinski venac* (Ranković). - Он взглянул на тот длинный горный **кряж**; *Šumski put vodaše venceset* (Veselinović) - Лесная дорога шла по горному **хребту**.

Таким образом, очевидно, что внутриязыковые русские паронимы при обучении русской лексике носителей сербскохорватского языка занимают особое место в типологии лексических трудностей, так как явления внутриязыковой интерференции осложняются явлениями межъязыковой интерференции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. *Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка*. - М., 1968,

2. Вишнякова О. В. *Паронимы в русском языке.* - М., 1974;
3. Вишнякова О. В. *Лексические паронимы в системе преподавания русского языка иностранцам.* - Русский язык за рубежом, 1975, 5;
4. Вишнякова О. В. *О проблемах паронимии.* - Вопросы языкознания, 1978, 4;
5. Вишнякова О. В. *Паронимия как языковое явление.* - Вопросы языкознания, 1981, 2;
6. Вишнякова О. В. *Паронимы современного русского языка.* - М., 1981;
7. Колесников Н. П. *Словарь паронимов русского языка.* - Тбилиси, 1971;
8. Кузнецова И. Н. *О паронимии.* - Вестник Московского университета, серия 10, филология 1, 1976;
9. Кузнецова И. Н. *О семантической классификации паронимов.* - Вестник Московского университета, серия 9, филология 4, 1977;
10. Морковкин В. В. *Русская лексика в аспекте педагогической лингвистики.* - В сборнике: Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации. М., 1986;
11. Шмелев Д. Н. *Современный русский язык. Лексика.* - М., 1977;
12. Янко-Триницкая Н. Я. *К изучению паронимов.* - Русский язык в школе, 1979, 5.

PARONIMI RUSKOG JEZIKA I NJIHOVI EKVIVALENTI U SRPSKOHRVATSKOM JEZIKU

Borisav Tošić

U savremenoj rusistici postoje najmanje dvije interpretacije problema paroniminije: šira, u kojoj se kao osnovni kriterijum paronimičnosti uzima bliskost zvučne slike, zbog čega dolazi do njihovog namjernog ili nenamjernog miješanja pri upotrebi, i - uža, koja uzima u obzir i etimološku srodnost, stavljajući je na prvo mjesto. U ovom se radu razmatraju ruski unutarjezički paronimi (paronimi u užem smislu) u poređenju sa njihovim srpskohrvatskim ekvivalentima. Pri tome se konstatuju raznovrsni međusobni odnosi, koji zauzimaju posebno mjesto u tipologiji leksičkih poteškoća pri usvajanju ruskog jezika u srpskohrvatskoj govornoj sredini.

ГЛАГОЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИЕМАХ К. Г. ПАУСТОВСКОГО И Б. ЧОПИЧА

Сафет Кешо

Учитывая критерии не только стилистики, теории литературы, лингвистики, но и философии языка в целом, метафора все еще обладает тем неоспоримым преимуществом перед всеми остальными изобразительными средствами языка, которое за ней в свое время признал Аристотель. Несмотря на то, понимается ли метафора более узко или в это название включается еще и метонимия, синекдоха, олицетворение, аллегория и символ (как считают некоторые представители французской школы лингвистики), она представляет собой синтетический прием, в котором смешиваются значения двух понятий, "конденсируются" в новый, недосказанный и загадочный смысл, бросающий вызов безудержной человеческой фантазии.

В литературно-художественных произведениях метафоры могут выполнять самые различные функции. В этой статье на материале рассказов К. Г. Паустовского и Б. Чопича рассматриваются некоторые из них.

"Можно привести большие отрывки из любого произведения К. Г. Паустовского..., где мы найдем всего одну-две метафоры..., но несмотря на это, прелесть его прозы не исчезает, стиль строг, прозрачен. Тем интереснее проследить, каким образом писатель использует необычные связи слов, как метафора вплетается в художественный текст."¹

Константин Паустовский, как и другие писатели, использует метафору с целью образнее показать предметы и выразить свое отношение к тому, на чем он сосредоточивает свое внимание. Свежесть его произведениям придает соединение романтико-лирического с реалистическим повествованием о природе и о людях. Человека и природу по ценности Паустовский очень часто помещает на один и тот же уровень, вследствие чего некоторые душевные состояния и отношение своих

1 Долгов Ю. С. *Художественно-изобразительные средства К. Г. Паустовского /метафора/*. - Русская речь, 1974, 4, с. 84.

героев к действительности он объясняет с помощью предметов и явлений природы. Чаще всего в этих целях он пользуется флоризмами, например:

"Но этот скромный человек совершенно расцвел..." (I, с. 307);

"Сам царь, если бы ее встретил, тоже начал бы сохнуть." (I, с.187);

"...замысел расцветает и наливается соками земли." (I, с. 193) и т. п.

С другой стороны, писатель антропоморфизует растения, гром, ветер, дождь, подчеркивая тем самым еще раз упомянутую выше одинаковую ценность человека и природы:

"внезапно вся сосна.. вздрогнула и застонала." (I, с. 18);

"... березы пытались удержать падающую сосну..." (I, с. 19);

"... за рекой пребормотал первый гром." (I, с. 40);

"Он (дождь - С. К.) не звенит, а шепчет что-то..." (I, с. 233);

"Жестокый норд-ост полировал гранитные мостовые." (I, с. 252) и др.

Не скрывая своей связи с традицией, Паустовский нередко использует глагольную оппозицию гореть - гаснуть, но обычно в нестандартном контексте - с абстрактными понятиями. Таким образом его повествование становится более динамичным, например:

"Но это солнце воображения загорается..." (I, с. 282);

"Порыв к творчеству может ... угаснуть..." (I, с. 191) и т.

д.

Благодаря приему опредмечивания (даже олицетворения) отвлеченных понятий, Паустовским создан целый ряд исключительно экспрессивных метафор, как, например:

"Ночная тишина спускалась с гор на Ялту..." (I, с. 311);

"... тишина остановилась над берегом." (I, с. 263);

"Ночь металась за окнами ..." (I, с. 311);

"Низкая тьма висела над морем." (там же) и др.

В произведениях Паустовского при метафорических центрах часто встречаются и наречия, выполняющие "плеротическую" функцию, напр.:

"Ночь напрасно шла над ними..." (I, с. 312);

"Он (крейсер - С. К.)..., грозно молчал." (I, с. 133);

"Паровоз ликующе кричал ..." (I, с. 214) и т. п.

Базой для метафоризации какого-либо явления Паустовскому обычно служит постоянное доминирующее качество.

Так, например, закат для него интересен наличием своих красок, ночь же - их отсутствием:

"...закат золотит девичьи глаза ..." (I, с. 231);

"Золото закатов пылало в его садах." (I, с. 182);

"Ночь погасила цвета." (I, с. 78) и др.

В роли метафорических центров у Паустовского чаще всего встречаются глаголы движения, так как они обладают исключительной валентностью:

"... сбегает к прудам кудрявые заросли лещины." (I, с. 72);

"А над лесами мчалось ... полуночное небо ..." (I, с. 214);

"Вдохновение входит в нас ..." (I, с. 195);

"Последние остатки света ветер гнал впереди урагана." (I, с. 38) и так далее.

В произведениях К. Г. Паустовского глагольные метафоры почти никогда не ограничиваются лишь одной стилистической задачей. Так, например, метафоры, в которые он неожиданно "вносит" звук, обладают исключительной выразительностью и, кроме эстетической, выполняют еще и иллюстративную функцию и функцию динамизации повествования. Приведем некоторые примеры:

"Вскоре они (слова - С. К.) уже поют..." (I, с. 47);

"Поезд грохотал, гремел в пару, в дыму." (I, с. 214);

"Крейсер..., грозно молчал." (I, с. 133);

"Паровоз ликующе кричал,..." (там же) и др.

Последний из литературно-художественных приемов Паустовского, который, в соответствии с темой статьи, считаем важным отметить - это прием использования глагольной метафоры для характеристики своих героев. Название упомянутой функции, очевидно, обуславливается авторской позицией, поскольку таким приемом автор сознательно рисует своего героя (хотя неосознанно он говорит и о себе самом). Вот некоторые примеры:

"Можете себе представить, - трещала старуха..." (I, с. 61);

"И не служил, а прямо ржал (поп - С. К.) и т. п.

Как и у Паустовского, во всем творчестве Бранко Чопича чувствуется сильная корреляция человека и природы. Человек и его упомянутый коррелятив в произведениях этого югославского прозаика лишь формально находятся на одном уровне. На самом же деле, в подавляющем большинстве его произведений, все подчинено человеку. Некоторые поиски путей полного ото-

ждествления двух взаимоотноносительных членов писатель проводит на базе перемещения их доминирующих свойств из главной семантической сферы одного в какую-нибудь из второстепенных сфер другого члена и наоборот. В целом же, по-видимому, механизм функционирования метафоры у обоих писателей одинаков, но функциональное разнообразие глагольных метафор, присущее их произведениям, несет отпечаток стиля каждого из писателей. Иными словами, более или менее идентичные намерения у них достигаются не всегда одинаковыми литературно-художественными средствами и приемами.

Пейзажные места прозы Бранко Чопича непосредственно связаны с внутренним миром персонажей и часто служат для его образного показа. Подобное отношение, служащее исходной точкой процесса метафоризации, мы отметили и у Паустовского, но различие заключается в том, что Чопич олицетворяет конкретные понятия природы бытовым языком своих героев. Например:

"...*hrastovi na brijegu stražare i čekaju nekog...*" (III, с. 257);

("...дубы на пригорке были часовые, поджидющие...") (IV, с. 43);

"*Osamljeno drvce cvililo je na vjetru...*" (III, с. 256);

("Сиротливое деревце стонало на ветру...") (IV, с. 43);

"...*niski crni trnovi ukraj drumova odmaraju se od duga puta ...*" (III, с. 257);

("... низкие кусты черного терновника по обочинам дорог, словно люди, отдыхали после долгого пути...") (IV, с. 43) и т. п.

Далеко не случайно то, что и в прямой речи персонажей Чопича встречаются метафоры, выраженные чаще всего разговорной лексикой. Пользуясь этим приемом, писатель, с одной стороны, динамизирует повествование, а с другой - создает внутренний образ героев:

"-*Mora biti da je ovo danas mjesečeva mijena, dok se naš Nidžo ovako naoblačio, - kreveljio se ... Tanasije Bulj...*" (II, с. 90)

(" - Не иначе, как новолуние сейчас, потому и наш Ниджо туча тучей ходит, - подмаргивал ... Танасие Буль ...") (IV, с. 228);

"-*Još kakav govor, moj brate. Naoštrio sam se da su mi riječi vrcale sve ko varnice.*" (II, с. 73);

(" - Еще какую речь, брат ты мой! так распалился, что слова из меня, как искры, сыпались. ")

Югославский писатель, как и Паустовский, не ограничива-

ется олицетворением реальных понятий, он олицетворяет также и отвлеченные понятия. Покажем это на следующих примерах :

"*A noć sa sviju strana navaljuje i primakla se već sasvim blizu...*" (III, с. 222);

("Ночь наступает со всех сторон, уже схватила костер тесным кольцом...")(IV с. 34);

"*...misao je ...uzalud pokušavala da se pokrene i okrilati, tonula je uvijek ponovo natrag* (III, с. 207)

("...мысль с трудом пыталась стронуться с места и взмахнуть крыльями, она каждый раз оседала назад...") (IV, с. 22) и др.

В отличие от Паустовского, для Чопича не характерно употребление флоризмов в целях отражения переживаний своих героев. На такие контекстуальные требования он еще раз отвечает опредмечиванием, на этот раз чувств. Примеры:

"*Još ti u srcu kljuca tuga za dolinom...*" (II, с. 160);

("Сердце мое еще щемит тоска по нашей долине...")(IV, с. 332);

"*...ničeg nema ... osim tuge što se lagano i teško penje uz grudi ...*" (III, с. 390);

("... нет ничего, кроме ... Тоски, она медленно и тяжело поднимается в груди ...")(IV, с. 67);

"*...kapao je u njemu nijem bol...*" (III, с. 373);

("... грудь его разрывала немая боль...")(IV, с. 64) и т. п.

Стиль Бранко Чопича гораздо в большей мере, чем стиль Паустовского характеризует интенциональное употребление зоологизмов, присущих главным образом авторской речи. Вот некоторые примеры:

"*...odnekud izbliza, ..., zameketa ženski glas.*" (II, с. 55);

("... вдруг вблизи, ..., проверещал женский голос. (IV, с. 197);

"*-Eto ti vidi kako ti pogodi!- zagrguta djevojka ...*"(II, с. 56);

("- Вот это угадал!- заворковала девчонка ...") (IV, с. 198) и др.

Поскольку вышеназванный прием служит для характеристики героев с авторской точки зрения, зоологизмы очень редко встречаются в прямой речи персонажей:

"*-A bojiš li se ti, čiko, tenkova...? - Pa, ovaj, gadno ga je vidjeti kad počne da rže.*" (II, с. 86);

("- А ты, дяденька, боишься танков ...?)

- Да как сказать, неприятно на него глядеть, когда полезет в гору ...") (IV, с. 224).

Глаголы движения и у Чопича очень часто выступают в роли метафорических центров. Еще раз подчеркнем, что это объясняется способностью этой группы глаголов вступать в самые различные синтаксическо-стилистические отношения как в русском, так и в сербскохорватском языке. Например:

"...skromni klen bježao je prema okrajcima ..." (III, с. 255);

("... скромный клен убежал на опушки ...") (IV, с. 42);

"...desetar je, sav u radosnoj šumskoj pjeni, zaplovio preko ozele-
lenjele visoravni." (II, с. 35);

("... отделенный, купаясь в шумной пене радости, пу-
стился по зеленоющему плоскогорью.") (IV, с. 181) и др.

Доминирующие значения субституирующихся понятий в приемах метафоризации для Чопича играют не всегда ограничительную роль. Вспомним, что Паустовский свою метафору строит в подавляющем большинстве случаев именно на базе перемещения центральных значений из сферы одного в сферу другого понятия. Поэтому закат, как мы уже отметили, для него интересен красками. Чопич же, с другой стороны, в качестве главных иногда выделяет некоторые второстепенные свойства определенного понятия и на их основе создает метафору. Таким образом, сумерки у этого писателя интересны не своим колоритом, а какой-то другой особенностью:

"Suton je mijenjao i rastapao sve oblike." (III, с. 352);

("Сумерки изменили и стерли очертания предме-
тов.") (IV, с. 58).

Не менее интересны и другие примеры:

"Medu bregovima ... tišina se slila u duboko jezero." (II, с. 304);

("... с окрестных гор, будто в голубое озеро, сливается
тишина.") (IV, с. 358);

"...tišina pred njim se rastupljuje i raste ..." (II, с. 288);

("... тишина перед ним растекалась и росла ...") (IV, с. 349)
и т. п.

Следует попутно отметить, что в последнем примере чувствуется и своего рода синестетическая замена свойств метафоризованного явления. Этот прием в одинаковой мере и экспрессивен, и редок в произведениях Чопича, и он несомненно ведет к созданию "эффекта обманутого ожидания", служащего как раз основой для реализации эстетического начала метафоры в более широком понимании.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что в стилистических приемах метафоризации, присущих произведениям двух сравниваемых писателей, мы находим значительно больше сходств, чем различий. Само собой разумеется, что эти сходства у них сводятся лишь к общим чертам в приемах опредмечивания и олицетворения реальных и абстрактных понятий, в сознательном употреблении глаголов движения в метафорическом значении, с целью достижения динамизма повествования, в некоторых отступлениях от принципа метафоризации на базе доминирующего качества какого-либо предмета и т. д.

Примечание:

Считаем нелишним отметить, что русский перевод рассказов Бранко Чопича местами страдает неточностями, вследствие чего метафоры в них просто исчезли. Во всех таких случаях переводчикам следовало бы делать дословный перевод, ибо только так, на наш взгляд, можно добиться наиболее точной передачи авторских мыслей и образов.

ИСТОЧНИКИ

I Паустовский К. Г. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 3. - Москва, Художественная литература, 1982.

II Ćopić Branko. SKNiN BiH u 50 knjiga. Svjetlost, Sarajevo, 1984/1985.

III Ćopić Branko. Sabrana djela. Knjiga prva. - Prosveta, Beograd, 1964.

IV Чопич Бранко. Избранное. Т.1. - Москва, Художественная литература, 1982.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bugarski Ranko. Metafore i modeli u lingvistici. - U: Jezik i lingvistika, Beograd, Nolit, 1972.*

2. *Долгов Ю. С. Художественно-изобразительные средства К. Г. Паустовского. - Русская речь, 4/1974, с. 64-67.*

3. *Lešić Zdenko. Jezik i književno djelo. - Sarajevo, Svjetlost, 1982.*

4. Metafora, figure i značenja. - Beograd, Prosveta, 1986.
5. Никитин М. В. *О семантике метафоры*. - Вопросы языкознания, 1/1979.
6. Corac Milorad. *Stilistika srpskohrvatskog književnog jezika*. - Beograd, Naučna knjiga, 1974.
7. Fran Petre - Škreb Zdenko. *Uvod u književnost*. - Zagreb, Znanje, 1969.

GLAGOLSKA METAFORA U KNJIŽEVNO-UMJETNIČKIM POSTUPCIMA K. G. PAUSTOVSKOG I B. ČOPIĆA

Safet Kešo

U ovom članku razmatra se uloga glagolske metafore u najtipičnijim književno-umjetničkim postupcima dvojice pisaca. Na materijalu pripovjedaka B. Čopića i K. G. Paustovskog podvlače se neke sličnosti i razlike na planu funkcionalne raznovrsnosti intencionalno upotrijebljene metafore. U praktičkom pristupu temi posredno se prepliću elementi dviju najvažnijih teorija metafore ("logičke" i "semantičke"). Glavni dio analize pokazuje da su skoro sve sličnosti u postupcima metaforizacije kod dvojice pomenutih pisaca u većoj mjeri neposredno uslovljene osnovnim mehanizmima funkcionisanja metafore uopšte.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ РУССКОГО И СЕРБОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКОВ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Ядранка Тошович

0.0. В обоих языках сослагательное наклонение (далее СН) служит для указания на различные отношения говорящего к действию: во-первых, действие может выражаться как гипотетическое, ирреальное, во-вторых, оно может восприниматься как возможное, желательное или необходимое.

В общем, при помощи СН выражается возможность, желательность или необходимость действия с точки зрения говорящего. Так как речь идет о предположении, необходимо сказать, что СН выражает *гипотетическую возможность, желательность или необходимость*. Общее, инвариантное значение СН - это *значение гипотетичности*. Поэтому СН можно назвать гипотетической формой. При ее помощи передаются явления, реально не существующие, но возможные или желаемые.

СН употребляется как в простых, так и в сложных предложениях.

0.1. СН русского и сербохорватского языков выступают в двух основных значениях: 1) предположительном или потенциальном, 2) оптативном или желательном.

Потенциальное подразумевает значение возможности действия при определенных обстоятельствах, а *оптативное* - значение желания, намерения, решения, совета, просьбы, требования, долженствования. В первом случае говорящий выражает отношение к действию как не к реальному факту, а только предполагаемому.

СН широко употребляется в однокомпонентных и двухкомпонентных предложениях: повествовательных, вопросительных, побудительных.

1.0. В обоих языках СН используется во всех типах **вопросительных предложений** - **общевопросительных**¹, **частновопросительных**² и в предложениях с **альтернативным вопросом**³.

В исследуемом нами материале обоих языков явно преобладают частновопросительные предложения с формой СН.

1.1. СН в **общевопросительных предложениях**. Сюда относятся предложения типа:

- Говорили, погиб ты...
- А ты бы рада была? ТД-III 74
- Govorilo se da si poginuo...
- A to bi ti volela? ŠT-II, 67

1.2. СН в **частновопросительных предложениях**. Это предложения типа:

- Чего б я туда пошел? ТД-III 252
- Što bih ja išao tamo? Bab-III 261

1.3. СН в **предложениях с альтернативным вопросом**. Это предложения типа:

- Ты бы молчала или говорила бы?(Наш пример)
- Da li bi ćutala ili bi govorila?

1.4. Так как русский и сербохорватский языки являются близкородственными, часто во всех типах вопросительных предложений форме СН одного языка соответствует форма СН другого языка.

1.5. К **полному совпадению форм СН** двух языков относятся многие **вопросительные предложения**, а именно:

1) **общевопросительные предложения**

- Говорили, погиб ты...
- А ты бы рада была? ТД-III 74
- Govorilo se da si poginuo...

-
- 1 Предложения, в которых говорящий стремится получить сведения в целом о всей ситуации и на которые в качестве ответа выступает да или нет.
 - 2 Предложения, которые "закljučают в себе вопрос, направленный на выяснение отдельных сторон какой-л. ситуации в целом, если говорящему известно о ее существовании" (*Краткая русская грамматика*, 1988, с. 464).
 - 3 Предложения, которые предполагают в ответе выбор одной из двух или нескольких возможностей.

- A to bi ti volela? ŠT-II, 67

2) частновопросительные предложения

- Что бы это могло быть? ТД-III 382

- Šta bi to moglo biti? ŠT-II, 348

- Šta bi to moglo biti? Bab-III 392

2) предложения с альтернативным вопросом

- Ты бы молчала или говорила бы?

- Da li bi ćutala ili bi govorila?

1.6. Однако очень часто в русском и сербохорватском языках СН функционирует по-разному. Такие случаи назовем СН-межъязыковой ассиметрией.

1.7. Эта ассиметрия сводится к следующему: а) в русском языке употребляется СН, а в сербохорватском оно отсутствует, б) в русском не используется СН, в сербохорватском используется.

Первый тип ассиметрии можно представить следующим способом:

X: +
Y: -

X - наличие СН в русском языке

Y - отсутствие СН в сербохорватском языке

Второй тип ассиметрии имеет следующий вид:

X: -
Y: +

X - отсутствие СН в русском языке

Y - наличие СН в сербохорватском языке

В первом типе ассиметрии в качестве эквивалента русско-му СН в сербохорватском тексте вместо СН употребляются различные сочетания.

Во втором типе ассиметрии в русском тексте вместо СН употребляются наречия, простое будущее время, безличные глаголы, частица же и различные сочетания.

а) СН в русском языке - настоящее время от глагола *jesam* + имя прилагательное в сербохорватском:

(...) зачем бы это он понадобился командиру полка? ТД-II 94

(...) što li je to on potreban komandantu puka? Mosk-I, 452

б) Краткое СН (без сегмента А) в русском - полная форма СН в сербохорватском:

"Кто бы это?" - подумал Мишка (...) ТД-II, 327

На сербохорватский язык невозможно перевести "Ко бы то?", и поэтому оба переводчика употребили полную форму

СН:

"Ko bi to **moġao** biti?" - pomisli Miška (...) Mosk-I, 662

"Ko bi ono **moġao** biti?" - pomisli Miška (...) Bab-II 341

в) Простое будущее время в русском -

СН в сербохорватском:

Лодыри с какого же пятерика **пойдут**? ТД-III, 241

- Может, **пойдем** дальше? ТД-II, 699

- **Moġda bi trebalo da idemo dalje?** Mosk-I, 699

- **Moġda bi trebalo da idemo dalje?** Bab-II 385

В качестве эквивалента в сербохорватском языке иногда может выступать и краткое СН, т. е. СН без Б элемента:

- Дура, ты, Аксинья, дура! Гутаришь, а послушать нечего.

Ну, куда я **пойду** от хозяйства? ТД-I, 58

- **Baš si ti, Aksinja, budala! Govoriš, a ništa pametno da čujem.**

Та куда **bih** ja od kuće? Mosk-I, 56

Такие случаи встречаются и в восклицательно-вопросительных предложениях:

"Уговорю! Нехай не женится. С кем же жизнь **свяжу!**?"

ТД-I, 78

"**Odvратићу ga! Neka se ne ženi. S kim **bih** inače **vezala** svoj**

život!" Mosk-I, 74

Иногда в русском языке используется простое будущее время, а в сербохорватском краткое СН (без сегмента А):

- Кому же теперь Ушчуп **отойдет**? - бесстрастным тоном спрашивает молодого чтеца один из стариков. АМ, 586

г) Безличный глагол в русском - СН в сербохорватском:

- И не **хочется** тебе?

- А тебе, видно, **хочется**? ТД-I, 359

- I ne bi **htela**?

- A ti bi, vidiš, **htela**? Mosk-I, 338

- I ne bi **htela**?

- A ti bi, vidi se, **htela!** ŠT-I, 390

Здесь в принципе переводчики могли следовать оригиналу и перевести следующим способом:

- A ti ne **želiš**?

- A ti, očito, **želiš**?

Однако такой перевод был бы уместным только в том случае, если бы в подлиннике была использована личная форма глагола:

- И ты не **хочешь**?

- А ты, видно, **хочешь**?

д) Наречие в русском - СН в сербохорватском:

- Обломались, **никак**? ТД-I, 155

- **Rekao bih da ste slomili saonice?** Mosk-I, 145

Оттенок неуверенности в сербохорватском языке выражается при помощи СН:

Неужели знает? Ну, глупости! **Откуда?** ТД-I, 397-398

Da li već zna? Eh, gluposti! **Otkud bi znao?** Mosk-I, 372

Je li moguće da zna? E, gluposti! **Otkud bi znao?** Bab-I 427

И в сербохорватском языке в принципе можно было бы использовать наречие:

Nije valjda da zna? E, gluposti! **Otkud?**

Однако лучше использовать СН.

Наречие может соответствовать русскому СН при переводе следующего предложения:

Петро шагал, глядя на свои сапоги, забрызганные охровой глинистой грязью, и раздумывая: зачем бы это он **понадобился** командиру полка? ТД-II 94

Вместо:

(...) **što li je to on potreban komandantu puka?** Mosk-I, 452

можно было перевести:

(...) **što li bi to on bio potreban komandantu puka?**

е) Частица **же** в русском - краткое СН (без сегмента А) в сербохорватском;

Стал-быть, Гришка через это и ушел из дому?

- А то через чего ж? ТД-I, 207

Znači, Griška je zato i pobegao od kuće?

- Ja zbog čega bi drugog? Mosk-I, 194

ж) Различные сочетания (без СН) в русском - СН в сербохорватском:

- Нет, бог грехами терпит покуда. А с чего она будет - нездоровье. ТД-III, 25

Ne, bog zasad podnosi moje grehe. A otkud **bih i bio** bolestan? ŠT-II, 229

Здесь не только в русском тексте отсутствует СН, но и вопросительное предложение превращается в утвердительное.

1.8. Бывают случаи, когда в двух переводах одного и того же русского предложения находятся различные решения на сербохорватском языке: в одном используется СН, в другом оно пропускается.

Например, русское предложение без СН:

Может, **назначим** две или три переплани без всяких охот? ТД-II, 341

Один переводчик передает на сербохорватский язык, используя СН:

Možda bi dobro bilo da odredimo dva ili tri popisa bez ikakvih dobrovoljaca? Mosk-I 675

Второй же употребляет конструкцию *da* + презент:

Da popišemo, možda, dva ili tri godišta i ne tražimo nikakve dobrovoljce? Bab-II 356

Подобную ситуацию наблюдаем в следующем случае:

- Сам-ка я блинчиков достану? ТД-I, 233

- Kako bi bilo da ti donesem palačnaka? Mosk-I, 219

- Da ti donesem palačinke? Bab-I 254

Первый способ перевода формально близок к подлиннику, но второй более точно передает смысл оригинала.

1.9. Приведенные примеры показывают, что несовпадения в функционировании СН в вопросительных предложениях двух языков чаще всего возникают при выражении следующих значений:

1) *боязни*:

Не услышал бы нас кто-нибудь, игемон? Маст 40

Da nas nije neko čuo, hegemon? Majs 40

2) *неуверенности*:

- Обломались, никак? ТД-I, 155

- Rekao bih da ste slomili saonice? Mosk-I, 145

3) *предложения*:

Может, назначим две али три переписи без всяких охотов? ТД-II, 341

Možda bi dobro bilo da odredimo dva ili tri popisa bez ikakvih dobrovoljaca? Mosk-I 675

Да напишемо, можда, два или три годишта и не тражимо никакве добровољце? Баб-II 356

4) *мягкой просьбы*:

А чай пить будете? Хозяюшка, вы бы нам самоварчик, а? ТД-III 99

A hoćete li piti čaj? Domaćice draga, kad biste nam zakuvali samovar, а? Bab-III 103

5) *удивления*:

- Хм!.. Лодыри с какого же пятерика пойдут? ТД-III, 241

- Hm!... Zašto bi se lenštine bunile? ŠT-II, 219

- Нет, бог грехами терпит покуда. А с чего оно будет - нездоровье? ТД-III, 252

- Ne, bog zasad podnosi moje grehe. A otkud bih i bio bolestan? ŠT-II, 229

1.10. Иногда в сербохорватском языке форма СН не в состоянии передать значение желания, и поэтому оно употребляется в сочетании с союзом *kad*(а).

- А так, случаем позвала бы? ТД-II 308
- Pa slučajno, kad bi pozvala? Mosk-I, 645

В некоторых случаях при переводах неоправданно вопросительные предложения превращаются в восклицательно-вопросительные предложения. И наоборот. Второй случай наблюдается в следующем примере:

- Э, да у вас, гражданин, червонцев-то куры не клюют. Ты бы со мной поделился! А? Маст 206
- Gradjanine, vama novce kokoši nose! ... Ne bi li ih podijelio sa mnom, ha? Majs 226

При переводах также возникают случаи, когда вопросительные предложения превращаются в утвердительные. Например:

- Ama kako bi bilo da to s krštenjem svršimo? - prekide otac. AĆ, 370
- Постой, а может, все-таки с крещением дело кончим, - прерывал тост родитель. AM, 651

Можно привести и противоположные ситуации - когда утвердительные предложения при переводе превращаются в вопросительные.

- Ваши мужья у нас тоже, небось, брали бы. ТД-III 93
- Valjda vaši muževi ne bi od nas uzimali? ST-II, 84

О неоправданности такого приема свидетельствует сам факт, что второй переводчик смог обойтись без такой трансформации:

- Vaši muževi sigurno bi od nas uzimali. Bab-III 96

2.0. В невопросительных предложениях СН выступает в различных значениях. При помощи СН можно выразить просьбу, желание, совет, условие, предположение, необходимость, возможность, побуждение, приказание, требование, долженствование, неудовольствие, негодование, возмущение, досаду, злость, ненависть, отвращение, страх, сожаление, смущение, скуку, удовольствие, восхищение, упрек, одобрение, недоумение, иронию и т. д. Все эти значения образуют три большие группы: 1) оптативное или желательное значение, 2) условное значение и 3) значение необходимости и долженствования. Здесь рассмотрим только первую.

3.0. По мнению некоторых исследователей, желательное значение является основным значением СН (Лебедева 1963; 190). При этом подчеркивается, что формы СН, так же как конструкции с глаголами *хотеть* и *хотеться*, являются главным

средством выражения желательности. "Формы сослагательно-го (условного) наклонения обычно выступают в языке при выражении желания" (ГАН, I, 1960; 501).

Оптативное значение СН может выразить самостоятельно или в связи с отдельными союзами и частицами, нпр., *если, когда, коли, ежели, хотя, хоть, лишь, только*.

Употребление форм СН в таком значении называется в некоторых исследованиях желательным наклонением (ГАН, 1970; 580). "Форма желательного наклонения обозначает эмоционально окрашенную отвлеченность к какой-то действительности, причем эта действительность может мыслиться отнесенной как в будущее, так и в настоящее или прошлое" (ГАН, 1970; 579).

3.1. Основное несоответствие в функционировании оптативного значения в русском и сербохорватском языках состоит в том, что в сербохорватском языке не используется конструкция *инфинитив + частица бы (bi)*, которая в русском языке является "наиболее типичным выражением желания" (Гвоздев 1965; 190). Ее соответствием в сербохорватском языке могут быть разные формы и конструкции.

Во-первых, в сербохорватском языке можно использовать обычную форму СН:

- Вот бы, Григорь Пантелевич, подвалить дикого гусака. То-то вокруг него мы бы самогону выпили! ТД-III 281
- E, kad bi ulovili gusana, Grigorije Panteljeviću. Što bismo se uz njega napili votke! Bab-III 291

Во-вторых, эквивалентом в сербохорватском языке может быть сочетание СН + инфинитив:

- "Эх, сладко бы с ней позоревать... А то рыбалить... Сиди там, коченей..." - неясно думал он, вдыхая запах спальни. ТД-I 121
- "Eh, slatko bi bilo s njom spavati... Kakvo hvatanje ribe... Sedi tamo i mrzni se" - misliuo je on nejasno, udišuci miris spavaće sobe. Mosk-I, 114

В данном случае более адекватным переводом является расширенная конструкция, которую находим в переводе Бабовича:

- "Eh, slatko bi bilo sa njom pred zorom odspavati... Bab-I 136

В-третьих, в качестве соответствия русскому сочетанию инфинитив + *бы* в сербохорватском языке выступает сочетание СН + *да* + настоящее время:

- Мне **бы** на часок, ваше благородие, сказать вам... ТД-I, 170

- *Ja bih, vaše blagorodstvo, časom hteo nešto da vam kažem...* Mosk-I, 160

В-четвертых, в качестве соответствия выступает конструкция **da** + настоящее время:

Ой, много крови из меня вышло.. Лишь **бы** до утра дожить... ТД-IV 164

Oh, mnogo je krvi iz mene isteklo... Samo da dočekam jutro... Bab-IV 165

В-пятых, корреспондентом может являться расширенная конструкция **da** + настоящее время:

- Эх, догнать **ба**... ТД-I, 141

- *Eh, da nam je da ih stignemo...* Stepu ne mogu zapaliti. Mosk-I, 133

Конструкция "инфинитив + **бы**" вызывает затруднения при переводе на сербохорватский язык своей краткостью. Так как в сербохорватском языке нельзя использовать такую конструкцию, необходимо употребить избыточную конструкцию, которая иногда состоит из пяти и более слов. Напр.:

- В баньке **попариться** не плохо **бы**. ТД-II, 8

- *Ne bi bilo loše da se čovek ispari u kupatilu.* Mosk-I, 76

- *Ne bi bilo loše da čovek u kupatilu posedi u pari i okupa se.* Bab-II 8

В переводе Бабовича русской конструкции, состоящей из двух слов (**попариться бы**), соответствует конструкция, в которой находится уже несколько слов. Проблема перевода таких конструкций особенно наглядна в поэзии, которая отличается лаконичностью изложения.

В-шестых, в сербохорватском языке конструкция **da** + настоящее время может расширяться при помощи глагола *treba*ti:

Нам лишь **бы** до Каргиновской **добраться**, там и заночуем. ТД-ИВ 250

Treba nam samo da stignemo do Karginske, a tamo ćemo zanočiti. Bab-IV 253

Наконец, сербохорватская конструкция может иметь удвоенное **da**:

Зажилась я, хватит... Только **бы** дождаться Гришеньку... ТД-ИВ 323

Naživela sam se dosta... Da mi je samo da dočekam Grišenjk... Bab-IV 328

3.2. Таким образом, русская конструкция **бы** + инфинитив

вызывает серьезные затруднения при ее переводе на сербохорватский язык. Ее эквивалентами являются:

- 1) СН
- 2) сочетание СН + инфинитив,
- 3) сочетание СН + *da* + настоящее время,
- 4) конструкция *da* + настоящее время,
- 5) расширенная конструкция *da* + настоящее время,
- 6) сочетание частица или наречие + СН,
- 7) конструкция *da* + настоящее время + глагол *trebati*
- 8) конструкция с удвоенным *da*.

3.3. Наряду с этим в русском и сербохорватском языках часто нет никаких особых отличий при использовании СН для выражения желания. Ср.:

- Степан, слово бы сказать хотел. ТД-I, 54
- Stepane, hteo bih da ti kažem jednu reč. 52
- Stepane, hteo bih da ti nešto kažem. Vab-I 66

Иногда вместо частицы *би* в русском языке употребляется диалектная частица *ба*:

- С сырцом *ба* ее хрумкнул... ТД-I, 280
- Sa sirom bih je smazaо... Mosk-I, 263
- Sa sirom bi je skrckaо... Vab-I 305

Часто форма СН используется с предшествующей какой-нибудь частицей: - *чуть* (кад), *хотя* (кад), *хоть* (кад), диал. *хучь*, *зараз* (*баш*) и др. Например :

- А *зараз бы* выпил. ТД-II, 256
- Е *баš* bih se napiо. Mosk-I, 599

3.4. О том, чем в русском языке инфинитив с частицей *бы* отличается от условного наклонения, писал Гвоздев: "Различие между этими оборотами в том, что инфинитив с частицей *бы* выражает более активное, целеустремленное желание, а условное наклонение - не столько желание, сколько смутное влечение, связанное с возникшим представлением, картиной: *Посидеть бы на берегу моря* свидетельствует о некотором стремлении, а *Я посидел бы на берегу моря* говорит больше о привлекательности развернувшегося образа, волевой элемент в этом случае очень незначителен или сведен на нет. По-видимому, с этим связано то, что, когда речь идет о желаниях, к осуществлению которых говорящий действительно стремится, возможен только первый оборот: *Закончить бы работу на этой неделе!* (невозможно: "Я закончил бы работу на этой неделе"); *Стать бы летчиком!*" (Гвоздев 1965; 190).

Различие в употреблении условного наклонения состоит в том, что в сербохорватском языке вместо СН встречается другая форма. Это может быть:

1. а) только СН:

- Угадал. Степь приснилась. Так замутило на душе...
Дома **побывал бы**. Осточертела царева службица. ТД-II 51
- Pogodio si. Stepu sam sanjao. Tako mi je teško na duši... Hteo bih kući. Dojadila mi je služba kod cara. Vab-II 54

б) СН + конструкция **da** + настоящее время:

- Pogodio si. Sanjao sam stepu. Tako mi je teško na duši. Hteo bih **da idem** malo kući. Dojadila mi je služba kod cara. Mosk-I, 414

2. а) конструкция **da** + настоящее время от вспомогательного глагола **jesam**:

И мужа и все кину, лишь **бы ты был**. ТД-I 58
I muža i sve ću ostaviti, samo **da si ti sa mnom**...

б) конструкция **da** + настоящее время глагола полного лексического значения:

"Только **бы** не на ихних глазах **убили!** И... поскорее..."
ТД-III 352

"Samo **da** me ne **ubiju** na njihove oči. I... što pre..." Vab-III 363

в) **da**... + **da** + настоящее время:

- Девку **бы** зараз пошшупал, эх! ТД-I, 246
- Eh, **da mi je da** ripnem devojku! Mosk-I, 232

г) СН глагола **trebati** + конструкция **da** + настоящее время:

Ого, внуки, брат, герои! Гостинца **бы** послал. ТД-III 93

- A, unuci su, brajko, pravi junaci. **Trebalo bi da im pošlješ poklon.** ŠT-II, 83

Такой перевод не является полностью адекватным, так как в нем стирается опативное значение, а на первый план выступает значение необходимости.

3.5. Бывают случаи, когда сербохорватскому языку свойственно употребление СН, а в русском языке используются другие формы:

- Kad bi svi bili ovakvi! Evo kako treba braniti tihi Don! Vab-III 130

- Кабы все такие были! Вот как надо тихий Дон оборонять!
ТД-III, 125

3.6. Несовпадение между двумя языками особенно отчетливо проявляется в употреблении СН от **безличных глаголов**.

В ряде случаев в сербохорватском языке нет соответствующей

шего возвратного глагола, и СН образуется от невозвратного глагола. При этом, конечно, теряются определенные оттенки значений:

- По своим наскучал?
- Хотелось бы проведать. ТД-ИВ 420
- Uželio si se svojih?
- Hteo bih da ih obidem. ŠT-II, 766
- Jesi li se zaželeo svojih?
- Voleo bih da ih posetim. Bab-IV 426

СН сербохорватского языка могут соответствовать в русском формы настоящего времени безличного глагола:

- Мне очень хочется посидеть у огня, поспать в теплой комнате, переменить белье... ТД-ИВ, 444
- Tako bih želeo da posedim pored vatre, da spravam u toploj sobi, da se presvučem... ŠT-II, 787

Так как в русском языке наблюдается стилистическое различие в употреблении форм типа **я бы хотел** и **мне хочется** (в конструкции **мне хочется** желание выражается мягче и менее решительно), в сербохорватском, в котором существует только первая возможность (**htio bih** или **želio bih**), стилистический оттенок мягкости и некатегорической решительности трудно да и невозможно сохранить и передать.

В связи с этим несомненный интерес могут представлять сербохорватские соответствия тем русским предложениям, которые приводит Т. Ф. Лебедева в своей работе (Лебедева 1963; 192):

1. Я **хочу** прочитать интересную книгу.
Ja **hoću** (želim) da pročitam (pročitati)
interesantnu knjigu.
2. Мне **хочется** прочитать интересную книгу.
Htio bih (želio bih) da pročitam (pročitati)
interesantnu knjigu.
3. Я **хотел бы** прочитать интересную книгу.
Htio bih (želio bih) da pročitam (pročitati)
interesantnu knjigu.
4. **Прочитать бы** интересную книгу.
Da mi je da pročitam (pročitati)
interesantnu knjigu.
5. Эх, **прочитал бы** я интересную книгу!
Eh, da mi je da pročitam (pročitati)
interesantnu knjigu.

Разницу между этими предложениями Лебедева толкует следующим образом:

"Между приведенными предложениями имеются тонкие стилистические различия. В первом предложении желание выражается наиболее просто и определенно; нередко за таким высказыванием следует действие, необходимое для исполнения этого желания:

- Что ты сейчас будешь делать?

- Хочу пойти в кино. Хочу прочитать новый журнал и т. п.

Во втором предложении желание выражается мягче и менее решительно, мысль о его исполнении может отсутствовать:

- Мне хочется пойти в кино. Мне хочется покататься на лодке.

Третья конструкция является принадлежностью книжной речи, она часто выражает желание, переходящее в просьбу:

Я хотел бы уйти. Я хотел бы купить конверт.

Две последние конструкции свойственны разговорной речи. От предыдущих они отличаются большей экспрессивностью и эмоциональностью и обычно имеют характер восклицательных предложений. Различие между ними состоит в том, что форма *инфинитив + бы* выражает более активное, целеустремленное желание, а форма *на л + бы* выражает "не столько желание, сколько смутное влечение, связанное с возникшим представлением, картиной". (Лебедева 1963; 192). В ГАН указывается на следующее: "Обычны формы сослагательного наклонения и при выражении учтвого пожелания; исполнение пожелания в этом случае предоставляется свободному решению собеседника, и потому само пожелание квалифицируется только как предполагаемое, напр. *я просил бы вас зайти ко мне, мне хотелось бы побеседовать с вами.*" (ГАН, 1960, т. 1, 501). Подчеркивается, что смысловое различие между повелительным и сослагательным наклонением при выражении желания почти стирается. "Чрезвычайно близкими, почти тождественными, являются выражения: *съешь-ка жаркого и съел бы ты жаркого; поспи ты часок и поспал бы ты часок*" (ГАН, с. 501).

В сербохорватском языке в соответствии с указанными конструкциями имеем следующие возможности:

1. Ja hoću (želim) da pročitam (pročitati) interesantnu knjigu.
2. Htio bih (želio bih) da pročitam (pročitati) interesantnu knjigu.
3. Htio bih (želio bih) da pročitam (pročitati)

interessantnu knjigu.

4. **Da mi je da pročitam (pročitati)**
interessantnu knjigu.

5. **Eh, da mi je da pročitam (pročitati)**
interessantnu knjigu.

Если все это объединим, то получим только три возможности:

1. **Ja hoću (želim) da pročitam (pročitati)**
interessantnu knjigu.

2. **Htio bih (želio bih) da pročitam (pročitati)**
interessantnu knjigu.

4. **Da mi je da pročitam (pročitati)**
interessantnu knjigu.

Но сербохорватский язык органические возможности в использовании СН для выражения желания возмещает на другом уровне - лексическом:

5. **Da je pročitati** interessantnu knjigu.

6. **Želja me vuče da pročitam** interessantnu knjigu.

Vuče me želja da pročitam interessantnu knjigu.

7. **Žudim za** interessantnom knjigom.

8. **Gorim od želje da pročitam** interessantnu knjigu.

9. **Čeznem za** interessantnom knjigom.

10. **Prohtjelo mi se da pročitam** interessantnu knjigu.

Поэтому некоторые из них можно использовать для того, чтобы сохранить стилистические оттенки приведенных русских предложений.

В обоих языках существует возможность выйти за рамки данного варьирования и использовать вместо глагола *хотеть - htjeti (željeti - желети)* существительное *желание - želja*:

Imam želju da pročitam interessantnu knjigu.

У меня есть желание прочитать интересную книгу.

Что касается русского языка, желательность действия можно передать и сочетанием *если + СН*, которое отличается "большой экспрессивностью, соединенной с обозначением интенсивности желания и трудности его достижения" (Гвоздев 1965; 190).

Если бы снять с груди и плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое... (Чехов, Вишневы сад);
Эх, если бы я мог написать книгу! (Горький) - Гвоздев 1965; 190.

На сербохорватском языке это можно было бы выразить следующим образом:

Da mi je skinuti sa svojih grudi i leđa težak kamen, kad bih mogla zaboraviti svoju prošlost. Eh, kad bih mogao napisati knjigu.

Введением модального слова *можно*, считает Гвоздев, особенно подчеркивается трудность исполнения желания:

Понимаешь, если бы можно было прожить остаток жизни как-нибудь по-новому. (Чехов, Дядя Ваня) - Гвоздев 1965: 190.

В сербохорватском языке этот оттенок не трудно передать: Shvataš, kad bi se mogao proživjeti ostatak života nekako na nov način.

Гвоздев указывает и на сочетание *хорошо + бы + инфинитив*: "Модальное выражение *хорошо бы* с инфинитивом глагола подчеркивает положительную оценку желания говорящим". Он приводит такие примеры:

Хорошо бы навестить родные места; *Хорошо бы* достичь полной успеваемости.

В сербохорватском языке такая возможность тоже существует:

Dobro bi bilo posjetiti (da se posjeti) rodni kraj;
Dobro bi bilo postići (da se postigne) potpuna prolaznost.

3.7. Наконец, надо сказать, что и краткие формы СН русского и сербохорватского языков можно использовать для выражения желательности действия.⁴ При этом наблюдаются две возможности:

а) в обоих языках появляется краткая форма СН:

- Ох!.. Гриша, за-пря-ги! Домой *бы*... Ну, как я тут? ТД-I, 214

- Oh!... Griša, upre-e-gni! Kući *bih*. Kako ću ovde? Bab-I 234

б) в сербохорватском языке встречается *bi* (*бы*), а в русском различные частицы, напр., *хучь*:

"Эх, тетуня! Ды *хучь* разок!" 386 Моск-I, 750

"Eh, spašo! Kad *bi* bar jedanput!" ST-II, 353

в) в русском языке появляется краткая форма СН, а в сербо-

4 В Грамматике Академии наук 1960 года это рассматривается как отсутствие глагола: "Предложения со значением пожелания могут и не заключать в себе глагола, напр. *еще бы тарелочку; мне довольно бы и этой суммы*. Такие способы желательности выходят за пределы глагола, сохраняя, однако, обязательно свой существенный признак - частицу *бы*" (ГАН, 1960, т. 1, 502). Мы считаем, что это можно рассматривать как усеченную глагольную форму, которую называем кратким СН.

хорватском языке конструкция *da* + настоящее время вспомогательного глагола *jesam*:

Хучь под скотину я с тобой, Гриша... Лишь бы с тобой...

ТД-I, 168

- *Makar i stoku da čuvamo, ja ću s tobom, Griša... Samo da sam s tobom...* Mosk-I, 158

г) в русском языке появляется краткая форма СН, а в сербохорватском полная форма СН:

- Мне бы до зрителя. ТД-III, 32

- *Hteo bih do upravnika.* ŠT-II, 27

"Нам бы в станицу такого. ТД-II 366

Nama bi u stanici trebalo da imamo jednog takvog. Mosk-I, 698

Nama bi bio potreban u stanici takav. Bab-II 383

д) в русском языке используется безглагольное предложение, а в сербохорватском - краткая форма СН:

- Скупой поляк. За труды хучь бы по бутылке на гаврика пожаловал.

- Ого-го-го! Он за бутылку в алтаре... ТД-I, 280

- *Oho-ho-ho! On bi vina i u oltaru...* Mosk-I, 263

4. 0. Таким образом, в функционировании СН в простом предложении русского и сербохорватского языков наблюдаются различные формы совпадений и отличий. В настоящей работе сделана попытка указать на некоторые из них.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ТД-I Михаил Шолохов. *Тихий Дон*. Собрание сочинений в семи томах. Книга первая. - Молодая гвардия, Москва, 1956, 400 с.

ТД-II Михаил Шолохов. *Тихий Дон*. Собрание сочинений в семи томах. Книга вторая. - Молодая гвардия, Москва, 1956, 397 с.

ТД-III Михаил Шолохов. *Тихий Дон*. Собрание сочинений в семи томах. Книга третья. - Молодая гвардия, Москва, 1956, 430 с.

ТД-IV Михаил Шолохов. *Тихий Дон*. Собрание сочинений в семи томах. Книга четвертая. - Молодая гвардия, Москва, 1956, 493 с.

Mosk-I Mihail Šolohov. *Tihi Don*. Knjiga I. S ruskog preveo Miloš Moskovljević. - Svjetlost, Sarajevo, 1967, 723 s.

ŠT-II Mihail Šolohov. *Tihi Don*. Knjiga II. S ruskog preveo Miloš Moskovljević. - Svjetlost, Sarajevo, 1967, 828 s.

Bab-I Mihail Šolohov. *Tihi Don*. Knjiga I. S ruskog preveo Milosav Babović. - Rad, Beograd, 1989, 429 s.

Bab-II Mihail Šolohov. *Tihi Don*. Knjiga II. S ruskog preveo Milosav Babović. - Rad, Beograd, 1989, 429 s.

Bab-III Mihail Šolohov. *Tihi Don*. Knjiga III. S ruskog preveo Milosav Babović. - Rad, Beograd, 1989, 441 s.

Bab-IV Mihail Šolohov. *Tihi Don*. Knjiga IV. S ruskog preveo Milosav Babović. - Rad, Beograd, 1989, 429 s.

Маст Михаил Булгаков. *Мастер и Маргарита*. - Художественная литература, Москва, 1989, 383 с.

Majs Mihail Bulgakov. *Majstor i Margarita*. Prevela Vida Flaker. - SNL, Zagreb, 1988, 434 s.

AĆ Ivo Andrić. *Na Drini ćuprija*. - Savremena književnost Bosne i Hercegovine u 50 knjiga, knj. 2. Svjetlost, Sarajevo, 1984/85, 407 s.

АМ Иво Андрич. *Мост на Дрине*. - В: Иво Андрич, Травницкая хроника. Мост на Дрине. Перевод Т. Вирты. - Художественная литература, Москва, 1974, с. 381-666.

ЛИТЕРАТУРА

Гвоздев А. Н. *Очерки по стилистике русского языка*. Изд. 3-е. Просвещение, Москва, 1965, 408 с.

Грамматика русского языка (ГАН). - Наука, Москва, 1960. Том I - Фонетика и морфология, 719 с. Том II - Синтаксис, часть первая (702 стр.), часть вторая.

Краткая русская грамматика. - Наука, Москва, 1989.

Лебедева Г. Ф. *Изучение желательного значения формы сослагательного наклонения в простом предложении*. - Вопросы теории и методики преподавания русского языка иностранцам. - Изд-во МГУ, 1963, с. 189-208.

FUNKCIONISANJE KONDICIONALA RUSKOG I SRPSKOHRVATSKOG JEZIKA U PROSTOJ REČENICI

Jadranka Tošović

U radu se razmatra funkcionisanje kondicionala ruskog i srpskohrvatskog jezika u prostoј rečenicі. Analiza se sastoji od tri dijela: 1) funkcionisanje kondicionala u upitnim rečenicama, 2) funkcionisanje kondicionala u neupitnim rečenicama, 3) upotreba kondicionala u optativnom značenju.

II. СЛАВЯНО-ФИННО-УГОРСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ И СВЯЗИ

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ)

Э. П. Васильченко

Традиционная методика сопоставительных аспектологических исследований опирается на сравнительный анализ письменных текстов разной длины на русском и сравниваемых с ним языках. При таком подходе исследователь берет за основу закономерности русской видовой системы и невольно нацеливается на поиск в другом языке таких языковых средств, которые корреспондируют русскую видовую оппозицию. Как правило, такие аспектуально выраженные языковые средства обнаруживаются с достаточной легкостью даже в языках, в которых вообще отсутствует категория видов, однако они имеют весьма ограниченную область проявления. Основной же массив глаголов другого языка оказывается как бы "внеаспектуальным", т. е. равно соответствующим как русскому несовершенному, так и русскому совершенному видам. Основным недостатком сопоставления письменных текстов заключается в том, что он позволяет судить об аспектуальности в другом языке только по тем средствам, которые имеют формализованную выраженность (лексическую, морфологическую, синтаксическую), и, поскольку трактовка аспектуальной семантики обычно проводится исходя из русской видовой системы, отсутствующей в другом языке, то появляется опасность ложных выводов, не соответствующих внутреннему содержанию аспектуальности в неславянском языке. Чтобы избежать этих недостатков, нами был избран иной метод сопоставительного исследования: мы попытались прежде всего выявить, как осмысливают эстонцы характер протекания действия в своем родом языке. С этой целью нами был проведен психолингвистический эксперимент: информантам был предложен набор

карточек, на каждой из которых было написано предложение¹ на эстонском языке, глагол имел форму имперфекта, и дано задание: распределить эти карточки по группам в зависимости от того, как они осмысливают, воспринимают, представляют себе действие в данном предложении: как завершенное, незавершенное или же двойко - как завершенное и как незавершенное.² Затем мы распределили все глаголы по семантическим классам: акциональные - неакциональные; глаголы речи, глаголы чувств; конструктивные глаголы, квалификативные глаголы, глаголы со значением перемещения объекта в пространстве и под. и приступили ко второму этапу эксперимента - выявлению через определенную систему вопросов тех смыслов, которые определяют в эстонском языковом сознании различия между завершенным и незавершенным действием. Приведем для примера один из фрагментов проводившегося нами опроса с тем, чтобы продемонстрировать его технологию и тот объем сведений, который давал нам этот опрос.³

Информантам последовательно предлагались карточки с глаголом *klanima* - *клянчить* в предложениях с разным синтаксическим построением:

(1) *Jüri klanis jalgratast* (имперфект, объект выражен партиципом - незавершенное действие) - Юри клянчил велосипед.

(2) *Jüri klanis isalt endale jalgratast* (имперфект, объект выражен партитивом - незавершенное действие) - Юри клянчил у отца для себя (себе) велосипед.

(3) *Jüri klanis isalt endale jalgratta* (имперфект, объект вы-

1 В качестве материала исследования использовались предложения из книги Х. Рятсепа (Rätsep 1978), в которой автором описаны 380 структурных моделей простых предложений в эстонском языке с перечнем наиболее употребительных в каждой из моделей глаголов (всего более 3000 глаголов).

2 Первая реакция на данное задание у информантов всегда была негативной: эстонскому языку такое не свойственно, эстонцы не различают действия по их завершенности/ незавершенности. Однако, как показали дальнейшие перепроверки (через систему вопросов), наши информанты вполне успешно справились с заданием. Следовательно, в эстонском языковом сознании "хранятся" определенные признаки, позволяющие различать действия по характеру их протекания на линии времени, хотя они и не осознаются актуально.

3 Опрос проводился на эстонском языке.

ражен генитивом - завершённое действие) - Юри выклячил себе велосипед.

Экспериментатор (Э.): Можно ли в предложении 1 использовать форму генитива?

Информант (И.): Нельзя.

Э.: Почему?

И.: Не знаю. Но нельзя.

Э.: Что означает это предложение?

И.: Юри клячил в этот момент велосипед, но не получил его.

Э.: Вы точно знаете, что Юри так и не получил велосипед?

И.: Нет, в этот момент не получил, а что было потом - это неизвестно. (Здесь имеется в виду момент наблюдения, совпадающий с периодом действия: в момент наблюдения действие не было завершено, но оно продолжалось и после момента наблюдения и говорящему неизвестно, чем оно закончилось).

Э.: А если так: контакт между Юри и отцом закончился, Юри кончил клячить, но вам неизвестно, получил ли он велосипед.

И.: (подумав) Нет, так не может быть. Если понимать так, то надо использовать форму перфекта: *Jüri on klaninud jalgratast*.

Э.: И тогда действие будет завершённым?

И.: Да.

Э.: И Юри получил велосипед?

И.: Нет, это так: Юри когда-то в прошлом клячил велосипед, это было, случалось в прошлом, но велосипед он не получил.

Э.: А можно по этому предложению (в форме перфекта) судить о том, как долго или сколько раз Юри клячил велосипед?

И.: Нет, нельзя. Это могло быть долго и недолго, один раз или много раз.

Э.: Прочитайте и сравните предложения (2) и (3). Чем они отличаются?

И.: В (2) Юри не получил велосипед, а в (3) - получил.

Э.: В (2) вы точно знаете, что Юри не получил велосипед?

И.: Нет, может быть потом и получил, но говорящий этого не знает.

Э.: Изменим форму глагола в (3), употребим его в перфекте: "Jüri on klaninud isalt endalc jalgratta". Что обозначает это предложение?

И.: У Юри есть велосипед, он его выклянчил.

Э.: Значит, предложение (3) имеет одинаковый смысл в имперфекте и перфекте?

И.: (подумав) Нет, пожалуй. В имперфекте не обязательно, что у Юри был велосипед.

Э.: Значит, в имперфекте действие незавершенное?

И.: Нет, завершенное. Это надо понимать так: в этот момент у Юри был велосипед, но говорящий не знает, есть ли этот велосипед сейчас. А в перфекте - у Юри сейчас есть велосипед, он его имеет, он выклянчил.

Такие подробные обсуждения касались не всех глаголов, а только "представителей" определенного семантического класса, об остальных глаголах того же класса мы судили по аналогии (правда, иногда прибегая к помощи информантов, но по укороченной схеме).

Приведенный выше пример опроса информантов показывает, что он давал нам информацию, вполне достаточную для того, чтобы делать выводы о типах аспектуальных представлений эстонцев, о характере протекания действия на линии времени, а также для функционального сопоставления этих представлений с русской видовой системой.

В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением одного вопроса: отношение эстонских представлений о завершенности и незавершенности действия к категории предельности/непредельности (на материале глаголов речи, использованных в форме имперфекта). При этом мы имеем совершенно определенную сопутствующую цель: показать, что сопоставительный анализ письменных текстов не всегда позволяет делать адекватные реальному положению выводы. Поэтому мы сначала приведем те положения, которые считаются общепринятыми в эстонско-русской сопоставительной аспектологии:

1. Считается, что аспектуальность в эстонском языке ограничивается периферийными элементами, т.е. неглагольными лексическими и синтаксическими средствами.

2. Синтаксическим средством выражения аспектуальности является варьирование падежа дополнения при прямопереходных глаголах: партитивное дополнение употребляется, если действие является незавершенным, тотальное (форма генитива в ед. числе, форма номинатива во мн. числе) - если действие является завершенным. Варьирование падежа дополнения адекватно корреспондирует значения русских несо-

вершенного и совершенного видов. Однако важно подчеркнуть следующее: считается, что выбор падежа объекта зависит не от семантики глагола (или иначе: не от характера протекания действия на линии времени), а от его осмысления по отношению к объекту (т.е. именно падежная форма объекта "позволяет" глаголу иметь завершенное или незавершенное значение).

3. Не все прямопереходные глаголы могут иметь оппозицию падежей объекта, довольно значительная их часть управляет только партитивом. Глаголы первого типа называются видовыми (*aspektiverbid*), а второго - партитивными. Считается, что партитивные глаголы всегда выражают действие, которое не может быть осмыслено двояко: оно всегда продолжающееся (хотя при переводах на русский язык соответствует то несовершенному, то совершенному видам).

4. Категория предельности/непредельности в эстонском языке трактуется исследователями через наличие/отсутствие формально категоризованных средств аспектуальности: предельными считаются только видовые глаголы, остальные глаголы (партитивные и непрямопереходные) считаются непредельными, которые, однако, могут приобретать предельные значения, если к ним присоединяются соответствующие префиксальные слова, образующие вместо простого глагола слитный: *kuulama - ära kuulama* /слушать - выслушать/. (См. работы: Мюркхейн 1979: 95; Пихлак 1978; Пихлак 1983).

Итак, нас интересует вопрос: действительно ли в эстонском языке аспектуальность ограничивается неглагольными элементами (лексическими и синтаксическими) или же глагол, выражая локализованное на линии времени действие, отражает какие-то различия в типах протекания действия и в типах представления этого протекания говорящим, т.е. выражает временную перспективность/неперспективность проявления действия.

Чтобы не углубляться в проблему сущности категории предельности/непредельности, сошлемся на определение, данное Ю. С. Масловым (Маслов 1963:7) и перейдем к рассмотрению глаголов речи. При глаголах речи, очевидно, следует говорить о предельных/непредельных значениях, которые проявляются в зависимости от синтаксического окружения глагола. Вопрос о предельности/непредельности глаголов речи подробно рассмотрен З. В. Ничман (Ничман 1969:47-59). Результаты ее исследования мы и используем в нашем сопоста-

вительном анализе. З. В. Ничман, рассматривая глаголы речи в их отношении к категории предельности/непредельности, подразделила их на четыре семантических класса.

К первому классу относятся глаголы со значением способа говорения: говорить о чем-либо, произносить что-либо каким-то образом (*шепелявить, басить, сипеть, брюзжать, ехидничать* и пр.). Глаголы этого класса являются в русском языке непредельными, если они выступают в безобъектном употреблении и внимание говорящего сосредоточено на способе говорения. Предельное значение эти глаголы имеют в том случае, если они употребляются с прямой речью или с прямым объектом. В эстонском языке глаголы данного класса также непредельны при тех же условиях, что и в русском языке. С прямой речью они предельны и выражают всегда только завершенное действие: прямая речь придает действию характер конкретного высказывания, имеющего конкретные границы, поэтому глаголы данного класса, вводящие прямую речь, не могут соответствовать русскому несовершенному виду: "*Ära sa teda kuula*", *soistas eit.* - "Ты его не слушай", - *прошептала* (**шептала*) старуха; "*Ära sa sinna mine!*", *urises vanamees.* "Ты туда не ходи!", - *прорычал* (**рычал*) старик. Однако при мультипликативных глаголах речи, вводящих прямую речь, действие может быть осмыслено как незавершенное, если предполагается, что субъект несколько раз повторял одно и то же: "*Laulge seda veel kord*", *klanis poiss küllalist:* действие считается незавершенным, если просьба повторялась несколько раз - "*Спойте еще раз это*", - *клянчил мальчик гостя*, завершенное действие предполагает, что мальчик произнес свою просьбу один раз, но со специфической интонацией "клянченья" (в русском языке данное значение выразить невозможно).

Глагол *rääkima* - *говорить* всегда неопределен, глаголы *ütlema* - *сказать*, *lausuma* - *проломвить* - всегда предельны, поэтому с прямой речью используются только два последних глагола.

В качестве прямого дополнения при глаголах I класса обычно используется неопределенное дополнение *что-то*: *Он что-то шептал/прошептал; Она что-то ворчала/проворчала*. В эстонском языке неопределенное местоимение *midagi* не снимает неопределенности в характере проявления действия, поэтому и с данным местоимением действие остается непредельным: *Eit pomises midagi ebamäärast.* - *Старуха бормота-*

ла (* пробормотала) что-то неразборчивое.

Глаголы речи второго класса - это глаголы со значением речевого взаимодействия (*беседовать с кем?, разговаривать с кем?* и т.п.). Они имеют при себе объект, называющий собеседника, и подразделяются на три подкласса.

Предельное/непредельное значение глаголов первого подкласса - "вести с кем-либо разговор, беседу, обмениваться с кем-либо мыслями" зависит в русском языке от наличия/отсутствия семы "достижение цели разговора". Соответственно такие глаголы, как *говорить, беседовать* в русском языке предельны, а глаголы *болтать, разговаривать* - непредельны. Важно подчеркнуть, что целенаправленность при глаголах "говорить", "беседовать" в русском языке может иметь имплицитный характер, т. е. может лишь предполагаться говорящим, а в структуре предложения никак не выражаться: *Инженер говорил с директором - Инженер поговорил с директором*. В эстонском языке импликация цели не может ограничить действие пределом, для этого в структуре предложения должны быть такие элементы, которые выражают эту целенаправленность: *Инженер говорил/поговорил с директором об этом деле... чтобы выяснить его мнение* и др. В таком случае предложение будет осмысливаться как незавершенное (если в момент наблюдения цель не достигнута) или как завершенное (если цель была достигнута). Глаголы *vestlema* - *беседовать*, *lobisema* - *болтать*, *jutlema* - *разговаривать* в эстонском языке всегда непредельны.

Глаголы подкласса "вести спор, возражать кому-либо, доказывая что-либо" (*дискутировать - diskuteerima, полемизировать - polemiseerima, спорить - vaidlema*) в обоих языках непредельны, а глаголы подкласса "разговаривать споря, бранясь", по мнению З. В. Ничман, предельны, поскольку обозначают взаимное несогласие, которое приводит к серьезной размолвке. На наш взгляд, глаголы *ссориться, вздорить, ругаться, цапаться* и глаголы *поссориться, повздорить, поругаться, поцапаться* - это семантически разные глаголы и не составляют видовой пары. Глаголы несовершенного вида - это непредельные глаголы, обозначающие действие, которое не имеет целенаправленного характера, и не содержат в своем протекании внутреннего предела, достигнув которого, действие будет исчерпано. Во фразе *Муж ссорился с женой из-за денег* глагол *ссорился* означает: "вел разговор на повышенных тонах, выражая свое не-

согласие", и исчерпанность этого разговора определяется не тем, что он должен завершиться ссорой, а тем, будет ли достигнуто согласие. Элемент достижения согласия не входит в семантику глагола *ссориться*, поэтому он неопределен. Фраза *Муж поссорился с женой из-за денег* означает: "Муж находится с женой в состоянии размолвки, которая возникла из-за денег". Предельность глагола *поссорился* обусловлена возникновением нового состояния во взаимоотношениях мужа и жены, т. е. совершенный вид у таких глаголов выражает начинательный способ действия (см. об этом также: Гловинская 1982: 99-100).

Эстонские эквиваленты глаголов данного подкласса всегда неопределены и выражают только незавершенное действие. Наступление нового состояния во взаимоотношениях взаимодействующих субъектов может быть выражено сочетаниями *läks tülli* (досл. "вошел в ссору"), *satus tülli* (досл. "впал в ссору") - *поссорился*, *läks riidu* (досл. "вошел в ругань") - *порутился*. Однако и в таких сочетаниях действие считается эстонцами незавершенным, означая: "внезапно случилась ссора, и субъекты взаимодействия продолжают длительно находиться в состоянии ссоры".

Глаголы взаимодействия являются предельными в случае, если устремленность к пределу составляет внутреннюю природу самого действия: *kooskõlastama* - *согласовывать/согласовывать*, *tutvuma* - *знакомиться/познакомиться*, *lepitama* - *мирить/помирить*. Незавершенное действие - это действие, которое представляется в перспективе: в момент наблюдения оно еще не завершено, но может быть завершено после момента наблюдения. Завершенное действие - это целостное действие, достигшее предусмотренного предела (результата). Например: - *Insener kooskõlastas direktoriga seda küsimust* - *Инженер (в этот момент) согласовывал с директором этот вопрос* (вопрос еще не получил своего решения, он находится в обсуждении). Незавершенность действия детерминирует и партиитивность объекта: по мере продвижения к результату происходит и продвижение к исчерпанности самого вопроса. *Insener kooskõlastas direktoriga selle küsimuse* - "вопрос согласован, имеет свое решение - цель взаимодействия достигнута". Поскольку действие завершено, т. е. представляется как целостное, то и объект тотален, целостен.

Особое место среди глаголов речевого взаимодействия за-

нимают глаголы со значением речевого контакта. В эстонском языке адресат речи (т.е. лицо, с которым контактирует субъект) обозначается только партитивом, и варьирование падежа объекта не допускается. Выше мы приводили мнение исследователей, занимающихся сопоставительной эстонско-русской аспектологией: партитивные глаголы всегда обозначают продолжающееся действие и всегда неопределены. Наш материал показывает, что партитивные глаголы со значением речевого контакта всегда предельны (по крайней мере, в рассмотренном нами объеме материала), выражая либо завершённое, либо незавершённое действие.

Результативно-пантивные партитивные глаголы, т.е. глаголы со значением действий, направленных на достижение полного результата путем постепенного (часть за частью) осуществления разового (длительного) действия - (см. Шелякин 1983:182) *konsulteerima* - консультировать/проконсультировать, *eksamineerima* - экзаменовывать/проэкзаменовывать могут быть омонимичными, т.е. выражать завершённое или незавершённое действие в зависимости от того смысла, который подразумевается говорящим, при условии если в предложении указан предмет, по которому происходит общение. Если же предмет не указан, то действие считается незавершённым и рассматривается в перспективе, в движении к пределу, к результату, который говорящему неизвестен. Ср.: *Professor konsulteeris aspiranti* - Профессор консультировал ("в этот момент") аспиранта; *Professor konsulteeris aspiranti matemaatikas* - Профессор консультировал/проконсультировал аспиранта по математике.

Глаголы *küsima*, *paluma*, *küsitama*, *veenma*, *tänama*, *vabandama* - спрашивать/спросить, просить/попросить, расспрашивать/расспросить, убеждать/убедить, благодарить/поблагодарить, извиняться/извиниться могут быть пантивными, если в предложении указывается цель контакта (извинялся за свое поведение, благодарил за внимание, убеждал остаться дома и пр.). Указание цели общения контактируемых субъектов создает представление о постепенном (часть за частью) продвижении к пределу, который будет достигнут по завершению произносимых фраз и завершению контакта: *Ants vabandas külalise ees oma käitumist*. - а) "Антс в этот момент произносил фразы, объясняющие причину его неуважительного поведения" - Антс извинялся перед гостем за

свое поведение (в эстонском языке *vabandama* - прямопереходный партитивный глагол); б) "Антс произнес извинение, объяснив свое неуважительное поведение" - Антс извинился перед гостем за свое поведение.

Если в предложении не содержится указания на цель общения, то эти же глаголы являются тотивными (целостными по своей природе) и обозначают только завершенное действие: *Anis tänas mind* - Антс поблагодарил меня (*благодарил меня).

Результативно-тотивные глаголы *keelduma* - отказаться (от чего? что делать?), *pöörduma* - обратиться (к кому? по какому вопросу?), *reageerima* - отреагировать (на что? как?) всегда предельны и выражают только завершенное действие: - *Anis keeldus abist* - Антс отказался (отказывался) от помощи.

Итак, партитивные глаголы со значением речевого контакта являются в эстонском языке предельными и могут выражать как незавершенное, так и завершенное действие в зависимости от смысла, который выражается говорящим.

Глаголы речи третьего класса имеют значение сообщения, передачи информации. Они употребляются с объектом, обозначающим лицо, которому адресовано сообщение, к кому обращена речь. При обращенности к кому-либо речь имеет характер конкретного высказывания, которое определяет границы действия, поэтому глаголы третьего класса всегда предельны. В эстонском языке признак обращенности речи также служит средством ограничения действия пределом и даже в том случае, когда адресат сообщения выражен имплицитно. По способности выражать незавершенное или завершенное действие глаголы данного класса, как и предыдущего, подразделяются на процессные (результативно-партитивные) и непроцессные (результативно-тотивные). Процессные глаголы выражают оппозицию завершенности/незавершенности: при прямопереходных глаголах завершенность/незавершенность имеет категоризованное средство выражения - оппозицию тотального/партитивного падежа объекта, а при непереходных глаголах различие завершенности/незавершенности опирается лишь на выражаемые говорящим смыслы: "в этот момент сообщение не завершено" и "сообщение передано, действие закончилось". Перечислим эти глаголы: *teatama* - сообщать/сообщить, *kuulutama* - объявлять/объявить, *avama* - раскрывать/раскрыть свой секрет, *jutustama* - рассказы-

вать/рассказать, *iseloomustama* - характеризовать/охарактеризовать, *luiskama* - врать/наврять (эту историю), *telegrafeerima* - телеграфировать, *argumenteerima* - аргументировать/проаргументировать, *helistama* - звонить/позвонить по телефону, *raporteerima* - рапортовать/отрапортовать и др.

Непроцессные результативно-тотивные глаголы выражают в эстонском языке только завершённое действие: *soovita* - пожелать кому-либо что-либо (в значении "произнести пожелание"), *soovitada* - посоветовать, *porerekomendada*, *lubata* - пообещать, *vastama* - ответить кому-либо чем-либо.

Глаголы четвертого класса целесообразно рассматривать по двум различающимся подгруппам (см.: Васильев 1971:243-256): глаголы со значением побуждения и глаголы со значением эмоциональной оценки.

Глаголы речи со значением побуждения в русском языке всегда предельны, поскольку выражают целенаправленное действие. В эстонском языке предельности/непредельности зависит прежде всего от характера самого действия: результативно-тотивные глаголы являются предельными и выражают только завершённое действие (глаголы типа: *ra-zreshit'sya*, *zapretit'sya*, *prika-zat'sya*, *obyazat'sya* и пр.); мультипликативные глаголы побуждения (*podbivat'sya kogo-libo na chto-libo*, *ubezhdavat'sya*, *zastavlyat'sya*, *prositsya*, *nastravivat'sya kogo-libo kakim-to obrazom*) могут быть предельными и непредельными в зависимости от синтаксического окружения.

Некоторые результативно-тотивные глаголы осмысливаются эстонцами не столь однозначно, как было сказано выше. Например, глагол *kaskima* - приказывать/приказать может быть в эстонском языке прямопереходным и в этом случае он является видовым: адресат побуждения выражается тотальными или партитивными падежами и в зависимости от них действие осмысливается как незавершённое или как завершённое: *Emal kaskis lapsi/lapsed tuppa* - Мама приказывала/приказала детям идти домой (досл. детей домой). Незавершённое действие означает: "в этот момент мама отдавала приказ детям", а завершённое - "мама высказала свой приказ, и дети должны ему следовать". Возможность оппозиции тотального/партитивного объекта здесь обусловлена возможностью представить действие в процессе ("в этот момент"), а процессное представление обусловливается возможностью кратного выполнения речевого действия. В эстонско-русской сопоставительной

аспектологии считается, что кратность/однократность действия не имеет в эстонском языке аспектуально-различительного характера. Однако наш материал показывает, что при некоторых глаголах признак кратности/однократности действия оказывает влияние на представление о завершенности/незавершенности действия. Назовем еще два таких глагола, встретившихся в нашем материале: *hüüdma* - звать/позвать кого-либо куда-либо и *ähvardama* - угрожать/пригрозить кому-либо чем-либо. Фраза *Ants hüüdis mehi/mehed sööma* (Антс звал/позвал мужчин обедать) выражает завершенное действие, если действие было кратным, и завершенное - если однократным. Фраза *Huligaan ähvardas kõik purustada* омонимична: если хулиган произнес свою угрозу несколько раз, то действие является незавершенным, а если один раз - то завершенным: *Хулиган угрожал/пригрозил все сломать*.

Глаголы *lubama*, *keelama* - разрешать/разрешить, запрещать/запретить также омонимичны и различаются по признаку единичности и кратности (обычности действия): *Perenaine lubas külalistel tantsida* - а) Хозяйка разрешила ("в этот раз") гостям танцевать и б) Хозяйка разрешала ("обычно, всегда") гостям танцевать.

Мультипликативные глаголы побуждения, обозначая многоактные речевые действия, являются непредельными, но могут иметь предельное значение: предел может быть достигнут, если достигнута цель побуждения. Существенное различие в проявлении предельного/непредельного значения у таких глаголов в эстонском и русском языках заключается в том, что в эстонском языке цель побуждения не может быть имплицитной (т. е. подразумеваемой говорящим), а непременно должна входить в структуру предложения. Только в этом случае мультипликативные глаголы побуждения являются предельными. Цель побуждения выражается в предложении инфинитивом (*побуждать что делать*), конструкцией, соответствующей русскому винительному падежу с предлогом *на* (*побуждать на что? на какое дело?*), указанием на лицо, ради которого и для которого осуществляется действие (*просил для семьи, для себя, для ребенка*). При этом есть глаголы, для которых выражение цели действия является облигаторным, т. е. без соответствующих элементов предложение считается незаконченным, "ущербным", и глаголы, для которых выражение цели побуждения в предложении необлигаторно. Первые гла-

голы в эстонском языке являются предельными и видовыми, т.е. адресат побуждения может быть выражен либо тотальными падежами, либо партитивом в зависимости от завершенности или незавершенности действия. Это следующие глаголы: *veen-ta* - убеждать/убедить, *sundima* - заставляя/заставить, *teelita-ta* - выманивать/выманить, *sisendama* - внушать/внушить, *hädalestama* - настраивать/настроить, *ässitama* - подбивать/подбить кого-либо на что-либо, *натравливать/натравить кого-либо на кого-либо*. Глаголы, для которых выражение цели побуждения в предложении является необлигаторным, являются неопредельными, если целенаправленность отсутствует; действие в таком случае считается незавершенным, и это обуславливает партитивную форму выражения адресата побуждения. Предельными эти глаголы являются, если в предложении указана цель побуждения, и тогда адресат побуждения (или объект просьбы) выражаются тотальными или партитивным падежами в зависимости от завершенности или незавершенности действия. См. пример с глаголом *klanima* - *клянчить*, приведенный в начале статьи. Другие глаголы этого же типа: *rakkuma* - предлагать/предложить, *nõudma* - требовать/потребовать, *tanguma*, *lunima*, *kerjama*, *santima*, *apuma* - *выпрашивать/выпросить* (с различными семантическими оттенками: *выпрашивать нищенствуя, побираясь, вымаливая* и пр).

Глаголы со значением эмоциональной оценки в эстонском языке (в отличие от русского) могут иметь только неопредельное значение и выражают только незавершенное действие. При прямопереходных глаголах неопредельность действия обуславливает употребление только партитивной формы объекта: *poomitama* - бранить, ругать, *otчитывать*, *zõvitama* - ругать, *siunata* - *чихвостить, обзывать*, *arvustama* - осуждать, *kritiseerima* - критиковать, *süüdistama* - обвинять, *pilkama*, *narrima* - *дразнить*, *manitsema* - *увещевать*, *ülistama* - *восхвалять*. Показательно, что и с прямой речью эти глаголы выражают незавершенное действие, обозначая многократное повторение соответствующей оценки.

Исключение из данного общего правила составляют глаголы *kõitma* - *хвалить/похвалить*, *halvustama* - *упрекать/упрекнуть*, *rahandama* - *досаждать/досадить*, которые осмысливаются двояко: как незавершенное действие, если оно было кратным, и как завершенное - если однократным.

На этом мы закончим рассмотрение глаголов речи в эстонском и русском языках, хотя оно является и не совсем полным. Например, за пределами данной статьи остаются такие вопросы, как анализ представлений эстонцев о характере протекания действия в перфекте и плюсквамперфекте; анализ смысловых соответствий эстонского представления о завершённом и незавершённом действии русским видам глаголов; не касались мы также вопроса о возможностях передачи в эстонском языке русских способов действия у предельных и непредельных глаголов и влияния возможных смысловых оттенков на предельность/непредельность глаголов в эстонском языке. Однако рассмотренный нами материал позволяет сделать некоторые выводы как в узком (относительно предельности/непредельности глаголов речи), так и в более широком плане - относительно категории аспектуальности в эстонском языке.

Глаголы речи в эстонском языке, так же как и в русском, имеют предельное и непредельное значения в зависимости от лексического значения глагола и от его синтаксического окружения. Предельными в обоих языках являются глаголы, имеющие сему обращенности и целенаправленности речи. Однако в эстонском языке цель речевого действия не влияет на характер протекания действия, если она выражена имплицитно, т.е. подразумевается говорящим; цель в эстонском языке должна быть выражена в самом предложении через определенные структурные элементы. Непредельное значение имеют глаголы, обозначающие "вести спор, разговаривать с кем-либо споря, бранясь" и глаголы, выражающие эмоциональную оценку.

Аспектуальность в эстонском языке, так же как и в русском языке, конституирует семантику глагола как части речи, выражая временную перспективность/неперспективность в проявлении действия, локализованного на линии времени. Эстонское представление о завершённости/незавершённости действия коррелирует с категорией предельности/непредельности: незавершённое действие - это а) такое действие, которое не может по своей внутренней природе иметь предел, т.е. предел полностью исключается, и б) такое действие, которое еще не достигло своего предела, завершённости и имеет перспективу в своем развитии, течении; завершённое действие - это действие, которое достигло предела, исчерпало себя и содержит семантику целостного глагольного факта. Непредель-

ные глаголы выражают только незавершенное действие и при прямопереходных глаголах обуславливают употребления партитива объекта. Предельные глаголы выражают оппозицию завершенности/незавершенности, если действие имеет партитивный характер, т.е. осуществляется часть за частью, или только завершенное действие, если оно по характеру тотивно, т.е. целостно по своей природе. Оппозиция завершенности/незавершенности может "поддерживаться" специальными аспектуальными средствами (оппозицией падежей объекта), но может определяться и лишь различием смыслов, которые выражаются говорящим. Партитивные глаголы могут иметь неопредельное и предельное значения, т.е. осмысление действия определяется не формой падежа объекта, а представлением о характере протекания действия на линии времени. Некоторые результиивно-тотивные глаголы могут противопоставляться по признаку кратности/однократности действия, который определяет различительные смыслы завершенного или незавершенного действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Л. М. (1971) *Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи.* - Очерки по семантике русского глагола. - Уфа.
2. Гловинская М. Я. (1982) *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола.* - Москва: Наука.
3. Маслов Ю. С. (1963) *Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке.* - Москва.
4. Мюркхейн В. В. (1979) *К проблеме передачи видо-временных значений русского глагола в эстонском языке.* - Вопросы русской аспектологии. 4. Тарту.
5. Ничман З. В. (1969) *Предельные и неопредельные глаголы речи.* - Лексико-грамматические проблемы русского глагола. - Новосибирск.
6. Пихлак А. И. (1978) *Аспектуальность в эстонском языке (в сопоставлении с русским языком).* - Вопросы русской аспектологии. 3. Тарту.
7. Пихлак А. И. (1983) *К вопросу об универсальности функционально-семантической категории аспектуальности.* - Труды по русской и славянской филологии. (Ученые записки

Тартуского ун-та, вып. 651). Тарту.

8. Шелякин М. А. (1983) *Категория вида и способы действия русского глагола*. - Таллин: Валгус.

9. Rätsep H. (1978) *Eesti keele lihtlausetes tüübid*. - Tallinn.

ASPEKTUALNOST U ESTONSKOM JEZIKU U POREĐENJU S RUSKIM (NA MATERIJALU GLAGOLA GOVORENJA)

Elvira P. Vasiljčenko

U članku se primjenjuje principijelno nov metod kontrastivnog istraživanja aspektualnosti u jeziku u kojem ne postoji kategorija vida. Taj je metod zasnovan na psiholingvističkom eksperimentu o ispoljavanju predstava Estonaca o karakteru proticanja radnje na liniji vremena u svom maternjem jeziku. Rezultati eksperimenta omogućili su autoru da donese zaključke o kategoriji aspektualnosti u estonskom jeziku (ne samo o glagolima govorenja nego i u opštijem planu), koji se suštinski razlikuju od onih zaključaka do kojih dolaze istraživači što polaze od metoda kontrastivne analize pisanih tekstova na ruskom i estonskom jeziku.

ЗООНИМЫ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКОВ

А. Рошет

Во фразеологии любого языка выделяется группа фразеологических единиц (ФЕ), в состав которых входят названия животных, диких или домашних. В первую очередь, среди таких ФЕ отмечается многочисленная группа устойчивых сравнений (УС), основанных на уподоблении человека какому-либо животному или сравнении с ним. Такое сравнение использовалось в языке едва ли не на протяжении всей истории человечества (Жельвис, 1987; 30). Одобрение или порицание с помощью зоонима - сравнения имеют основания психологического и исторического плана. "Эти основания - древнее мифологическое осмысление роли того или иного животного, его табуированность в системе тотемных представлений и как следствие - возможность повышения или понижения социального статуса адресата" (Жельвис 1987:31). Именно реальные, логически мотивированные сравнения, возникшие на основе наблюдений человека над окружающей средой, над поведением и повадками животных, послужили основой образования и закрепления в языке УС.

Такая группа УС является во многих языках наиболее многочисленной, и в ней нередко обнаруживаются совпадения как в родственных, так и в неродственных языках: ср. рус. *живуч как кошка*, эст. *visa hingega nagu kass* 'с живучей душой как кошка', англ. *have as many lives as a cat*, 'иметь столько жизней как кошка', нем. *jmb ist zdh wie eine Katze*, белорус. *живуча, як кошка*. ФЕ, основанные на реальных наблюдениях за животными, возникают в различных языках независимо друг от друга и в разное время, среди них, как правило, мало заимствований, ср: рус. *троянский конь*, эст. *Trooja hobune*; рус. *крокодиловы слезы* - эст. *krokodillipisarad*; *страусовая политика* - *jaanalinnupoliitika*; (как) *собака на сене* - (*nagu*) *koer heintel*; *белая ворона* - *valge vares*.

Однако в разных языках в составе ФЕ используются разные зоонимы, одно и то же животное может быть у разных народов наделено разными характеристиками и свойствами, которые лежат в основе образного употребления названий животных в составе ФЕ или в основе метафорического использования. Та-

ким образом, ФЕ с зоонимами, с другой стороны, представляют ту часть словарного состава, где наиболее отчетливо проявляется национально-культурная специфика. Морально-этическая направленность коннотации у одного и того же зоонима может быть в разных языках полярной. Напр., зооним *слон* в русском языке имеет неодобрительную коннотацию (неуклюжий, крупный, полный человек), а в Индии противоположную, одобрительную (грация, изящество движений) (Семантическая специфика 1985:74). В Индии сравнение женщины с коровой - комплимент, у русских же в этом случае корова - символ глупости (Жельвис 1987: 33-36).

Во французском языке в составе ФЕ используются все классы животных: млекопитающие, насекомые, пресмыкающиеся, птицы. Особенно часто используются такие названия животных, которые издавна были близкими человеку (Liebold 1970). Г. Трюбнер, рассматривая соответствующую группу ФЕ английского языка, отмечает, что наряду с домашними и общеизвестными, характерными для данного ареала, зоонимами, используются и названия таких животных, с которыми у данного народа прямого контакта не было (напр., лев, леопард). Поскольку англичане известны своей любовью к лошадям и к конному спорту, то в составе ФЕ слово *horse* встречается весьма часто, настолько часто, что в некоторых ФЕ "лошадь" получает значение "вещь" - *to flog a dead horse* - 'заниматься бесполезным делом'; *a horse of another colour* - 'совсем другое дело' (Trübner 1977:185).

Рассмотрим использование зоонима *собака* в составе ФЕ русского и эстонского языков. Как в русском, так и в эстонском языке указанный зооним служит для образования УС: *как собак нерезаных, нужен как собаке пятая нога, жить как кошка с собакой* - *nagu peksasaanud koer* - 'как побитая собака', *kõveras nagu koera kīrp*, 'согнувшийся (кривой) как блоха у собаки' (о том, кто спит или сидит в согнувшемся положении), *naerma nagu koer* 'смеяться как собака' (издеваться, смеяться над кем-л.). В обоих языках существуют и ФЕ с компонентом *собака*, которые не основаны на сравнении: *собаку съесть, вешать собак, с собаками не сыскать* - *koergi ei haugu järele* 'и собака вслед не лает' (никому нет дела до чего-л.), *ei kēlba koeralegi hānna alla* 'не годится и собаке под хвост' (никуда не годится).

Сопоставительный анализ русских и эстонских ФЕ с зоо-

нимом собака - *koer* позволяет выделить следующие группы:

1) ФЕ, полностью совпадающие по своей образности, значению и лексико-грамматическому составу: *устал как собака - väsinud nagu (vana) koer*; (*жить*) *как кошка с собакой - (elama) nagu kass ja koer*; *выгнать как собаку - nagu (kärnast) koera välja ajama*; *убить как собаку - nagu (hullu) koera maha lööma*. Следует отметить, что в эстонских УС слово *koer* 'собака' нередко может иметь определения, использование которых служит для усиления эмоционально-оценочной окрашенности всей единицы: *vana* 'старый', *kärnane* 'паршивый', *hull* 'бешеный', из которых два последних придают всей единице пейоративную окраску. К этой же группе относятся заимствованные или калькированные ФЕ, напр. (*как*) *собака на сене - (nagu) koer heintel*; *вот где собака зарыта - kuhu on (gi) koer maetud*.

2) ФЕ, в незначительной степени отличающиеся по своему лексико-грамматическому составу, но совпадающие по образности и значению: *как собак нерезаных - nagu kirjusid koeri* 'как пестрых собак'; *любить как собака палку - sallima, armastama, kartma nagu koer luua-vart* 'терпеть, любить, бояться как собака ручку от метлы'; *ходить за кем-л. как собака - nagu koer kannul käima* 'как собака по пятам ходить'. К этой же группе можно отнести единицы *живуч как дворовая собака - visa hingega nagu kass* 'с живучей душой как кошка' и *проголодаться как собака - nälgane nagu hunt* 'голодный как волк', которые можно рассматривать как типологически совпадающие ФЕ, т.е. их семантическая структура объединена общей фразеобразовательной моделью. В приведенных примерах общие фразеобразовательные модели, выражающие живучесть и чувство голода, находят в другом языке, т.е. в эстонском, иную образную реализацию (рус. *дворовая собака* - эст. *кошка* рус. *собака* - эст. *волк*).

Возможность выделить две первые группы ФЕ свидетельствует о том, что даже в неродственных языках, каковыми являются русский и эстонский, существуют тождественные или сходные по своей семантике, образности и лексико-грамматическому составу ФЕ. Ю. П. Солодуб называет такие ФЕ межъязыковыми фразеологическими эквивалентами (МФЭ). Существованию МФЭ способствуют, по его мнению, два фактора: "общность жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, общность, однотипность отдельных форм образного видения мира у самых разных народов, в том числе

и народов, не имеющих между собой никаких языковых контактов; 2) тесные культурно-исторические связи между отдельными народами, между целыми ареалами" (Солодуб 1982:108). Безусловно, чем "общечеловечнее" и "общедоступнее" образ и внутренняя форма ФЕ, тем больше вероятность наличия такой же ФЕ в других языках. Например, ассоциативно-образная связь взаимоотношений людей, живущих в постоянной вражде, с отношениями собаки и кошки, характерна для многих языков: рус. *как кошка с собакой*, эст. *nagu kass ja koer*, нем. *wie Hund und Katze*, чешск. *jako kočka a pes*, швед. *som hund och katt*, литов. *kaip šuo su kate*, финск. *(eläi) kuin kissa ja koira*, англ. *to live a cat and dog life*. Э. М. Солодухо, исследуя проблемы межъязыкового фразеологического параллелизма, отмечает, что происхождение многих интернационализмов связано с особенностями поведения домашних и диких животных, птиц, насекомых, одинаково подмеченных разноязычными народами (Солодухо 1989:48). У разных народов многие животные имеют одинаковые и близкие образы - символы. Это результат многовекового общения человека с животными. Наблюдения над разными языками показывают, что экстралингвистическая база зоохарактеристик довольно единообразна. Для народов одного ареала(напр., Европы) известны в основном одни и те же виды животных. Однако из этого нельзя делать вывода, что смыслы отдельных характеристик в разных языках тоже совпадают, если в основе их лежат представления об одном и том же животном. Одна и та же экстралингвистическая данность по-разному преломляется в разных языковых системах (Жельвис 1984: 148). Именно это разное преломление дает возможность выделить третью группу ФЕ:

3) ФЕ, существующие лишь в одном из рассматриваемых нами языков. К этой группе относятся такие ФЕ, которые не имеют в другом языке соответствия и передаются через ФЕ, имеющую иную образную основу, или же описательно: рус. *собак гонять*, которому в эстонском языке соответствует *lulli lööma* (дословно непереводимо); *вешать собак на кого* - *seitset surmapattu süüks panema* 'семь смертельных грехов в вину ставить'; с собаками *не сыскать* - *ei leia tikutulegagi* 'не найдешь и со спичечным огнем'; *собаку съесть на чем-л.* - *kõva (kibe) käsi olema* 'сильная рука быть'; *нужен как собаке пятая нога* - *vaja kui koolnul kosutust* 'нужно как мертвому поправление'; *naerma nagu*

koer 'смеяться как собака' в значении 'издеваться', *tundma nagu kirjut koera* 'знать как пеструю собаку' в значении 'очень хорошо знать', *nàrima nagu koer konti* 'грызть как собака кость' в значении 'говорить постоянно о ком-л., обычно плохое', *minema nagu koer karja* 'идти как собака пасти стадо' в значении 'делать что-то неохотно', *nagu koera okse* 'как рвота собаки' в значении 'плохая, плохо, небрежно выполненная работа', *nagu koera kaelas vorst* 'как колбаса на шее собаки' в значении 'что-л. долго не продержится у кого-л.'

Сопоставительный анализ ФЕ с зоонимом *собака* в русском и эстонском языках показал, что в эстонском языке преобладают устойчивые сравнения с указанным зоонимом. В русском же языке отмечается несколько большее использование зоонима *собака* в составе ФЕ иной структуры. Представляется, что в эстонском языке основой для образования и закрепления в языке УС послужили самые разнообразные качества этого животного и наблюдения над его поведением, повадками и взаимоотношениями с человеком.

Заслуживает также внимания наличие в эстонском языке сложных слов, в которых в качестве одного составляющего используется зооним *koer* 'собака'. Эти слова не имеют прямого значения, а используются как образные характеристики того или иного явления. Поскольку эти образования в эстонском языке сравнительно недавно перешли в разряд сложных слов и стали писаться слитно, то имеются все основания рассматривать подобные выражения в составе фразеологии. Приведем в качестве примеров некоторые из них: *koeraamet* 'собачья должность' в значении 'неблагодарная, трудная работа', (нем. Hundearbeit); *koeraelu* 'собачья жизнь', (нем. Hundeleben); *koerailm* 'собачья погода' в значении 'плохая, с осадками погода', (нем. Hundewetter); *koeralake* 'собачья похлебка' в значении 'плохая еда', *koerapiik* 'собачий взгляд' в значении 'покорный, виноватый взгляд', *koeratemp* 'собачья проделка' в значении 'плохое, заслуживающее порицания действие'.

Сопоставительный анализ ФЕ с зоонимом *собака* - *koer* в русском и эстонском языках позволяет еще раз убедиться, что несмотря на то, что собака обладает такими благородными качествами, как преданность, покорность, способность к верной дружбе с человеком, ФЕ с указанным зоонимом приобретают отрицательную, пейоративную окраску.

Весьма интересно раскрыты причины образования двойственного отношения к собаке в работах В. И. Жельвиса. Он представляет процесс образования двойственного понятия о собаке как цепочку последовательных превращений. В начале этой цепочки стоит понятие святого, божественного; в процессе исторического развития святое превращается в священное, которое в силу исключительной важности объявляется запретным; если же запретное нарушается, то оно приобретает свойства опасного, опасное же начинает восприниматься как нечистое, а нечистое в сознании легко переходит в непристойное (Жельвис 1984: 143).

Нам удалось сопоставить лишь незначительную часть ФЕ с компонентами-зоонимами в русском и эстонском языках. Однако даже сопоставление сравнительно небольшого количества этой группы ФЕ позволяет сделать вывод о наличии межязыковых фразеологических эквивалентов, а также дает возможность выявить национальную специфику фразеологии сопоставляемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жельвис В. И. (1987). Национально-специфические особенности лексической семантики зоонимов как элемент типологического исследования - Лексическая семантика и фразеология. Л., с. 30-38.
2. Жельвис В. И. (1984). *Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях)*. - Советская этнография, 3, с. 135-143.
3. Солодуб Ю. П. (1982). *К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках*. - ВЯ, 2, с. 106-114.
4. Солодухо Э. М. (1989). *Теория фразеологического сближения*. - Казань, 296 с.
5. *Семантическая специфика национальных языковых систем*. - Воронеж, 1985, 163 с.
6. Liebold H. (1970). *Das Tier im metaphorischen Sprachgebrauch*. - Fremdsprachen, N 3, S. 214-219.
7. Trübner G. (1977). *Das Tier im idiomatischen englischen Sprachgebrauch*. - Fremdsprachen, N 3, S. 184-189; N 4, S. 260-264.

ZOONIMI U SASTAVU FRAZEOLOŠKIH JEDINICA RUSKOG I ESTONSKOG JEZIKA

Anne Romet

U članku se razmatra specifičnost frazeologizama u čijem je sastavu jedna od komponenata iskazana zoonimom. Na primjeru upotrebe zoonima p a s pokazano je ono što je zajedničko za ruske i estonske frazeologizme (na planu strukture i sadržaja), sa jedne strane, i ono što je za svaki jezik specifično kao njegova nacionalno-kulturna osobenost - s druge.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В СЕРБСКОХОРВАТСКОМ, БОЛГАРСКОМ, РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Ю. С. Курдявцев

В отношении артикуляции и акустических свойств мягких согласных между сравниваемыми языками несомненно существуют определенные отличия, однако они не столь велики, чтобы иметь практическое значение. Действительный контраст наблюдается в том, что вслед за Ф. де Соссюром можно назвать "valeur" (значимостью, ценностью) языковой единицы и что определяется в фонетике особенностями фонологических отношений в каждом данном языке. Именно этому вопросу будет посвящена настоящая работа.

Методика анализа цельных фонематических систем разработана в рамках деятельности Пражского лингвистического кружка Н. С. Трубецким (Трубецкой, 1960). Важнейшим тематическим отличием пражской концепции от концепции американской дескриптивной школы являлось преимущественное внимание к отношениям фонем, т. е. к собственно структуре фонематической системы, тогда как дескриптивисты в сущности ограничивались рассмотрением отношений между аллофонами одной фонемы, т. е. структуры фонемы. Максимум, что их интересовало в структуре системы, это параллелизм в аллофонном строении отдельных форм, например, параллелизм позиционных условий появления придыхательных и непридыхательных смыхных в стандартном английском. Система же фонем данного языка предстала у дескриптивистов в списочном, не структурированном виде. Этот недостаток, который можно назвать контингентным подходом в фонологии, не был преодолен наследниками дескриптивной школы, целиком сосредоточившимися на критике "таксономического" уклона своих предшественников.

Самое слабое, что есть у Трубецкого-это его формальные определения и сформулированные прямыми словами принципы. Они не раз давали повод к обвинениям то в "фонетизме", то

в логическом механицизме. Думается, здесь дело обстоит так же, как с пресловутым психологизмом Бодуэна. Спеша передать читателю волнующее содержание новой научной дисциплины, оба автора не слишком обращали внимание на качественную отделку вводных теоретических положений, рассматривая их-справедливо или несправедливо-как внешнюю упаковку провозимого теоретического багажа. О каком непреодоленном фонетизме Трубецкого можно говорить, если почти на каждой странице основной части его книги мы находим рассуждения, объединяющие (по оппозитивному признаку)/h/ и /ch/ в чешском, /q/ и /r/ в эскимосском (Трубецкой 1960: 145, 164) и тому под?

Такую же "ценность" имеет упрек в логистике. Ни на одной странице своей капитальной фонологической систематики Трубецкой не отдает предпочтения дедуктивным соображениям перед аргументами индуктивного и эмпирического характера. Вместе с тем очевидно, что теоретическое обрамление книги, не устарев в своем главном содержании и, если так можно выразиться, методологическом пафосе, обнаружило со временем определенные внешние изъяны, а ряд положений оказался просто неправильным. Последнее относится к некоторым способам определения моно- и бифонемности. Вообще синтагматика не была сильной стороной учения Трубецкого - как и других фонологических концепций его времени.

Именно с вопросов синтагматики и следует начать наше небольшое исследование. Прежде чем определять фонологическую ценность мягких согласных, следует установить, являются ли они в данном языке фонемами или представляют собой сочетания фонем.

I

Мягкие согласные могут, в зависимости от особенностей дистрибуции, оказаться линейными сочетаниями фонем. Это могут быть сочетания соответствующих твердых с йотом или гласной /i/. Вместо первого члена априорно возможен родственный согласный например, согласный /s'/ способен репрезентировать фонемную последовательность /s+j/.

Как в общем случае решить этот вопрос? Методика анализа должна опираться на те же оппозитивные и дистрибутивные

критерии, которые применяются фонологами и при анализе явно однофонемных сущностей. Отсутствие семантически нагруженной оппозиции, ярче всего проявляющееся в отсутствии минимальных пар, указывает на отнесенность звуков к одной фонеме, их потенциальные аллофонные отношения. Напротив, наличие такой оппозиции свидетельствует о разнофонемности соответствующих звуков. Такой же тест следует произвести и с предполагаемым сочетанием фонем. Если в языке (как в русском) мягкий согласный противопоставляется сочетанию фонем: *белю* - *белью*, *варя* - *ворья* и под., то он не может быть фонологически интерпретирован как соответствующее сочетание. В противном случае в фонематической записи произошла бы утрата релевантной информации, что не должно иметь места по определению фонологии: фонологическое в звуке - это релевантное в лингвистическом отношении.

Удобнее, однако, пользоваться дистрибутивной методикой, которая приводит к тождественным результатам во всех случаях, кроме случаев свободной вариативности. Последние легко обнаруживаются и элиминируются на основе семантического критерия. Дистрибутивная методика практически удобнее, так как не требует перебора возможных звуковых оболочек. Так, в эстонском языке в характерных для мягких согласных позициях конца слова и перед гласным /i/ не встречаются сочетания "согласный + j". Напротив, перед другими гласными такие сочетания вполне возможны: *nelja*, *purje*, *ahju*, но в этом классе позиций не выступают мягкие. Следовательно, в эстонском языке мягкие согласные, с одной стороны, группы "согласный + j", с другой стороны, находятся в отношении дополнительной дистрибуции, что исключает их противопоставленность друг другу и не допускает существование квазиомонимов. В принципе допустимо, что эстонские мягкие представляют собой способ реализации сочетания фонем /s, t, n, l/ + /j/ в ограниченных позиционных условиях.

Рассматривая фонологический статус /ʃʲ/ в ленинградском орфоэпическом варианте русского языка, Л. Р. Зиндер (Зиндер 1963) обнаруживает, что в этой системе произношения всякое сочетание /s/ + /ʃ/ артикулируется в качестве /ʃʲ/, т.е. все дистрибутивное поле, отведенное совместно возможной фонеме /ʃʲ/ и реальному сочетанию /s/ + /ʃ/, занято сложным шипящим звуком. Такая ситуация более сложна, но она также

допускает решение, вытекающее из основной дистрибутивной процедуры.

Оценивая фонологические последствия дополнительной дистрибуции, мы обычно сосредоточиваем внимание на не-встречаемости звуков в одной позиции, потому что это означает отрицание оппозитивного характера отношений. Другая же сторона явления, а именно универсальность суммарной дистрибуции, остается в тени. Можно показать, что она также важна для фонологического анализа. Благодаря ей объединенная фонема противопоставляется во всех позициях другим фонемам, что укрепляет ее самостоятельный фонологический статус. В принципе фонемы могут быть самостоятельными, даже находясь в отношениях дополнительной дистрибуции. Расхожий пример немецкие /h/ и /β/. Но такие фонемы остаются в чем-то неполноценными, поскольку их оппозитивная сущность выявляется лишь на ограниченном количестве звуковых отрезков. Можно утверждать, что чем универсальнее суммарная дистрибуция аллофонов, тем безусловнее самостоятельное бытие фонемы. В этом плане наличие одного, универсально распределенного аллофона - наиболее простое и наглядное доказательство автономного фонемного статуса. Это справедливо и для аллофона, представляющего сочетание двух фонем.

Таким образом, необходимость единого фонематического решения для всех случаев употребления русского /ʃʂ/ можно считать доказанной. Конкретный вывод о бифонемности следует из очевидных случаев внутреннего сандхи: /raʃ'č'ot/, /raz - noʃ'č'ik/. Добавим, что устойчивое или спорадическое произношение /ʃ':/: /raʃ':ot/, /veʃ' :i / ничего не меняет, так как мы имеем здесь дело со свободным варьированием (отсутствует семантическое различие).

Применяя описанные процедуры, мы устанавливаем:

а) в русском языке мягкие противопоставлены как сочетаниям "согласный + j", так и сочетаниям "согласный + i": /rva - n'om/, /rvan'jom /, /t'en' / /t'en'i /;

б) в эстонском языке существует оппозиция "мягкий согласный" - "согласный + i": *pall* мяч, *palli* мяча, но, как уже сказано, отсутствует оппозиция сочетаниям с йотом;

в) в болгарском и сербскохорватском /j/ после согласных не встречается (ср.: *надявам* - *обявявам*; *lišće*, *braća* - *листья*, *бра-*

тъя)¹, т.е. мягкие охватывают всю дистрибутивную область и могут без ущерба для словоразличения интерпретироваться как бифонемные сочетания с йотом. И в том и в другом языке мягкий согласный и сочетание "согласный + i" противопоставлены: срхв. *lenj* им. п. м. р. (ленивый) - *leni, peč* им. п. ж. р. (печь) - *peti* инф. (поднимать); болг. (на уровне модели): *бръг-вариант, скиор - льорав*². Тем не менее все это не означает, что в соответствующих языках отсутствуют мягкие согласные фонемы.

При определении моно- или бифонемности мы должны учитывать не только дистрибутивно-оппозитивные особенности, но и закономерности фонотактики в изучаемом языке. Если в результате бифонемного решения возникают нехарактерные в целом для данного языка сочетания, лучше отказаться от такого решения и признать монофонемность.

Парадигматические и синтагматические отношения в языке тесно связаны и в каком-то смысле дублируют друг друга. Если дистрибутивные отношения в узком смысле слова хорошо освоены языкознанием и релевантны в исследовательской процедуре, то этого, к сожалению, не скажешь о правилах фонотактики. Можно показать, что последние не менее важны в качестве критерия фонологического анализа.

Закономерности фонотактики способны влиять на выбор фонологического решения. Они отнюдь не безразличны к последнему. Наблюдая, например, тот факт, что в немецком языке в начале слова перед согласной возможны только сочетания /ʃp/, /ʃt/, нельзя отделаться от мысли, что говорящие должны воспринимать их как монофонемные сущности, так что *springen* и *bringen* являются квазиомонимами. Если бы в данном случае имело место отклонение от обычного правила (как это и оценивается исследователями), мы скорее ожидали бы в качестве исключения появление фонемы /s/ - как немаркированной по отношению к шипящей. С другой стороны, именно для начала

1 Редкий случай представляют собой формы твор. п. ед. ч. склонения типа *stvarji*, которые, однако, вытесняются в современном сербскохорватском формами типа *stvari*. Особого обсуждения, которое мы здесь не проведём, требует некавказское произношение, ср., с одной стороны, *djelo*, с другой, *koljeno*.

2 Так в литературном произношении; иначе в просторечии, см.: Грамматика 1982: 133-134.

слова характерен более богатый фонемный инвентарь — это определяется информационными закономерностями и наблюдается в большинстве языков, в том числе и в немецком (за счет оглушения конечных звонких). Разумеется, это косвенные доказательства. Но в фонологии единственным прямым аргументом являются оппозитивные отношения, а в данном случае мы не можем на них опереться.

Мы полагаем, что критерий минимизации алфавита нельзя абсолютизировать. Сам он находит себе основание в принципе экономии. Но для фонотактики простота (экономность) не менее важна, чем экономность (простота) для фонопарадигматики. Нелогично было бы предпочитать априори одно другому. Например, для носителей старославянского языка полный состав фонем — несколько десятков элементов — дело гораздо менее ясное и наглядное, чем закон открытого слога, который абсолютно ясен благодаря своей простоте и универсальному применению в этом языке. Трубецкой сделал принципиальную ошибку, расчленив носовые гласные старославянского на гласную и согласную фонемы. Это абсолютно невероятное фонологическое решение, и не спасают ссылки на японский язык. В японском языке наличествуют геминаты, и благодаря им закрытый слог — обычное дело. Таким образом, в случае предполагаемой бифонемности необходима дополнительная процедура — проверка на правила сочетаемости.

Для эстонских мягких наиболее характерна позиция конца слова: *pall, kass*. При бифонемной трактовке: */palj/, */kasj/ возникают сочетания "согласный + сонорный", но именно в этой позиции эстонский таких сочетаний избегает, пользуясь анапиксисом, ср.: *rüütli - rüütel, sõbra - sõber, akna - aken*. Поэтому от такой трактовки лучше отказаться, признав мягкие согласные в эстонском языке монофонемными сущностями.

В сербскохорватском бифонемное определение мягких создало бы нетипичные группы согласных и в середине и в конце слова, ср.: *ći: */ktji/; pažnja: */pažnja/; noć: */notj/*. Между тем сербскохорватский язык вообще стремится избегать трехчленных групп согласных, тем более без восходящей звучности, как, например, *srećni: */sretjni/*. В конце слова избегается и группа из двух согласных, ср. *mirno - miran, hrabra - hrabar*. Бифонемная трактовка мягких решительно противоречит правилам сербскохорватской фонотактики.

Итак, русский, эстонский и сербскохорватский языки обладают мягкими согласными фонемами. Сложнее положение в болгарском. Мягкие согласные здесь возможны только перед гласными. Бифонемная трактовка создает в начале слова запрещенные сочетания четырех согласных: *включая: /ʃključa/, скляча: /sključa/*. Трудно сказать, насколько такое чисто количественное нарушение способно повлиять на выбор фонологического решения. Типическая для болгарского языка структура сочетания с восходящей звучностью при этом сохраняется. Монофонемная трактовка наталкивается на другую трудность. Дело в том, что в болгарском языке не существует независимой позиции, в которой можно было бы установить, что является релевантным: мягкость согласного или передний ряд гласного. Мягкие согласные могут быть только перед гласными /у, о, а, ъ/, они не встречаются перед согласными и на конце слова. С другой стороны, в начале слова и после гласной фонемы невозможны противопоставления /и - ù/, /о - ô/, /а - ä/, /ъ - ъ/, что не позволяет характеризовать признак ряда у этих гласных как самостоятельный. Это означает, что в данном языке признак "мягкость + передний ряд" является суперсегментным и реализуется на протяжении двух фонем - согласной и следующей за ней гласной. Суперсегментный признак должен быть вычтен из фонологического содержания соответствующих фонем. В отличие от трех других сравниваемых языков, болгарский как при моно-, так и при бифонемной трактовке не располагает самостоятельным инвентарем мягких согласных фонем (кроме, разумеется, йота, который исключен из нашего исследования). Это отнюдь не уникальный случай, аналогичное положение в литовском языке.

II

Фонологические системы характеризуются высокими темпами диахронических изменений. Сербскохорватский и болгарский языки объединяет близкое родство, но и частично совпадающие особенности фонотактического свойства, ср. отсутствие в обоих языках сочетаний "согласный + j". Можно полагать, что положение в сербскохорватском первично. Оба языка пережили после падения редуцированных вторичное смягчение в группах "согласный + j" (ср. отсутствие вторично-

го смягчения перед гласными переднего ряда), а затем болгарский утратил мягкость в независимой позиции, вследствие чего она перешла на суперсегментный уровень. Можно предполагать и обратное: мягкость была на новом этапе развития болгарского истолкована как суперсегментное явление, в результате она исчезла там, где не могла быть подобным образом истолкована. Решение подобных дилемм оказало бы большое влияние на теорию фонетической эволюции, особенно в вопросе о влиянии субстрата и суперстрата. В синхронном и контрастивном плане достаточно отметить, что при внешней близости звучания болгарские и сербскохорватские мягкие демонстрируют максимальный контраст по фонологическому содержанию - в одном языке это мягкие фонемы, в другом - фонемы, не характеризованные по признаку твердости/мягкости.

Другая родственная пара языков - русский и сербскохорватский - также весьма контрастна по фонологическому содержанию мягких согласных. В русском языке обращает на себя внимание то, что мягким может быть согласный любого места образования: губной /b'p'm'v'f/, апикальный /d't'n'/, сибиллянт /s'z'c'/, гуттуральный /k'g'ch'/, а также стоящие вне локальных рядов /r'l'/.

Следовательно, это согласные палатализованные, для них средняяязычная артикуляция является дополнительной и соотносится с основной по принципу суммирования, а не сближения. Косвенно это подтверждается также наличием у твердых согласных в той же системе дополнительной артикуляции отвердения, велярного характера (Дюрэн, 1977). Все палатализованные имеют в русском языке твердую пару. Для /c'/ роль такой пары играет /c/ (Колесов 1980). Универсальная развитость парных отношений показывает, что в русском сложилась корреляция палатализации. Исторически это произошло в результате вторичного смягчения согласных перед гласными переднего ряда и последовавшего затем падения редуцированных, создавшего для мягких сильные позиции. Позднее корреляция продолжала развиваться, втягивая в свою орбиту новые согласные фонемы. В настоящее время ею охвачена подавляющая часть русской консонантной системы, что в синхронном плане создает высокую упорядоченность последней. Оппозиции, создающие корреляцию палатализации, являются одномерными, привативными и пропорциона-

льными. Безусловная моторная трудность, например, палатализованной губной артикуляции компенсируется при таком строении системы выгодами, получаемыми от высокой степени организованности. Легкость усвоения внутренней организации, большая различительная способность консонантизма - вот черты, характеризующие современную русскую фонологическую систему. Наряду с относительно бедным вокализмом эти черты сближают ее типологически с северокавказскими языками, в которых также важную роль играют тембровые корреляции.

Тембровые корреляции, как утверждает Трубецкой (с. 152), создаются на основе какого-либо локального ряда, в нашем случае - палатального. Но сопоставление русских и сербскохорватских мягких /n' l' ě/ показывает, что включение в развитую корреляцию влияет на фонетическую характеристику фонемы и способно вывести ее из палатального (или какого-либо соответствующего) ряда. Например, рус. /l'/ явно принадлежит сейчас вместе с твердой парой к апикальному ряду. Он артикулируется поднятием кончика языка к альвеолам.

Естественно, что в корреляцию палатализации не вошел согласный /j/, для которого среднеязычное произношение является основной и единственно возможной артикуляцией.

В сербскохорватском языке мягкие согласные, как это было уже в первоначальную эпоху их появления, продолжают относиться к палатальному ряду. Количество их в настоящее время сильно уменьшилось (5 вместе с йотом: j, n', l', ě, љ'), и это не случайно, поскольку палатальный ряд обычно не относится к числу количественно развитых. Локальная природа сербскохорватских мягких почти очевидна. Они по месту образования занимают в этом языке ближайшую позицию по отношению к /j/: ближе, чем сибиллянты /s, ž/, с одной стороны, чем гуттуральные /k, g/ - с другой. По существу имеет место совпадение двух фокусов средненебного и передненебного, и говорить о двух преградах в речевом тракте нет оснований³.

Характерные оппозиции, в которые вступают сербскохорватские мягкие, ясны из следующей таблицы:

3 Тем более это верно для /j/, у которого один фокус - средненебный.

Г - стоит вне
локальных рядов

 v l z z l
 m n s s n' ch
 b d ʒ ʒ' g
 p t c c' k

Трубецкой считает (с. 147), что палатальный ряд развился в этом языке в результате "расщепления" апикального ряда, в доказательство чего приводит нейтрализации /d/ʒ/, t/c', n/n', l/l'/. Как видно из таблицы, степень организации консонантизма в сербскохорватском языке также высока, но она носит совсем другой характер, нежели в русском. Важнейшее значение здесь имеют оппозиции локальных рядов и перпендикулярные им оппозиции по звучности и/или способу образования. При расщеплении апикального ряда между рядами производными вклинились результаты расщепления другого основного ряда, сибилантного ("свистящий" и "шипящий", см. Трубецкой 1960: 147). При таком строении системы апикальная артикуляция /n', l', c', ʒ'/ уже невозможна, и соответствующие сербскохорватские звуки артикулируются спинкой языка, кончик же языка опущен за нижние зубы и в образовании резонатора не участвует.

Из четырех сравниваемых языков такая роль мягких в системе ближе всего к эстонскому языку. Положение в эстонском:

r j
 v l l'
 m n n'
 p t t' k
 s s' h

Для простоты в таблице не отражены отношения согласных по длительности и по признаку силы/слабости (напряженности/ненапряженности). Отметим при этом, что мягкие согласные в эстонском не могут быть краткими или слабыми.

Общий тип организации тот же, что в сербскохорватском языке: по горизонтали противопоставляются локальные ряды, по вертикали-серии по звучности и/или способу образования. В эстонском большую роль играет звучность. Типологической спецификой эстонского является то, что сибилантный ряд как

таковой не выделяется: оппозитивные отношения сибиланта /s/ к палатальному /s'/ и фарингальному /h/ подобны отношениям /t/ - /t'/ - /k/. Налицо ряды с губным, переднеязычным, среднеязычным и задним фокусом. Такая возможность у Трубецкого не отмечена (см. с. 143-147). Тем более отсутствует в эстонском "шипящий" ряд. Буквы š, ž и соответствующие звуки употребляются только в новых заимствованиях: žurnaall, šoko - laad, представляя собой фонетические варваризмы. Включение их в основную систему разрушило бы сложившиеся пропорциональные отношения. Поэтому многие эстонцы вопреки официальным правилам литературного произношения артикулируют на месте шипящих свистящие согласные. Ср. произношение русской фамилии Щаднева как /sʃsatneva/. Напротив, сербскохорватский легко усваивает иноязычные шипящие: džep, dak.

Этими обстоятельствами определяется возможность наличия в эстонском палатальном ряду мягких /s', t'/, что непредставимо в системе сербскохорватского консонантизма. Подведем некоторые итоги. Артикуляционная и акустическая близость мягких согласных способна затемнить тот факт, что с фонологической точки зрения они имеют в разных языках чрезвычайно разнообразный статус. Последний не связан с генетическими отношениями языков. Исторически изменяясь, фонематические системы эволюционируют с большей скоростью и радикальностью, чем произношение. Однако итог такой внутренней (скрытой) эволюции способен оказывать некоторое воздействие на артикуляцию звуков и усвоение заимствований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. III.-София, 1982.
2. Дюрэн Ж. (1977). Мягкость, твердость, йотированность. Вопросы языкознания, № 2, с. 74-86.
3. Зиндер Л. Р. (1963). Фонематическая сущность долгого палатализованного /ш':/ в русском языке. - Филологические науки, № 2, с. 137 и сл.
4. Колесов В. В. (1980). Историческая фонетика русского языка. - М., с. 156.
5. Трубецкой Н. С. (1960). Основы фонологии. - М.

POREDBENA KARAKTERISTIKA MEKIH SUGLASNIČKIH FONEMA U SRPSKOHRVATSKOM, BUGARSKOM, RUSKOM I ESTONSKOM JEZIKU

J. S. Kudrjavcev

U članku se upoređuje fonološka vrijednost (valeur) mekih suglasnika u četiri jezika, od kojih su tri srodna. Prvenstveno je razmotreno pitanje njihove mono- i bifonemnosti. Izdvajaju se sljedeće teorijske postavke: a) kriteriji mono-/bifonemnosti moraju da proizlaze iz opšte opozitivno-distributivne procedure, ne protivrječeći njenim principima; b) pitanje monofonemnosti rješava se jednoznačno, ako u datom jeziku postoji suprotstavljenost zvukova skupina zvukova (t-tʃ/ tʃti) na nivou riječi ili distributivnih modela; c) ako pomenuta opozicija ne postoji potrebno je uporediti rezultate bifonemnog rješenja sa pravilima fonotaktike datog jezika; kod postojanja ozbiljnih protivrječnosti neophodno je pretpostaviti monofonemno rješenje. Polazeći od toga, dobijamo da srpskohrvatski, ruski i estonski imaju meke suglasničke foneme. Za bugarski su moguće dvije varijante: 1) mekoća suglasnika supersegmentna odlika; 2) meki suglasnici, spoj dviju fonema. Nezavisno od izbora, mekih suglasničkih fonema u bugarskom nema. Poređenje pokazuje da srodni slovenski jezici imaju dubokih razlika u položaju mekih suglasnika u sistemu. U ruskom jeziku mekoća je odlika svih lokalnih redova, t.j. postoji korelacija palatalizacije, kod koje je mekoća dodatna odlika foneme. U srpskohrvatskom meki suglasnici čine lokalni red, palatalnost njihova osnovna artikulacija. U tom smislu, od četiri jezika najbliži srpskohrvatskom je estonski (takođe ima palatalni red). Razlike u sastavu objašnjavaju se brojem lokalnih redova. U estonskom odsustvuju piskavi i šuštavi red, pa su u palatalnom mogući /sʲ, tʲ/.

О ВНЕИМПЕРАТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ Я В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

И. П. Кюльмоя

Анализу русских глагольных форм типа: "И с жильцами *судись*, и за мужа *хлопочи*, и по хозяйству *бегай*" посвящен целый ряд работ. Тем не менее единого мнения по вопросу о статусе такого рода форм в системе русского глагола нет. Некоторые авторы считают ее омонимом (омоформой) императива, по происхождению являющейся формой аориста (Шахматов 1941:178; Стендер-Петерсен 1930), другие - формой "волеизъявительного" наклонения с яркой модальной окраской (Виноградов 1972:472). Карцевский рассматривает примеры *Пропадай моя телега! Пострел тебя возьми!* как синонимические варианты выражения опатива (*Пусть пропадет моя телега*), так как волеизъявление, соотнесенное с третьим лицом, превращается в выражение простого желания или совета (Karcevski 1927:138). Сравнивая морфологические и синтаксические признаки императива и квази-императива, Б. М. Гаспаров приходит к выводу, что они "представляют собой два различных и автономных грамматических явления" (Гаспаров 1978:67). Квази-императив не образует форму множ. числа на *-те*, которая есть у императива, не сочетается с частицей *-ка*, но сочетается со всеми формами лица и числа подлежащего, при этом в определенно-личном употреблении требует обязательной постановки подлежащего, тогда как императив обычно употребляется в односоставной конструкции; квази-императив образует безличные конструкции (*А тут за домом и загорись*), в его употреблении отсутствует видовая корреляция, ибо смена вида ведет к резкому семантическому сдвигу всей конструкции. Большинство лингвистов не выводит интересующее нас явление за рамки императива, рассматривая данные случаи как транспозицию (Karcevski 1927; Исаченко 1957), предполагая в них все же некоторую связь со значением волеизъявления (Шмелев 1961; Васильева 1969), или относя их ко вторичному, транспозиционному, непрямому употреблению (Храковский, Володин 1986). Наш сопоставительный анализ основан на положениях, изложенных в монографии В. С. Храковского и А. П.

Володина.

Эти авторы разделяют не прямые употребления императива на внутрипарадигматические и внепарадигматические. При внутрипарадигматическом не прямом употреблении "словоформа сохраняет общекатегориальное значение волеизъявления, но видоизменяет присущие ей в парадигме частные значения лица, числа и/или приобретает дополнительные значения, не свойственные словоформе при ее прямом употреблении. При этом обычно меняется непосредственное синтаксическое окружение словоформы" (Храковский, Володин 1986:227). Такое употребление имеет особенности в сопоставляемых языках, однако более интересным представляется внепарадигматическое не прямое употребление.

Специальных исследований, посвященных внеимперативному употреблению форм повелительного наклонения в эстонском языке, к сожалению, нет, за исключением отдельных замечаний и наблюдений. Сказуемое в форме 2 лица ед. ч. императива может выражать констатацию, совет или пожелание вообще, не направленные собеседнику (Mihkla 1974:462): *Vaesle anna enne maad, kus vilja kasvatada, siis alles paku talle sordivilja vbi tduhobust* (R. Roht). Отмечается, что фразы такого типа встречаются в устойчивых оборотах, особенно с глаголами *minema* (*mine tea*), *kusima*, *nagemata*, *vaatama*, *võtma*, *kaema* и др., они также широко представлены в пословицах: *Mine võta kinni see dige ots* (O.Luts); *Hakkasin otsima, otsima, aga võta näpust!* (E.Vilde). Авторы вузовского учебника по синтаксису К. Михкла и А. Валмис отмечают оптативный характер формы 3 лица императива и указывают, что данная форма может иметь значение приказа, запрета, призыва, предложения, угрозы, а также уступки, допущения (Mihkla, Valmis 1979:40). Впрочем, приоритет в привлечении внимания к особому употреблению императивных форм 3 лица ед. ч. принадлежит М. Хинту (Hint 1969:335). Статус этих форм обсуждается и в статье Х. Рятсепа (Rätsep 1971:49-53). Одно из особых употреблений императива рассмотрено в исследовании М. Эрелта о возможностях опосредствованного выражения говорящего и слушающего в эстонском языке (Erelt 1990:36). Наиболее подробному анализу подвергается эстонский императив в дипломной работе В. Раудсепп (Raudsepp 1957). Однако во всех этих исследованиях не говорится о "внеимперативности" форм повелительного на-

клонения, возможно, в силу довольно широкого определения семантики императива в эстонских грамматиках (императив может выражать приказ, запрет или желание (Valgma, Rimmel 1968:127), возможно от того, что форма 3 лица почти всегда включалась в парадигму императива и особенных споров не вызывала.

Тем не менее, сопоставление некоторых употреблений форм императива в двух языках представляется допустимым и оправданным как с точки зрения описания их семантико-типологических свойств, так и с точки зрения потребностей теории перевода и методики обучения названным языкам.

Если следовать определению, в соответствии с которым императив обозначает волеизъявление говорящего относительно выполнения/ невыполнения действия (Храковский, Володин 1986:13), то можно говорить о ряде внепарадигматических не прямых употреблений императивной формы, когда она не имеет значения волеизъявления. В. С. Храковский и А. П. Володин учитывают при классификации таких употреблений относительную синтаксическую самостоятельность / несамостоятельность конструкции с императивной формой глагола и выраженность / невыраженность в императивных формах частных значений лица и числа (Храковский, Володин 1986:234).

Обратимся к рассмотрению употреблений такого типа в русском и эстонском языках, где в ряде случаев обнаруживается ряд сходных черт.

1) Употребление русских форм 2 лица ед.ч. с оптативным значением в конструкции с именным или местоименным подлежащим 3 лица. Выражаются пожелания, осуществление которых не подконтрольно воле говорящего или другого участника желаемой ситуации (если этот участник есть): "Ну, попадись теперь кто бы ни был", - думал Ростов (Л. Толстой); *Минуй нас пуще всех печалей, / И барский гнев, и барская любовь* (А. Грибоедов).

Провались я на этом месте, отсохни язык, пропади он пропадом - императив с оптативным значением представляет типичную форму проклятий. (Храковский, Володин 1986). Форма 2 лица предпочтительнее в силу своей одноз-

начности (обладает только оптативной семантикой, тогда как форма 3 лица может иметь значения как императива, так и оптатива).

В сходной функции в эстонском языке употребляется форма 3 лица, имеющая здесь более яркую оптативность: *Põgenegu rahu sinust, selle ausa mehe, minu armsa isa kahvatunud nägu, tema karistav pilk jälgigu sind nüüd ööd ja päevad, selle plina oled sa kuhjaga ära teeninud* (E.Vilde); *Meist enimem kui kõik mured, mõõda mingi / Küll härra viha, härra armastus* (A.Gribojedov).

2) Императив 2 лица ед.ч. в оборотах *боже сохрани, упаси, избави (избави бог, упаси бог, сохрани бог)*, которые являются функциональными синонимами частицы *нет* в ответе на вопрос: Ты будешь писать жалобу? - Боже упаси = нет). Функциональное соответствие в эстонском - императивная форма 3 лица ед. ч.: *Jumal hoidku (Hoidku jumal)!*

3) Форма 2 лица ед.ч. в оборотах *черт побери (подери) возьми*, выражающих эмоциональную реакцию говорящего. В эстонском узуальной является форма 3 лица ед. ч. - *võtku* (хотя возможны и *võtaks*, как допустима форма сослагательного наклонения и в русском языке - *побрал бы*). Подобные застывшие выражения возникли в результате редукции оптативных пожеланий-проклятий, равнозначных оптативным конструкциям типа: Пусть черт возьмет тебя/его/меня (Храковский, Володин 1986:226).

Все три рассмотренные употребления имеют в эстонском языке функциональные соответствия в виде формы 3 лица, что объясняется ее преимущественно оптативным значением. Еще М. Веске (Veske 1879), К. А. Херманн (Hermann 1905) и Я.Йыгевер (Jõgever 1904) считали эту форму особым наклонением - желательным (*sooviv kõneviis*).

4) Императивы 2 лица *смотрите/смотри, глядите/гляди, скажите/скажи, подумайте/подумай*, которые выражают реакцию говорящего на сообщаемую информацию, функционально близки модальным словам. Обычно они начинают высказывание с оценкой услышанного: *Подумайте, какая глупость! Гляди-ка, чего захотела! Скажи, какая невинность!* - *Vaata, missugune on teie moraal! Mõtle ometi! "Vaata ikka vaata,"* - arvas peremees, *"Mõistab niisama mõõgida nagu meie taluvasikad"* (E.Sär-gava-Peterson).

В обоих языках императивы типа *слушай (kuule), смотри*

(*vaata*) могут выполнять функцию вокатива с целью привлечения внимания, в этом случае оттенок волеизъявления сохраняется сильнее, чем предыдущем случае: *Kuule, su pea on jälle kuum, lausub ema ja läheb esikambrisse tagasi* (O. Luts).

5) Употребление императива 2 лица ед. ч. во второй части противительной конструкции для выражения значения "реализуемого" долженствования, предписанности, вынужденности: *Хорошо, коли найдется добрый человек, а то сиди себе в девках вековечной невестой* (А. Пушкин); *Вы все ломаете, а я (мы, они) чини.* - *Poiss ajab häbematusi suust välja, papa kuuleb pealt ja mina saa tapelda* (E.Särgava-Peterson); *Mõisas elu puhas, aga meie segagu rohkem aganaid leivale! - hüüatas nüüd kubjas üsna kurjasti* (M.Metsanurk). Русские императивные формы утрачивают свое парадигматическое значение 2 лица и могут сочетаться с подлежащими в 1 и в 3 лице. Сходная ситуация наблюдается и в эстонском, где допускается еще и употребление различных императивных форм - 2 и 3 лица - в сочетании с подлежащим в 1 или 3 лице. Разновидностью такого употребления является случай, когда императивная форма обозначает действие, которое, по мнению говорящего, должен выполнять субъект (сам говорящий или группа лиц включая говорящего): *Постель жесткая, холодная, отдающая гостиницей. Воду наливай себе сам, раздевайся сам...ходи босиком по холодному полу* (А. Чехов)- *Regi liiva peal kä jööks! Kinn! ei lähe kuhugi. Muudkui vana Arnikas avitagu jälle!* (E.Särgava-Peterson); *Mina aina muretsegu teie eest. Teie eest ja teie tütre eest ka veel* (L.Kibuvits).

6) Сходно в обоих языках употребление служебных императивов *поди/те, попробуй/те - katsu (mul)*: *Замок на вид совсем простой, а попробуй открой.* - *Lukk tundub päris lihtne olevat, aga katsu (sa) avada.* После служебного императива в русском языке глагол может быть представлен как формой императива, так и инфинитива (открыть), в эстонском предпочтительнее инфинитив на *-da*.

7) Императив 2 лица ед. ч., употребленный для выражения значения неприемлемости выполнения действия, которое предписывается, -- так наз. "вольное цитирование" (Васильева 1969:41): *Она мне велит не беспокоиться. Как это я не беспокоюсь, когда... - Lonni, Lonni taltsuta end natukene, ise noor inimepe!* *Mina taltsuta end...mina taltsuta, kui sina mammale liiga teed; "Oo! - või sõb niisama?" vastas ta kurjalt, "või sõb niisama!"* (E.Särgava-Pe-

terson).

Употребление императива 2 лица для выражения потенциального следствия из реальной ситуации: *Наше дело прокукарекать, а там хоть и не рассветай* (В. Богомолов); *Зимой как завост во всех печах да трубах, да кольцо на крыльце забрякает - хоть с ума сходи* (Ф. Абрамов). Примером из эстонского художественного текста мы не располагаем, но последняя фраза, по-видимому, допускает перевод: *Kui talvel tuul ulub kõikides korstnates (...), mine või hulluks.*

9) Употребление императива 2 лица ед. ч. в условном значении (в придаточной части условного предложения): *Не почитай она себя при смерти, - не подумала бы она обо мне* (И. Тургенев). - *Pane sellele hall parukas pähe ja rauk ongi valmis* (E. Krusten); *Aga võta vaev käest, siis see päris häda alles hakkab* (F. Tuglas).

Русская императивная форма может употребляться в данном значении независимо от типа условных отношений (ирреальное условие, потенциальное условие). В эстонском языке императивная форма ограничена в своем употреблении выражением только потенциального условия.

10) Употребление императива 2 лица ед. ч. в придаточной части уступительного предложения: *И как уж потом не хитри, не облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за нземную плату от древнекняжеского рода, - ничто не поможет* (Н. Гоголь). - *Maksku ta kasvõi 5 penni, mul ei ole raha* (E. Särgava-Peterson); *Sadu, tulgu siis lund või vihma, ei võinud kaugel olla* (A. Hint).

К особенностям русского языка по сравнению с эстонским относятся следующие употребления императива 2 лица ед. ч.:

а) в значении прохибитива (реально совершившееся действие не должно было иметь места в прошлом и не должно повторяться в будущем): *Пропал наш квартирант, - радостно говорил дворник Никита Пряхин. ... - Пропал, миленький. А не летай, не летай. Человек ходить должен, а не летать* (И. Ильф и Е. Петров).

б) во второй части противительной конструкции вместе с частицей *знай* или местоимением себе в функции частицы: *Кругом ни зги не видно, а он знай себе беги.*

в) так наз. "драматический императив", выражающий значение неожиданности действия: *Ведь узнала барыня Ма-*

трени и меня узнала старая, да жалобу на меня и подай (И. Тургенев). Формальным показателем неожиданности в таких примерах является частица *и*. Императив может быть только совершенного вида, он как бы выполняет функцию индикатива.

Императив в качестве функционального эквивалента индикатива отмечен и в эстонском языке, однако здесь у него нет значения неожиданности, как в русском. М. Эрелт считает, что с таким индикативным значением мы имеем дело в примере типа: *Tee tööd ja nde vaeva, aga kasu ei mingit. Tõused üles koos päikesega, lüpsad lehmad, saadad karja välja, ajad sead koplisse, teed perele toidu ja viid selle heinamaale järele* (А.Н. Таммсааре). Говорящий как бы приписывает свои действия слушающему.

При сборе материала нам встретилась не совсем обычная конструкция с *eks*, которая чаще всего выражает предложение, пожелание, а также разрешение, угрозу, безразличие. Представляется, однако, что здесь эти значения не реализуются: *Eks vanamees astu, tules kaugelt laadalt ja sõites Tullenga kirikumõisast mõõda, kord poja poole sisse* (Е. Вилде). Может быть, это следует отнести к авторским грамматическим окказионализмам. Во всяком случае, примеры такого типа нам больше не встретились в целом, по-видимому, функция индикатива для эстонского императива менее характерна, чем для русского.

В качестве специфических значений форм эстонского императива можно отметить следующие:

а) для формы 3 лица глагола *olema*, реализуемой обычно в прямой речи: *Olgu sul seks ajaks salm koos; Retnikul olgu õigus ilma lisamaksuta Vatla, Ruusna ja Kaugatoma lahes kala püüda* (А. Хинт). В. Раудсепп считает, что здесь мы имеем дело с категорическим приказом, требованием, предписанием (Raudsepp 1957:83). Однако на русский язык такие высказывания императивом перевести невозможно: *К этому времени стихотворение чтоб было готово! Арендатор должен иметь право...* Русский императив в таких случаях оказывается недостаточно "категоричным".

б) форма 3 лица может употребляться вместо формы 2 лица в прямой речи для подчеркивания (большой) разницы в социальном положении говорящего и собеседника: *Ruuda Jakob võttis rutusti sõna: Väga õige, tulime paluma, et härra teeks õigust. Kubjas tahab ülekohut' teha, härra tehku õigust* (М. Метсанурк).

в) по наблюдению В. Раудсепп и А. Адманн (Адманн 1975:78), эстонская императивная форма 3 лица является основ-

ной формой, служащей для передачи косвенной речи: *Käratas, et kohelgu vana Kikerpill teada viisakamalt, tema olevat entelligent inimene (justkui sõimusõna!)* (F.Tuglas). В этой функции, правда, может выступать и форма 3 лица русского императива (*пусть обращается повежливее*), но более частотным соответствием является конструкция с союзом *чтобы*: *Рявкнул, чтобы старый Кикерпилль обращался с ним повежливее, он-человек интеллигентный..*

Специфичным является употребление названной формы в эстонском языке для передачи несобственно-прямой речи в высказывании: *Vasja vahib järgmist talumeest. Ja Tõnu neid mõlema. Proovigu nad valetada! Vangid, raisad, on teada* (A.Saar). На первый взгляд русским соответствием является *Пусть попробуют*, но это лишь кажущееся соответствие; эстонская форма 2 лица допускает сочетаемость с подлежащим и в 1, и во 2 лице, тогда как в русском это оказывается невозможным. Т. е. в русском переводе мы получаем не квази-императив, а императив в своем прямом употреблении. Такой тип употребления императива, по-видимому, заслуживает более пристального внимания.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Васильева А. Н. (1969) *Глагол в разговорной речи. - Русский язык за рубежом*, No 3.
- 2) Виноградов В. В. (1972) *Русский язык* - М.: Высшая школа.
- 3) Гаспаров Б. М. (1978) *Аспектуальные значения неопределенно-предикцируемых предложений в русском языке*. - Ученые записки ТартуГУ, вып.439, Тарту.
- 4) Исаченко А. В. (1957) *К вопросу об императиве в русском языке*. - Русский язык в школе, No 6.
- 5) Стендер-Петерсен А. И. (1930) *О пержиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском*. - Акта ет комментатионес университетатис Тартуенсис. "Хуманиора", No 18.
- 6) Храковский В. С., Володин А. П. (1986) *Семантика и типология императива. Русский императив*. - Л.: Наука.
- 7) Шахматов А. А. (1941) *Синтаксис русского языка*. - Л.: Учпедгиз.

8) Шмелев Д. Н. (1961) *Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке*. - Русский язык в школе, No 5.

9) Admann A. (1975) *Otsese ja kaudse kõne segavormidest eesti kirjakeeles*. - Emakeele Seltsi Aastaraamat, № 21.

10) Ereht M. (1990) *Kõneleja ja kuulaja kaudse väljendamise võimalusi eesti keeles*. - Keel ja Kirjandus, 1.

11) Hermann K. A. (1905) *Eesti keele grammatik*. - Tartu.

12) Illint M. (1969) *Eesti grammatikakirjanduse põhimõttelised ja konkreetsed probleemid*. - Keel ja Kirjandus, 6.

13) Jõgeve J. (1904) *Eesti keele õpetus koolidele ja iseõppijatele*. - Tartu.

14) Karcevski S. (1927) *Système du verbe russe*. - Parye.

15) Mihkla K., Rannut L., Riikoja E., Admann A. (1974) *Eesti keele lauseõpetuse põhijooned. I* - Tallinn.

16) Mihkla K., Valmis A. (1979) *Eesti keele süntaks kõrgkoolidele*. - Tallinn.

17) Raudsepp V. (1957) *Käskiv kõneviis ja käsu-keelu väljendamine käesoleva sajandi eesti kirjakeeles*. (Диплом, раб). - Tartu TRÜ.

18) Rätsep H. (1971) *Kas kaudne kõneviis on kõneviis? Verbivormide situatsioonianalüüsi*. - Keel ja struktuur, 5, Tartu.

19) Valgma J., Rimmel N. (1968) *Eesti keele grammatika*. - Tallinn.

20) Veske M. (1879) *Eesti keele healte õpetus ja kirjutuse viis*. - Tartu.

O VANIMPERATIVNOJ UPOTREBI OBLIKA ZAPOVJEDNOG NAČINA U RUSKOM I ESTONSKOM JEZIKU

Irina P. Külmoja

Članak je posvećen kontrastivnom razmatranju upotrebe imperativa. U posebnim uslovima konteksta forma imperativa može da gubi značenje izražavanja volje i da dobija niz drugih značenja. Takvo funkcionisanje forme imperativa u ruskom jeziku istraživali su mnogi autori, ali u odnosu na estonski jezik i na kontrastivnom planu slične analize nisu radene. U članku je pokazana slična upotreba u dva jezika, a takođe su utvrđeni slučajevi koji su specifični kako za ruski tako i za estonski jezik.

ВРЕМЕННЫЕ ФУНКЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

С. Б. Мельцер

Вопрос о временной характеристике причастий, являясь частью более общей проблемы употребления глагольного времени, одновременно представляется и одним из самых важных аспектов в изучении функционирования эстонских и русских партиципов.

В обоих сопоставляемых языках причастие как часть речи имеет свойства глагола и прилагательного, причем качественность как свойство прилагательного вневременна. Категория времени может быть лишь синтаксически вовлечена в круг значений прилагательного. В причастии сохранились такие грамматические глагольные признаки, как время, вид и залог. Значение признака, таким образом, сталкивается со значением действия-процесса. Особенно далеко зашел процесс окачествления страдательных причастий (СП). Вместе с тем А.А. Шахматов, например, отмечал, что современный русский язык унаследовал предикативное употребление древнерусских причастий на -л: причастия эти стали означать формы прошедшего времени и вытеснили как древний аорист, так и давнопрошедшее время (Шахматов 1941: 290). Подчеркивается также, что причастия настоящего и прошедшего времени действительного залога - это исключительно глагольные прилагательные, названия глагольных признаков с сопутствующим атрибутивным значением; причастия без -ся наиболее сильно сохраняют свою глагольность в формах на -вший, в этих формах остро ощущается отношение к прошедшему времени. Глагольные значения очень сильно дают о себе знать в причастиях на -вший даже от глаголов с непереходным значением и притом не осложненных видовыми приставками и суффиксами. Причастия на -щий сами по себе ни на прошедшее, ни на будущее время указывать не могут, они обозначают лишь наличный процессуальный признак (*читающий, пишущий*). Соотносительно с причастиями на -вший их значение кажется значением настоящего времени.

На особый характер причастного атрибута указывал А.А. Потебня, подчеркивая предикативность признака, выражаемого причастием, отмечая потенциальную расчлененность конструкции "причастие+ существительное", в отличие от нерасчлененности чисто атрибутивного словосочетания "прилагательное + существительное" (Потебня 1956:49). Таким образом, одна часть причастий больше подвержена адъективизации, другая - вербализации.

В связи с развитием функциональной грамматики появилась возможность по-новому взглянуть на синтаксические функции действительных причастий (ДП), как правило, отождествляемые с синтаксическими функциями прилагательного. В данной статье мы предпримем попытку исследовать, какой из этих процессов более характерен для ДП настоящего и прошедшего времени, а затем сравним, как эти свойства рассматриваемой части речи проецируются на эстонский язык.

Специфика русской категории времени состоит в выраженности временной локализованности действия по отношению к моменту речи (абсолютное время) или к другой какой-либо точке (относительное время). Для определения относительно времени проявления действия русский язык использует формы абсолютного времени, обычная синтаксическая область относительного употребления времени - это изъяснительно-придаточные предложения и их эквиваленты (Лопатин, Милославский, Шелякин 1989:160). Причастия обладают формами настоящего и прошедшего времени, не имея форм будущего времени. В целом они повторяют функции временных форм личных глаголов, т. е. могут употребляться для выражения как абсолютного, так и относительного времени в одинаковых частных временных значениях. Временные формы причастий постоянны в своих темпоральных функциях: форма прошедшего времени причастий всегда обозначает предшествующее действие по отношению к моменту речи или к моменту другого действия, а форма настоящего времени - одновременное действие.

В эстонском языке причастие также является отглагольной формой, сохраняющей ряд основных признаков глагола, но приобретающей дополнительно признаки прилагательного: ДП наст. *читающий* - *lugev*, прош. несов. *читавший*, сов. *прочитавший* - *lugenu*; СП наст. *читаемый* - *loetav*, прош. сов.

прочитанный - loetud.

Глаголы сов. вида не имеют ни действительных, ни страдательных причастий настоящего времени, вследствие чего языковое мышление начинает отождествлять само понятие о СП прошедшего времени с совершенностью.

Следует отметить, что система временных форм глагола в эстонском языке имеет более дифференцированный характер, чем в русском: вместо трехчленной темпоральной оппозиции в русском языке мы имеем пятичленную в эстонском: соответствующие по функциональному диапазону настоящее (*olevik*) и будущее (*tulevik*) времена - и прошедшее (*minevik*), выражающееся в трех различных формах: имперфект (*lihtminevik*), перфект (*täis-minevik*) и плюсквамперфект (*enneminevik*). Исходя из этого, можно предположить, что на изменение временных отношений между предикациями эстонский язык будет реагировать несколько иначе, чем русский.

Рассматривая временной аспект таксисных¹ отношений между предикатами, Н. М. Лисина замечает, что "отличительной чертой зависимого причастного предиката является отсутствие непосредственной синтаксической связи с главным предикатом, характер отношений между ними устанавливается на основе логического анализа текстовой ситуации и знания внеязыковой действительности" (Лисина 1987:8). Причастные конструкции функционируют в сфере зависимого таксиса, выражая таксисные значения одновременности и следования, причем выделяются сильный и слабый варианты таксисной ситуации. Под сильным вариантом подразумевается такое употребление причастной конструкции, когда с ее помощью передается сообщение о действии, связанном с главным предикатом хронологически. Слабым же вариантом считается употребление причастной конструкции в таких коммуникативных функциях, при выполнении которых хронологические от-

1 Таксис понимается как категория, характеризующая действие, обозначенное предикатом, с точки зрения его соотношения с другим упоминаемым в данном высказывании или подразумеваемым действием, причем имеется в виду не только хронологическое соотношение (одновременность - предшествование - следование), но также и противопоставление второстепенного действия главному (Якобсон 1972:101-108).

ношения между главным и зависимым причастным предикатом имеют место, но лишь сопутствуют основному сообщению, а не находятся в центре внимания говорящего. По Н. М. Лисиной, можно выделить три основные позиции по отношению к главному предикату: 1) ДП как средство выражения полной или частичной одновременности действий, причем каждая из них представлена в сильном и слабом вариантах; 2) ДП как средство выражения отношений последовательности в двух разновидностях - предшествования и следования, тоже существующих в обоих вариантах; 3) условия нейтрализации таксисных значений ДП. Помимо перечисленных, существуют конструкции, в которых ДП не вступают в таксисные отношения с главным предикатом, например: *Однажды в богатом наборе ее улыбок мелькнуло нечто, заставившее меня подойти.* (Ю. Нагибин); *Это завещание будто бы привез в Липки сопровождавший барина в ссылку слуга по фамилии Кашин.* (И. Стрелкова). Эти примеры, а также условия, при которых ДП функционируют с атрибутивным значением - в основном при выполнении описательной функции, хотя она и является одной из наиболее употребляемых среди коммуникативных функций причастий, - в данной статье рассматриваться не будут, так как для нас представляют интерес прежде всего временные функции ДП. Каким образом перечисленные условия их функционирования реализуются в аналогичных конструкциях на эстонском языке и насколько различаются или совпадают механизмы их передачи?

Проблемы, касающиеся семантики и структуры поля таксиса, к настоящему времени изучены достаточно глубоко (Якобсон 1972:101-108; Маслов 1978: 4 - 44; Бондарко 1987: 234 - 319; Кюльмоя 1988: 24 - 36; и др.), но в данном случае нас интересует, какую роль играет эта категория в причастных конструкциях в русском и эстонском языках и насколько обоснованным является выделение сильного и слабого таксиса в рассматриваемых выражениях.

1) Позиция ДП по отношению к главному предикату, при которой наблюдается совмещенность фактов в рамках целостной ситуации, сообщается о совпадающих по времени действиях: *И бойцы, вповалку спавшие рядом и дежурившие у входа, тоже не знали и не могли знать, сколько дней отпущено каждому из них* (Б. Васильев). - *Sõdurid magades kõrvuti ja valvates*

sissekäigu juures ei teadnud samuti ega ei võinudki teada, palju päevi on antud igapähele neist; Приезжающие сюда туристы понимают, что рассчитывать на хорошие условия проживания не приходится. - *Süa sisse sõitnud puhkajad saavad suurepäraselt aru, et pole mõtet loota hehdele tingimustele.*

Приведем примеры, в которых таксисная ситуация представлена в слабом варианте, когда информация об одновременности действий сопутствует основной части сообщения - описанию больного человека, запаха кофе: *Больной человек, обостренно все чувствующий, из подростка в старушку перешедшая мать старалась искупить вину терпением и старанием в работе.* (В. Астафьев), - *Naige ja kõige suhtes ülitundlik inimene, plikakesest vanaeideks varisenud ema püüdis oma süüd kannatlikkuse ja tööga lunastada; И женщины пьют кофе, ненатуральный, разумеется, без цикория, пахнущий размокшей сосновой доской, но очень горячий и с сахаром.*

(Ю. Трифонов) - *Naised joovad kohvi, loomulikult, mitte naturalset, ilma sigurita, liginenud männilaua järgi lõhnavat; kuid väga kuum, suhkruga.*

При частичной одновременности действия совпадают только на каком-то отрезке их длительности: *Застыл среди горницы командор, глядя на дочку, лежавшую на чистом покрывале, в измятой, рваной и грязной форме.* (В. Астафьев) - *Kommodoora jäi nagu soolasammas kesk kambrit seisma, silmates tütar, kes lamab puhtal katel, seljas kortsus, rebinenud koolikleit; Незнакомый человек приблизился к осетру бунтующему, прижал его сапогом, взялся мерить четвертями.* (В. Астафьев) - *Võõras mees astus mässava tuura juurde, vajutas selle saapaga vastu maad ja hakkas teda vaksaga mõõtma.*

Это сильный вариант таксиса, потому что основная коммуникативная задача высказывания - сообщить о двух совпавших по времени событиях. При слабом таксисе, когда коммуникативной функцией причастной конструкции является описание, хронологические отношения между главным и зависимым причастным предикатом имеют сопутствующее значение: *Вдали, как мираж, клубится Палермо. За ним лазурь моря, смыкающегося на горизонте с куполом неба.* - *Kauguses, kui miraaž rullub Palermo. Tema taga taevavõlviga horisondil kokkusulav meresina.*

Из приведенных примеров видно, что в конструкциях с

сильным таксисом эстонский язык использует аналогичные формы причастия, другие отглагольные части речи (депричастие) или личные формы глагола - словоформы, которые выражают или обладают потенциальной возможностью выразить временные отношения между главным и второстепенным предикатами. В выражениях же со слабым таксисом в эстонском языке выступает либо причастие, либо прилагательное, поскольку указание на темпоральную отнесенность не является в данных случаях существенным.

2) ДП выражает отношения последовательности в двух разновидностях - предшествования и следования - в следующих ситуациях с сильным таксисом: *Она из-за козы, сломавшей ногу, в эти дни сидела дома.* (Ф. Абрамов) - *Ta istus jala murdnud kaise pärast kodus*; *Ты бы чем подрастающему поколению разгон давать, сестре своей приструнку дал.* (Ф. Абрамов) - *Selle asemel, et kasvavat põlvkonda utsitada, kutsu parem oma õde korrale.*

В ситуациях со слабым таксисом временные отношения не имеют решающего значения: *Ведь в наше время титул "инженер" обесценен; всякая девчонка, окончившая институт, называется инженером, а сама не может гайку от втулки отличить.* (И. Грекова) - *Kuid meie ajal pole "inseneri" tiitlit mingit väärtust; iga lõpetanud ülikooli plika kannab inseneri nime, suutmata eraldada mutrit tapist.*

Аналогичную картину дают предложения со значением следования: *Летом к соседке приехал сын, уладивший все ее дела.* (сильный таксис) - *Suvel naabrinaise juurde sõitis ta poeg, kes korraldas kõik asjad*; *Он крутился возле неподвижного тела, поднимая снежную пыль, серебрившуюся под лучами фонаря.* (Г. Семар) (слабый таксис) - *Ta keerles liikumatu keha ümber, tõstes õhku lumetolmu, laterna valguse käes helendavat.*

В данной группе конструкций предикативная функция причастия наиболее полно реализуется в ситуации зависимого таксиса, т. е. при наличии временной соотносительности причастного предиката с глагольным предикатом высказывания, и в русском, и в эстонском языках, причем эстонский язык реагирует на это выбором, наряду с причастием, более вербализованных частей речи.

Наконец, при условии нейтрализации таксисных значений одновременность и последовательность действий не

различаются. Приведенные ниже примеры при наличии таксисной ситуации не дают возможности определить характер временной соотнесенности между главным и зависимым причастным предикатами: *В шагнувшем к нему навстречу невысоком человеке он узнал вчерашнего посетителя.* - *Talle vastu astunud lühikest kasvu inimeses tundis ta ära eilse küllalise;* *Царившая в доме тишина больше не пугала его.* - *Majas valitsev vaikus teda enam ei kohutanudki.*

Эстонский язык реагирует на это своими средствами: при переводе предпочтение отдается причастной форме, по темпоральной выраженности не всегда совпадающей с русскоязычным вариантом. Например, в двух последних предложениях вместо ДП прошедшего времени в русском языке употребляется ДП настоящего времени в эстонском.

Все вышеизложенное позволяет говорить о функциональном единстве ДП и спрягаемых форм глагола в обоих сопоставляемых языках, хотя при определенных условиях эти причастия приобретают значение атрибута. Наиболее благоприятной для реализации предикативной функции ДП является ситуация зависимого таксиса, причем эстонский язык реагирует на темпоральную соотнесенность главного и зависимого предикатов, используя при переводе эквивалентную форму причастия, деепричастие или личную форму глагола. В условиях же слабого таксиса, когда временная зависимость не играет столь важной роли, при переводе на эстонский язык в большинстве случаев употребляются прилагательные или причастия в той же форме, что и на русском языке. При нейтрализации таксисных значений соответствующие формы причастий выбираются произвольно, поскольку характер временной соотнесенности между главным и зависимым причастным предикатами не всегда оказывается возможным определить.

Таким образом, действительные причастия в обоих сопоставляемых языках выполняют и предикативную, и адъективную функции, что зависит от контекстуальных условий. В первом случае представляется обоснованным деление таксисных отношений на сильные и слабые в выражениях, содержащих причастные конструкции, что особенно наглядно проявляется при анализе материала на эстонском языке, который во многих случаях дифференцирует средства презентации

этих зависимостей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. (1987) - *Теория функциональной грамматики*. - Л.: Наука.
2. Кюльмяя И. П. (1988) *Об одном типе кратного таксиса в современном русском языке*. - Ученые записки Тарту ГУ, вып. 825, Тарту, с. 24-36.
3. Лисина Н. М. (1987) *Функциональная характеристика действительных причастий в современном русском литературном языке*: Автореф. канд. дисс. - Л., 16 с.
4. Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. (1989) *Современный русский язык. Теоретический курс*. - М.: Рус. язык.
5. Маслов Ю. С. (1978) *К основаниям сопоставительной аспектологии*. - Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., с. 4-44.
6. Потебня А. А. (1956) *Из записок по русской грамматике*. Т. 1-2. - М., 536 с.
7. Шахматов А. А. (1941) *Синтаксис русского языка*. 2-е изд. Л., 620 с.
8. Якобсон Р. О. (1972) *Шифтеры, глагольные категории и русский глагол*. - Принципы типологического анализа языков различного строя. М., с. 95-113.
9. Uuspõld E. (1978) *Atributiivsete partitsiip - konstruktsioonide eitavad vasted*. - Keel ja struktuur, Tallinn, N 10.
10. Valgma J., Rimmel N. (1968) *Eesti keele grammatika*. - Tallinn: Valgus, 439 lk.

VREMENSKE FUNKCIJE AKTIVNIH PARTICIPA U RUSKOM I ESTONSKOM JEZIKU

Svetlana B. Meljcer

U članku se razmatra pitanje vremenske karakteristike participa kao jedne od varijanti taksisa. Participske su konstrukcije periferna komponenta taksisnih odnosa, ali je taksis ipak relevantan za konstrukcije sa glavnim i zavisnim

participeskim predikatom. Izdvajaju se pojmovi slabog i jakog taksisa, interpretiraju se podaci koji su dobijeni putem kontrastivne analize građe estonskog i ruskog jezika.

Može se govoriti o funkcionalnom podudaranju aktivnih participa i finitnih glagolskih oblika u oba jezika. Za realizaciju predikatske funkcije aktivnih participa najpogodnija je situacija jakog taksisa, pri čemu estonski jezik u mnogim slučajevima ima diferencirana sredstva za izražavanje jakih i slabih taksisnih odnosa.

РУССКИЕ БЕЗГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДРУГОГО ЯЗЫКА

В. П. Щаднева

Несмотря на то, что проблемам эллиптических предложений посвящена большая литература, написанная в разное время и на материале различных языков, эллипсис остается поистине "вечным" вопросом грамматики. Причины актуальности проблемы заключаются, с одной стороны, в необыкновенном разнообразии конкретных проявлений эллипсиса, с другой стороны, в его исключительной полифункциональности. Исследования эллиптических конструкций разных языков дают достаточно оснований считать данный феномен специфической лингвистической универсалией, проявляющейся в существовании как идентичных, так и национально своеобразных структур. Национальное своеобразие языковых явлений, разумеется, отчетливо выявляется в контрастивных исследованиях. Наблюдающееся в последние годы обращение европейских славистов к проблематике славянского эллипсиса именно в контрастивных исследованиях (см., например: Sedláček 1988: 378-388) вселяет надежду, что такие исследования, кроме прикладного, будут иметь и теоретическое значение, способствуя уточнению ряда спорных моментов. Не менее ценными в этом плане могут оказаться и результаты сопоставительного анализа эллиптических конструкций в неродственных языках. И хотя очевидно, что факты одного языка недопустимо оценивать, отгалкиваясь исключительно от фактов другого языка, тем не менее осмысление последних позволяет критически взглянуть на некоторые закрепившиеся (в частности, в русистике) стереотипы.

В области эллипсиса это в первую очередь относится к тем теоретическим положениям, которые касаются ряда русских безглагольных структур типа: *Я домой; Я в магазин; Ты из порта?; Ты куда?; Вы ко мне?; Он в сад; Он в окно* и т.п. В противовес традиционному синтаксису, рассматривающему подобные конструкции как один из видов неполноты, в русистике последних десятилетий эти конструкции чаще всего квалифицируются как особые безглагольные полные предложения (в дальнейшем - БП), якобы обладающие само-

стоятельными структурными схемами, а следовательно, и не имеющие полноструктурных соответствий с вербализованным глаголом. Подобный подход становится своего рода аксиомой, тиражируемой в различных учебных и научных изданиях.

Присвоение БП статуса самостоятельного структурного типа вытекает из представления о том, что БП обладают абсолютной семантической автономностью. Однако их семантическая автономность в значительной степени является иллюзией, поскольку способность БП выполнять коммуникативную функцию еще не означает абсолютной пригодности БП к выполнению номинативной функции. Понимание предложения как составной номинации события предполагает наличие в структуре предложения, в первую очередь, лексемы с процессуальным значением. Такой неразрывно связанной с понятием "событие" лексемой является, в первую очередь, вербум финитум. В этом и проявляется связь вербоцентрической теории с объективной действительностью. В то же время признание вербоцентрической теории совсем не означает, что в потоке речи любое предложение обязательно должно иметь в своем составе вербализованный глагол: в силу разных причин как собственно синтагматического, так и прагматического характера он может замещаться "нулем". Однако в реальной устной и письменной речи дискурс¹, хотя и не всегда в явной форме, обычно содержит разного рода индикаторы того, что процесс (действие, событие) имеет место. Систематизация таких прагматических и синтагматических "подсказок" заслуживает особого анализа, поэтому в рамках данной статьи они рассматриваться не будут.

Хотя значение дискурса никто не отрицает, но и в традиционном структурном, и в современном функциональном синтаксисе структура изучается в первую очередь имманентно

1 Под дискурсом в данной работе понимаются не только те сведения, которые для дешифровки смысла синтаксической единицы предоставляет письменный контекст, но и те, которые подсказываются реальной ситуацией общения и возможной апперцепционной базой, а также комплексом всех этих сведений одновременно.

(для этого, конечно, имеются определенные основания). Связи с окружением, с дискурсом обычно просто декларируются². Сказанное относится и к БП. Правда, в последние годы стали появляться работы, акцентирующие внимание на зависимости БП, точнее его грамматической семантики, от дискурса (Сквородников 1984: 21-30), но пока подобные исследования единичны.

К сожалению, в пределах данной исследовательской сферы сложилась традиция опираться исключительно на языковую компетенцию носителей русского языка, что, в общем-то, естественно и объяснимо. Между тем прагматическую многозначность русских БП гораздо четче осознают иноязычные информанты, которые, в силу национальной специфики родного языка, бывают вынуждены на практике учитывать дискурсивные связи того или иного реального русского БП для того, чтобы адекватно интерпретировать его смысл при переводе на русский язык.

Например, по наблюдениям англоязычного лингвиста Э. Рич (Рич 1984:85-88), по-английски нельзя сказать *Я домой*, то есть нельзя использовать безглагольную структуру. В русских конструкциях типа *Он домой* для носителя другого языка, как считает Э. Адриан (Адриан 1985: 529-534), может содержаться сигнал пропуска не только глагола *идти*, но и *звонить*, *писать* и т.п., что и подтверждается практикой реального общения.

Сходная с английским языком ситуация наблюдается и в эстонском языке, в котором аналогичные русским безглагольные конструкции обычно не имеют места, хотя и не исключены совсем. Это означает, что в процессе восприятия русского БП эстонец, как правило, вынужден его "оглаголить", поскольку это необходимо для адекватной передачи исходного смысла по законам эстонской грамматики. Поэтому перевод БП осуществляется глагольными эстонскими предложениями, коль скоро исходный событийный смысл, по словам информантов, становится понятным лишь в полноструктурных синтаксических единицах. Приведем пример: *С малых лет она матери помогала и по дому, и в огороде. Мать по воду - и она с ней; мать с ведрами, Верочка - с кувшином.*

2 В данном случае имеется в виду синтаксис самого предложения, а не синтаксис текста.

А) Буквальный перевод, сделанный студенткой-дипломницей: *Juba noorest east aitas ta ema - nii kodutõõdes kui aias. Lâheb ema vee järele - lâheb ka tema emaga kaasa; ema lâheb ambritega, Veerake - kannuga*; Б) литературный перевод, сделанный преподавателем вуза: *Juba päris väikese lapsena aitas ta ema - nii kodutõõdes kui aias. Ema lâheb vett tooma - tema kõnnib kaasa; ema lâheb ambritega, Veerake kannuga.*

В каких же случаях наблюдается названное выше различие между русским и эстонским языком? При каких условиях эстонский язык допускает БП, а при каких - нет? Предварительные наблюдения над материалом, собранным по принципу сплошной выборки, не позволили выявить закономерностей появления БП в эстонском языке, то есть поставленная задача оказалась сложнее, чем казалось вначале. Во-первых, систематизации языкового материала явно препятствовало различное лексическое наполнение переводимых с русского БП (и в плане вербализации рематического компонента, и в плане качественной и количественной вербализации разных распространителей синтаксического ядра БП). Во-вторых, при сплошной выборке, разумеется, фиксирующей отдельные типичные проявления и БП, и самого дискурса, избежать случайности все-таки не представляется возможным: в силу использования безглагольных структур преимущественно в устной форме речи сплошная выборка не позволяет охватить весь спектр безглагольных конструкций, поскольку уже сами разновидности дискурса она фиксирует эпизодически.

В значительной мере избежать случайностей можно благодаря лингвистическому эксперименту, точнее, сопоставление описательных данных с экспериментальными в большей степени, как представляется, способно отразить истинное положение дел.

Объектом лингвистического эксперимента целесообразно было выбрать преимущественно минимально распространен-

ные безглагольные конструкции с одним и тем же рematicким компонентом, который был бы достаточно актуален для носителей русского языка и при этом входил бы в состав наиболее типичных русских БП со значением перемещения в пространстве, например, "в центр"³: *Я в центр; Ты в центр?* и т. п. В ходе эксперимента была сделана попытка подобрать для подобных БП как можно более широкий круг возможных контекстов и ситуаций, которые были бы актуальны, обычны, типичны для русских, а затем - после перевода БП на эстонский язык - определить зависимость специфики перевода от сведений, предоставляемых дискурсом, и систематизировать результаты.

Подбор различных контекстов и ситуаций, которые в достаточном объеме отражали бы типичные условия функционирования БП со словоформой "центр", осуществлялся самим автором данной статьи. При этом автор опирался прежде всего на личные записи устной речи окружающих. Но для реализации поставленной задачи учитывались также наблюдения над художественной и публицистической речью и частично - над зафиксированными в научной литературе записями разговорной речи (частично, поскольку таких записей пока еще недостаточно). Переводили же БП студенты-русисты эстонской группы (второй курс). Затем точность перевода проверялась также преподавателями с родным эстонским языком⁴.

Заметим, что на минимально распространенные БП со значением перемещения выбор пал не случайно: именно такие предложения обычно приводятся для доказательства динамичности и экспрессивности самой безглагольной структуры, чуть ли не ее структурной схемы. Используя примеры типа ставшего уже классическим в работах по русскому эллипсису

-
- 3 Лексема "центр" обладает следующими наиболее типичными значениями: 1) "центр" как средняя часть чего-нибудь (центр поселка, города, зала, стола и т.д.); 2) "центр" как административная единица на определенной территории (центр района, области, республики, страны). Эти значения легко определяются в дискурсе.
 - 4 Особую благодарность за помощь хотелось бы выразить доценту кафедры методики преподавания русского языка Тартуского университета Хелле Виссак.

предложения *Татьяна в лес, медведь за нею*, сторонники названной точки зрения не принимают во внимание того обстоятельства, что и им самим, и их читателям эта пушкинская строка знакома, по крайней мере, со школьной скамьи, так же как более или менее известна им и специфика предшествующего контекста. А знание условий употребления не может не влиять на оценку смысла этого и подобных ему примеров. Иное дело - обычные предложения типа *Я (ты, он) в центр*.

Прежде чем говорить о результатах сопоставительного анализа, приведем примеры, которые сгруппированы по прагматическим типам синтаксических единиц. В круглых скобках даются варианты эстонских переводов, а иногда и русских предложений. Эстонский глагол, появляющийся на месте русского "нуля", подчеркнут, а после эстонского предложения дается перевод (по возможности, точный) эстонского глагола на русский язык. Заметим, что в переводах эстонских глаголов отражается специфика исходного смысла русского БП, связанная с характером перемещения (действия): *идти, бежать, ехать, мчаться, ставить* и др.

I. Повествовательные неотчетливые реплики сообщаемого, которые имеют информирующий характер (в незэмоциональной диалогической речи):

1. Приятельницы встречаются на улице после отпуска: - *Может, зайдем в кафе, расскажешь, как съездила? - Не могу сейчас. Я в центр, дела разные. А потом в садик надо; Võib-olla läheks kohvikusse, räägiksid kuidas läks? - Praegu ei saa. Ma lähen (kesk)linna, mul on tegemist. Aga pärast on vaja lasteaeda minna* (иду).

2. Мужчина на бегу бросает своему знакомому, который пытается с ним заговорить: - *Извини, я в центр, а то магазин скоро закроют; - Vabanda, ma jooksen (torman, kiirustan) (kesk)linna, varsti suletakse kauplus* (бегу, мчусь, спешу).

3. Садящийся в машину владелец автомобиля вышедшему из подъезда соседу: *Я в центр. Подвезти?; Ma sõidan (kesk)linna. Tuled kaasa? (Kas tuled ka?)* (еду).

4. Из разговора сослуживцев: - *Ты на три-четыре дня меня заменишь, а я - в центр; - Sa asendad mind kolm-neli päeva, ma lähen keskusesse (olen keskuses)* (поеду в центр; буду в центре).

II. Повествовательные неотчетливые реплики сообщаемого, которые имеют информирующий характер (в эмоциональной монологической речи):

5. В повествовании о событии: - Слышу: пожар, пожар! Я в центр. А когда прибежал, оказалось, что дом все-таки цел. Только чердак сгорел; - *Kuulen: tulekahju, tulekahju! Mina jooksin (tormasin) keskusesse. Aga kui päralt jõudsin, selgus, et maja on siiski terve. Ainult põõning on ära põlenud* (побежал, помчался).

6. В повествовании о событии: - Как услышал я о пожаре, на мотоцикл и в центр. - *Nagu kuulsin tulekahjust, kihutasin mootorrattaga keskusesse* (помчался).

III. Вопросительные реплики с вопросительным словом и ответные повествовательные реплики:

7. Мужчина замечает идущего по улице приятеля: - Ты куда? - В центр. Ты тоже? - *Kuhu (sa) lähed?* (идешь) - *Linna. Kas sa ka? (Sina ka?)*

8. Мужчина замечает садящегося в машину приятеля: - Ты куда? - В центр, на рынок. Ты тоже? Могу подвезти. - *Kuhu sa lähed (sõidad)?* (направляешься, едешь) - *Linna, turule. Sina ka? Võin kaasa võtta.*

9. На вокзале перед отправлением поезда женщина замечает свою знакомую с чемоданом: - Ты куда? - В центр. Ты тоже? - Нет, я маму провожаю. - *Kuhu (sa) sõidad (lähed)?* (едешь, направляешься) - *(Pea)linna. Sina ka? - Ei, ma saadan ema.*

10. Муж, собирающийся вешать в ванной комнате зеркало, спрашивает у жены: - Куда его? - В центр, конечно, между полками. - *Kuhu ma ta riputan?* (повешу) - *Keskele muidugi, riulite vahele.*

IV. Вопросительные реплики без вопросительного слова и ответные повествовательные реплики:

11. Владелец автомобиля останавливает машину, заметив идущего по тротуару знакомого: - В центр? (Ты в центр?) Садись, если по пути. - *Linna? (Kas linna? Kas lähed linna?)* *Istu peale, kui tee on ühine* (идешь).

12. Мужчина останавливает такси, в котором уже сидит пассажир: - В центр? - Да, садитесь. - *Linna? (Kas linna? Kas te sõidate (lähete) linna?)* (едете, направляетесь). - *Jah, tulge peale (istuge peale).*

13. Разговор на вокзале перед отправлением московского поезда: - В центр? (Ты в центр?) - Да. На неделю. - *Peallina? (Sõidad (lähed) sa realinna?)* (едешь, направляешься) - *Jah. Nädalaks.*

V. Побудительные реплики:

14. Пассажир водителю такси: - *В центр, пожалуйста!* - (*Kesk*)linna, palun! (*Ma paluks (kesk)linna*).

15. Хозяйка, подавая вазу с цветами, говорит дочери, которая помогает накрывать праздничный стол: - *Ты ее в центр, а фрукты немного подвинь* - *Pane vaas keskele, puuviljad nihuta natuke kõrvale* (поставь).

Сравнение переводов с их оригиналом подтверждает предположение о том, что в эстонском языке наблюдается тяготение к полноструктурным предложениям. В то же время гипотеза, согласно которой элиминация эстонского глагола зависит в первую очередь от цели высказывания, нашла лишь частичное подтверждение. Из начальных реплик в эстонском языке опущение глагола допустимо только в вопросительных предложениях без вопросительного слова (11, 12, 13), а вот вопросительные предложения, которые имеют в своей структуре вопросительное слово, в противоположность русским структурам, безглагольными быть не могут (7, 8, 9, 10). Что касается ответных реплик на вопросы, содержащие и глагол, и вопросительное слово, то элиминация эстонского глагола обычна (7, 8, 9, 10). При волеизъявлении же употребление безглагольного предложения, как свидетельствует материал, возможно лишь при обращении пассажира к водителю (14).

Особо следует остановиться на неотвечных повествовательных репликах информирующего характера, поскольку здесь отличие анализируемых языков более наглядно. В большинстве случаев эстонские повествовательные предложения требуют наличия глагольной словоформы. Интересно то, что даже явные ситуативные "подсказки" (например, указательные жесты) в данном типе предложений в расчет не принимаются:

16. Собеседникам нужно срочно разыскать своего руководителя, который накануне мог вернуться из командировки: - *Бери мою машину и поезжай к нему домой, а я вот (берет в руки телефонную трубку) - в центр. Может, он еще в министерстве*. - *Võta minu auto ja sõida tema juurde koju, aga mina (võtab kätte telefonitoru) helistan keskusesse. Võib-olla on ta veel ministeeriumis* (позвоню).

Аналогия с русским языком наблюдается только в симметричных структурах, где в двух соседних предикативных единицах при разных подлежащих имеются одинаковые сказуемые. Например, в ситуации, описанной в примере (16),

опущение глагола допустимо в том случае, если противопоставлены не действия (как в 16), а субъекты:

17. - Давай так сделаем: ты к нему домой позвони и на дачу, а я - в центр. Может, он еще в министерстве. - *Teeme nii: sa helista talle koju ja suvilasse, aga mina - keskusesse. Võib-olla ta on veel ministeeriumis.* То же самое в следующем случае:

18. Из разговора сослуживцев: - Ты поезжай в район, а я - в центр. - *Sina sõida rajooni, aga mina - keskusesse.*

Проведенный сопоставительный анализ показал, что нерусский при дешифровке смысла реальных русских БП опирается не столько на их внутреннюю структуру, сколько на те данные, которые предоставляет дискурс. Доказательством сказанного является перевод посредством разных эстонских глаголов, причем разных как с точки зрения их лексических значений (*идти, бежать, ехать, мчаться, вешать* и т.д.⁵), так и с точки зрения их грамматической формы (формы наклонения, времени, вида) (см. примеры). А все это свидетельствует о наличии в структуре русских БП невербализованной глагольной позиции, отмеченной "нулем", и тем самым ставит под сомнение пригодность имманентной структуры БП к выполнению номинативной функции. Иначе говоря, декларируемую смысловую и структурную достаточность изолированного от условий употребления БП вряд ли можно считать состоятельной, коль скоро значение перемещения в пространстве у предложений типа *Я в центр* оказывается не абсолютным (то есть нельзя говорить об однозначности этого БП и ему подобных), а лишь статистически предсказуемым, зависящим от спектра значений слова, которое занимает рематическую позицию (в нашем случае - слова "центр"), и круга его типичной сочетаемости с другими словами. В не меньшей мере сказанное относится и к значениям динамичности и экспрессивности. Судя по наблюдениям над самыми разными текстами, эти значения формируются не без участия особой экспрессивной интонации и экспрессивной лексики (хотя наличие последней необязательно) при специфическом соединении предикативных единиц между собой; и связаны они с определенным типом моноло-

5 Глагол *lähed, lähed*, кроме первичного значения "иду, идешь", имеет и значение "направляться, отправляться", и обычно используется как синоним глагола *sõitma* - "ехать, ездить".

гической речи: стремительным повествованием о каких-то критических, экстренных жизненных ситуациях, например: 1) *В одно мгновение он подхватил малыша - и в больницу* (рассказ об аварии); 2) *Дедушка за ведро и - к кадушке* (рассказ о пожаре); 3) *Тут мотоцикл через канаву и - наперерез* (рассказ о погоне).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адриан Э. (1985) *Влияние системы языка и конситуации на высказывания без глагольного предиката*. - Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15., Москва: Прогресс, с. 529-534.

2. Рич Э. (1984) *Эллиптические конструкции русского разговорного синтаксиса (в сопоставлении с английским)*. - Русский язык за рубежом, 6, с. 85-88.

3. Sedláček J. (1988) *K otázce slovanské elipsy*. - Slavia, seš. 4, s. 378-388.

4. Сковородников А. П. (1984) *О неполноте эллиптических предложений (в аспекте их синтагматики и прагматики)*. - Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, с. 21-30.

RUSKE BEZGLAGOLSKE REČENICE KROZ PRIZMU DRUGOG JEZIKA

Valentina P. Ščadnjeva

U radu se analiziraju ruske bezglagolske rečenice, koje mnogi naučnici posmatraju kao samostalan strukturni tip rečenica. Međutim, odsustvo lekseme s procesualnim značenjem ometa izvršavanje nominativne funkcije. S tim u vezi veliku ulogu igra diskurs.

Govornici drugih jezika doživljavaju ruske bezglagolske rečenice kao eliptične i u svom prevodu na maternji jezik pokušavaju da popune takve nepotpune rečenice. U članku se na materijalu eksperimenta pokazuje koji su faktori suštinski važni za "rekonstrukciju" glagola pri prevodenju na estonski jezik. Neruski govornik pri dešifriranju smisla realnih ruskih bezglagolskih rečenica ne polazi toliko od njihove unutrašnje strukture koliko od onih podataka koje daje diskurs. Dokaz za to predstavlja prevodenje pomoću različitih estonskih glagola. To ukazuje na postojanje neverbalizovane glagolske pozicije u strukturi ruskih bezglagolskih rečenica.

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Е. И. Костанди

В русской синтаксической традиции разработана, как известно, классификация простых предложений на основе таких признаков, как коммуникативная целенаправленность, распространенность (нераспространенность, полнота), неполнота, состав (односоставность-двусоставность) и форма главных членов. Однако в настоящее время стало ясно, что эта традиционная классификация, при всей ее значимости, содержит много спорных моментов, основывается на разных критериях, не дает полного представления о синтаксической системе русского языка и не может считаться удовлетворительной. Все это привело к поиску новых критериев, которые позволили бы создать классификацию предложений, более полно отражающую реальную речевую действительность. В настоящее время оформился целый ряд подходов: классификация по структурным признакам, по парадигмам (Русская грамматика 1970, 1980), семантическая классификация (Арутюнова, Ширяев 1983; Степанов 1981), использование понятия базовых (основных, ядерных) моделей предложений (Золотова 1973, 1982). Вместе с тем, с развитием лингвистики текста все большее внимание исследователей привлекает функционирование языковых единиц в контексте, что позволяет полнее охарактеризовать языковые единицы, выявить их функциональную сущность, существенно дополнить или пересмотреть полностью многие традиционные понятия. При этом все большее внимание уделяется наименее изученному аспекту - парадигматическому, то есть рассмотрению функционирования языковых единиц с точки зрения использования их адресантом для достижения определенной цели, реализации авторской интенции.

Такой подход представляется чрезвычайно плодотворным и при изучении типов предложений, так как, как показывает анализ текстов, использование различных синтаксических структур тесно связано с авторской установкой, с выражением тех или иных дополнительных субъективных оттенков значений: оценок, эмоций, отношения к адресату, к описывае-

тому событию и т. д.

С этой точки зрения нами было рассмотрено функционирование традиционно выделяемых односоставных предложений (в связи с наличием у них наиболее явных формальных признаков) в разных стилях, в различных типах текстов на материале русско-эстонских и эстонско-русских переводов. В качестве материала были использованы художественные, официально-деловые, газетные и устные тексты (для последних использованы фрагментарные записи бытовой речи, когда устное общение осуществлялось между носителями русского и эстонского языков и отдельные высказывания переводились в ходе коммуникативного акта тем или иным его участником на родной язык адресата в целях достижения более эффективной коммуникации).

Было выявлено, что односоставные предложения в различной степени используются в разных стилях. Наибольшее число односоставных предложений, основное место среди которых занимали безличные, определенно-личные и неопределенно-личные, было выявлено в художественных текстах, значительно меньшее число - в газетах, еще меньшее в официально деловых (здесь преобладали определенно-личные предложения). Что касается разговорной речи, то отсутствие переводных материалов не дует возможности сопоставления числа использованных здесь односоставных предложений с другими стилями, но параллельно рассмотренные записи русской разговорной речи (Земская 1978) показали, что число используемых здесь односоставных предложений приближается к их числу в художественных текстах.

В рамках одного стиля также наблюдаются различия в использовании односоставных предложений. Так, в газетных текстах наибольшее число односоставных предложений отмечено в таких жанрах, как очерк, интервью, наименьшее - в хроникальной информации. В официально-деловых текстах почти не использовались односоставные предложения в текстах законов, большая часть односоставных предложений, среди которых преобладали определенно-личные, предопределяющие конкретные действия адресата, отмечена в текстах инструкций, руководств, правил.

Эти общие закономерности, как представляется, могут быть соотнесены с выделенными Г. А. Золотовой коммуника-

тивными типами, или регистрами, речи. Первый тип, изобразительный, характеризуется рядом признаков, обусловленных эксплицированной позицией наблюдателя (либо автора, либо наблюдателя-персонажа), субъективно воспринимающего действительность и описывающего ее через призму такого восприятия. Второй тип, информативный, характеризуется "признаком несюжетности временных значений, ненаблюдаемости предикативного действия или состояния в его конкретной длительности. Говорящего здесь интересует не наблюдаемый процесс, а его результат или вневременные качества и отношения предметов. В этих текстах нет позиции наблюдателя, его "хронотопа"..." (Золотова 1984:167). Различные типы текстов или компоненты текста разграничиваются по признаку отнесенности к изобразительному регистру.

Как показал анализ материала, использование односоставных/двосоставных предложений находится в прямой связи с таким разграничением. Чем ярче выражена позиция наблюдателя, образ автора, тем больше используется односоставных предложений и, напротив, при максимально возможном отсутствии, устранении образа автора, категории субъективности односоставные предложения используются в очень небольшом качестве или не используются вовсе. Таким образом, выбор синтаксической конструкции предопределяется авторской установкой, общей прагматической направленностью текста. Односоставные предложения дают большую возможность для отражения субъективного восприятия действительности.

В целом эта закономерность характерна и для русского и для эстонского языков, но для эстонского в значительно меньшей степени. В рассмотренных текстах около половины русских односоставных предложений были переведены эстонскими двусоставными, ср.: *Aga kas valve on kõva?*; — *А насчет охраны строго?* (В.Шукшин); В других случаях пешеходам разрешается выходить на проезжую часть только после того ...- *Muu del juhtudel tohib jalakäija astuda sõiduteel alles siis...*

В эстонско-русских переводах наблюдается та же закономерность: двусоставные предложения эстонского оригинала часто переводятся русскими односоставными предложениями, ср.: *Naised peavad lihtsalt rohkem nõudma.* - *Женщинам надо с них просто больше спрашивать* (из газет). Такое несовпадение синтаксических конструкций наблюдается при переводе

всех типов односоставных предложений, однако в наибольшей степени это касается безличных предложений, больше половины которых на эстонский язык переводятся двусоставными или, напротив, эстонские двусоставные переводятся русскими безличными предложениями. В отдельных случаях безличные предложения переводятся на эстонский предложениями, соответствующими русским неопределенно-личным: *При обсуждении проблематики, касающейся нового опыта внешнеэкономических связей Советского Союза, отмечалось, что становление более эффективного механизма участия СССР в международном разделении труда протекает противоречиво* (из газет) - *Nükogude Liidu välismajandussidemete uusi kogemusi puuduvate probleemide arutamisel märgiti, et rahvusvahelises tööjaotuses NSVLiidu osalemise tõhusama mehhanismi loomine kulgeb vastuoluliselt.*

Как правило, несовпадение синтаксических конструкций при переводе наблюдается в тех случаях, когда в русском предложении субъект действия или состояния назван посредством косвенного падежа, ср.: *Почему тебе всегда хочется* - *Miks sa alati tahad?*; *А мне надо идти*. (В. Маканин) - *Mina pean ära minema.*

Таким образом, русские односоставные конструкции воспринимаются как двусоставные, в которых субъект выражен косвенным падежом, что прямо соотносится с современной трактовкой ряда русских безличных предложений некоторыми исследователями как двусоставных.

В других случаях в эстонском переводе наблюдается несколько иное членение действительности. Так, в рассмотренных официально-деловых текстах безличные предложения использовались в основном в правилах дорожного движения, все они были однотипны: 1) кому (запрещается/разрешается что); 2) запрещается (разрешается что) *идти, ехать* и т. п. Первая разновидность всегда переводилась двусоставным предложением, т. е. дат. пад. существительного русского предложения заменялся им. падежом, а сказуемое типа *запрещается/разрешается* заменялось сказуемым типа *может/не может*, ср.: *Водителю велосипеда и мопеда запрещается ездить по тротуарам и велосипедным дорожкам.* - *Jalgratur ja mopeedi juht ei tohi sõita kõnnitee jalgteel.* Если же в русском предложении перед сказуемым стоял инфинитив, а не существительное, переводная эстон-

ская конструкция совпадала по структуре с русской, ср.: *Высзжать на трамвайный путь встречного направления запрещается* - *Vastassuundisele trammiteele sõita ei tohi*. В первой разновидности русского предложения существительное в дат. падеже - объект, на который направленно действие, т. е. действительность членится на следующие основные компоненты: кто-то кому-то запрещает/разрешает что-то. Эстонский перевод дает представление о ином членении: кто-то может/не может что-то делать. В этом случае отклонение от русского предложения больше, чем в том, когда субъект, представленный в русском предложении косвенным падежом, в эстонском передается посредством именительного падежа; имеет место разное отражение действительности, разные способы моделирования языковой действительности.

Личные односоставные русские предложения в рассмотренных текстах также в значительной части случаев были переведены посредством двусоставных предложений с подлежащим-местоимением в им. падеже, ср.: *Тебя станут разыскивать*. - *Nad hakkavad sind taga otsima*. В данном случае расставляются другие акценты, на первое место выдвигается не действие или состояние, а его производитель или носитель. При этом необходимо отметить, что почти все предложения, за исключением некоторых теоретически могли быть переведены двояко: посредством соответствующей или несоответствующей конструкции, однако в реальных текстах примерно половина предложений переводится несоответствующей конструкцией. Кроме того, большинство случаев несовпадения исходной и переводной конструкций наблюдается в текстах, допускающих большую субъективность - в художественных текстах, т. е. в таких, где переводчик может описать те же события с несколько иной точки зрения.

Несомненно, требуется дальнейшее, более детальное изучение использования различных синтаксических структур в разных типах текстов, в переводных текстах, сейчас же можно сделать лишь некоторые предварительные выводы:

1) Использование разных типов предложений связано с общей прагматической направленностью текста, с авторской установкой на то или иное восприятие и отражение действительности. Наличие большого числа односоставных пре-

дложений соотносится с установкой на большую субъективность.

2) Значительная часть русских односоставных предложений воспринимается носителем эстонского языка как двусоставные, и такие предложения переводятся эстонскими двусоставными.

3) Основой несовпадения исходной и переводной конструкций могут быть одинаковое представление о действительности, но различие в дополнительных оттенках значений (активность-пассивность, обобщенность, конкретность и т. п.), разное членение события на основные компоненты, выдвижение на первый план тех или иных компонентов (субъект-действие).

Рассмотрение типов предложений с точки зрения прагматической направленности позволит полнее охарактеризовать их функциональную сущность.

ЛИТЕРАТУРА

1) Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. (1983) *Русское предложение. Бытийный тип.* - М.

2) Золотова Г. А. (1973) *Очерк функционального синтаксиса русского языка.* - М.

3) Золотова Г. А. (1982) *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса.* - М.

4) Золотова Г. А. (1984) *К вопросу о конститутивных единицах текста.* - Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. (Виноградовские чтения XII-XIII).

5) *Русская грамматика.* - М., 1970.

6) *Русская грамматика.* - М., 1980.

7) *Русская разговорная речь.* Тексты. Ред. Е. А. Земская. - М., 1978.

8) Степанов Ю. С. (1981). *Имена. Предикаты. Предложения.* - М.

**NEKE ZAKONOMJERNOSTI FUNKCIONISANJA
JEDNOČLANIH REČENICA U RUSKOM I
ESTONSKOM JEZIKU**

Jelizaveta I. Kostandi

Rad je posvećen razmatranju upotrebe jednočlanih rečenica u raznim stilovima, u raznim tipovima tekstova na građi rusko-estonskih i estonsko-ruskih prevoda. Upotreba jednočlanih rečenica korelira sa opštom pragmatičkom usmjerenošću teksta, sa autorovom orijentacijom na određeno percipiranje i opis stvarnosti. Analiziraju se osnovni slučajevi podudaranja ruskih i estonskim rečenica. Znatan dio ruskih jednočlanih rečenica prevodi se pomoću estonskih dvočlanih. U radu se razmatraju osnovni uzroci takve nepodudarnosti.

СТРАНИЦА К ИСТОРИИ УКРАИНСКО-ЭСТОНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

С. В. Ткачев

Революционные события 1848 г. в Австро-Венгрии имели непосредственное значение для развития культуры, языка и литературы галицких русин-украинцев. После введения конституционного права гласности и снятия цензуры на русинские издания появилась первая периодическая газета "Зоря Галицька".¹ Она начала выходить с 15 мая 1848 г. во Львове. В истории газеты выделяется несколько этапов, которые отражают динамику событий в Галичине, в том числе и дискуссии по вопросу языковой политики. Эта дискуссия получила название "азбучной войны", а велась она между сторонниками латинской и кириллической графики, между сторонниками фонетического и этимологического правописания. Одним из результатов "войны", а точнее периода становления литературного языка галицких русин, было создание "язычия", тяготеющего к церковнославянскому как образцу литературности и свидетельству родства с древней культурой (в противовес польскому высокомерию и постоянному подчеркиванию ущербности современного развития украинско-русинской культуры) и русскому языку. С 1851 г. и до своего закрытия в 1857 г. "Зоря Галицька" издавалась полууставом на "язычии", за исключением нескольких лет переориентации деятельности.

Наше внимание привлекла статья, опубликованная в двух номерах (число 6-7) за 1856 г. под названием "Судьбы эстонской литературы". Сам факт обращения к Эстонии со стороны галицких русин с учетом ситуации, когда оба народа не имели своего политического устройства и их культурная жизнь проходила в соответствии с этим положением, представляется нам событием примечательным и редким. Публикация на "язычии" краткого обзора развития эстонского народа и его языка является интересной страницей истории славянско-эстонских связей, а "Эстонцы були оть первовькка съверными сусьдами

1 До этого первый альманах "Зоря, писемце, посвященное рускому языку" (1834 г.) был запрещен, второй альманах "Русалка Днестрова" был издан в обход цензуры в Пеште.

Словеновъ". Обращаясь к судьбам эстонцев, автор, подписавшийся инициалами О. П., пытается провести аналогию с современным состоянием галицких русин, используя подчас аргументацию, не лишённую исторической наивности. "Судьба переходила их бесаду через злые времена, аж до 16-го столѣтъ въ природной непорочности завѣдчати маѣ она тоѣ владѣнню крестоносцевъ, которе недбало за образование подданныхъ, а тому и бесады ихъ не тыкало сА".

Волна славянского возрождения подняла на гребень общественно-политической и культурной жизни народов ряд ярких личностей, которые в науке именуются будителями. Поэтому всякое оживление народной жизни связывалось с конкретными людьми, и не случайно эта тенденция переносится в статью, где замечено, что "въ тотъ ажъ часъ поАвило сА двоухъ вдохновенныхъ мужовъ могущою силою свого духа роздули не одну замрълу искру во грудяхъ молодыхъ Эстонцевъ а огнистыи цвѣты духа розсыпались по запустылой нивѣ литературы. Були то Фридрихъ Сталь а Юхим Россиниусъ".

Ориентация на российское самодержавие как образец славянской государственности и гарант развития славянских народов, появление антинемецких настроений в ответ на попытки германизации славян Австро-Венгрии сформировало у определенной части галицкой интеллигенции идеализированное представление о национальной политике Российской империи. "Зоря Галицька" как печатный орган сторонников москвофильской ориентации всячески пропагандировали реформы российского самодержца. И в статье "Судьбы эстонской литературы" отмечается роль царя Александра как решающая в развитии эстонского языка. Он "Во оурядъ и въ всемъ народа дотыкающимъ сА, повелелъ народноу беседу завести. Все кинули сА понижену, хлопску беседу сгублАти, все природну красу открывати, и о диво!- хлопскою беседою засѣАна нива литературы зацвила". Центром "второго воскресения" эстонской культуры называется Дерпт, где "передъ кольканадесАтъ летами завязало сА ... Ученое стоваришенъ" и как образец его деятельности публикуется "Две народныя казки ним выданы" - "Ван-немана спѣвъ" и "Коить и Амарька (зоря и вечерний жарь)".

К сожалению, в статье не указан оригинал дерптского издания, но можно предположить, что он был издан на русском либо немецком языках. Именно на этих языках велась корре-

спонденция между Львовом и Дерптом, например, переписка галицкого будителя Я. Ф. Головацкого с профессорами университета Л. Стида и О. Вальцем. Надеемся, что эта публикация привлечет внимание к более детальному изучению этого частного вопроса и к истории формирования украинско - эстонских связей в целом.

STRANICA O ISTORIJI UKRAJINSKO-ESTONSKIH KULTURNIH VEZA

Sergej V. Tkačov

U članku se skreće pažnja na publikaciju "Sudbina estonske književnosti", koja se pojavila u ljvovskim novinama "Zora galicka" 1856. godine. U njoj su pretežno navedeni podaci o književnom i kulturnom životu Estonaca, a navode se i dva teksta u prevodu na zapadnoukrajinski jezik. Autor smatra da su kontakti između zapadnoukrajinske i estonske kulture u XIX vijeku vjerovatno bili dublji.

III. ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О СЛОВАРЕ СТАРОГО ПРЕКМУРСКО-СЛОВЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В последние десятилетие-два южнославянская лексикография сделала значительные успехи. Достаточно указать на завершение 23-томного загребского "*Rječnika hrvatskoga ili srpskoga jezika*", над которым Югославянская академия наук и искусств работала почти сто лет, с 1880 по 1976 гг., 6-томный "*Речник српскохрватскога књижевног језика*" (1967-1976) Матицы Сербской (до 3-ьего тома включительно совместно с Матицей Хорватской), завершающийся многотомный "*Slovar slovenskega knjižnega jezika*" (с 1970 г.) и др., чтобы убедиться в этом. Отрадным фактом следует считать регионально ориентированную лексикографию не столько диалектную (работа над диалектными словарями традиционна и постоянна), сколько имеющую своим объектом материал региональных литературных языков. Так, с 1984 г. Институт языка Югославянской академии наук и искусств в Загребе начал издавать Словарь литературной кайкавщины (*Rječnik hrvatskog kajkavskog književnog jezika*. Urednik В. Finka. Zagreb, 1984, I), материал которой лишь частично вошел в ранее упомянутый нами загребский академический словарь. Кайкавский словарь (КС) охватывает период функционирования кайкавского литературного языка от XVI до XX вв. И вот перед нами новый проект, связанный с созданием словаря старой прекомурщины, функционировавшей в качестве литературного языка с XVII по XX вв. До того прекомурские словенцы в культурно-религиозных целях использовали кайкавщину, так как в Прекмурье с XI по XVIII вв. находилось в составе Загребской епархии. В значительной мере этими исконно родственными связями словенского языка и кайкавского диалекта объясняется близость двух старых региональных литературных языков, близость, вызывающая нередко споры в определении языковой основы тех или иных памятников письменности (ср., например, дискуссию относительно Мартъанской песмарицы XVII-XVIII вв.). Вероятно, эти споры

в значительной мере притупятся, когда будут изданы словари старых литературных прекурщины и кайкавщины. Поэтому следует приветствовать начинание Института словенского языка имени Франа Рамовша в Любляне, который по инициативе Франце Безлая и при непосредственном участии Вилко Новака, крупнейшего знатока диалектной и литературной прекурщины, с 1977 г. начал работу над таким словарем. Пока в наших руках лишь пробный его выпуск: V. Novak, *Slovar stare knjižne prekmurščine*. Pokusni snopič. Ljubljana: SAZU, 1988. - 73 s., выпущенный в 250 экземплярах как "внутренняя публикация" института.

Начиная от первой печатной прекурской книги 1715 г. и до 1919 г., на этом литературном языке появилось около 350 изданий (см.: I. Škafar. *Bibliografija prekmurskih tiskov od 1715 do 1919*. Ljubljana, 1978.). Однако словарный материал для Прекурского словаря (ПС) взят только из 25 наиболее значительных текстов, причем только из четырех из них ("*Малый катехизис*" Ф. Темлина 1715 г., "*Словенская азбука*" 1725 г., сборник религиозных догм "*Réd zveličánsztva*" 1747 г. М. Севера и "*Краткая наука христианской веры*" 1754 г. Штефана Кюзмича) он выписан полностью, а из остальных выборочно. В хронологическом плане это печатные тексты 1715-1886 гг., т. е. несколько более чем за полтора века. При этом относящихся к XVIII в. 12 текстов, к XIX в. 13. Всего материал разместился на 160 тыс. карточек, что дало в общей сложности 21 тыс. заглавных слов (статей). В пробном выпуске помещено 124 таких слова, каждое из которых снабжается грамматическими пометами, а затем приводится в оригинальной форме его употребления по источникам. После этого следует толкование слова с приведением достаточно репрезентативных текстуальных иллюстраций (в случае большого числа таких иллюстраций составитель придерживался принципа хронологической представительности, охватывающей более полутора века). В конце статьи приводится эквивалент для сравнения или источник происхождения, если слово несловенское, заимствованное.

Уместно было бы высказать несколько соображений о принципах представления и интерпретации материала в ПСе с сопоставлением с КСем. Объемы двух словарей значительно разнятся: фонд КСя насчитывает более 800 тыс. карточек как результат эксцерпции материала из 441 источника (из них 38

рукописных). В этом плане можно говорить, что составители КСя стремятся к полноте отражения кайкавского лексического блага, в то время как в ПСе отразится далеко не вся лексика, и в этом отношении словник данного словаря носит избирательный характер. Вероятно, и по этой причине имеются достаточно показательные расхождения в представлении микросистем однокоренных слов в двух словарях, ср. с венгерским корнем *batr-* КСе 19 производных и их вариантов; *batreńe, batritel, batriti, batriv, bairivec, batriven, batriveńe, batriveti, batrivitel, batriviti, batrivŕenje, batrivnica, batrivnik, batrivno, batrivnost, batrivo, batrivoća, batrivost, batruvati*; в ПСе всего 9: *bátritel (+), bátriv (+), bátrivati, bátriven (+), bátrivost (+)* (плюсом отмечены совпадения с *К(сем)*), с корнем *beteg-* соответственно 20 и 6, с *hasen-/hasn-* 17 и 7 и под. Разными оказываются и подходы составителей к графико-орфографическому оформлению заглавных слов и синтаксических иллюстраций: в КСе вся графическая разногласица кайкавских текстов переведена на гайицу; ПС, напротив, следует оригиналу и это, на наш взгляд, весьма положительный момент, поскольку читатель имеет возможность видеть то, что было в первоисточнике. Тем более что как в кайкавском, так и в прекурском случаях мы имеем дело с весьма труднодоступными изданиями. Составители КСя отказались от акцентирования заглавных слов, в ПСе, напротив, акцент указывается, поскольку, как говорится в предисловии (с. 8), "место ударения, количество и качество гласных старой литературной прекурщины в основном совпадают с акцентной системой современной прекурщины" (т. е. диалектной). ПС, как нам представляется, проигрывает в другом: в отличие от КСя, выносящего имена собственные в конец всего издания и в одно место, в ПСе они подаются в общем алфавитном порядке меж нарицательными словами: пробный выпуск начинается с антропонима *Adam* затем следуют *Ázija, Ázia, Jerużálem* и под. Представляется, что с точки зрения современной лексикографической теории это не самое лучшее решение. Семантическая структурированность статей в КСе более детализирована, что видно при сравнении двух словарей (например, *dvor, čakati* и др.), при этом весьма существенное для вскрытия функции и значения слова представление его в составе устойчивых сочетаний в ПСе по существу отсутствует, ср., однако, в КСе: *čas-brže časa "odmah, trenutčno, što prije", po času*

"*polako, pomalo*", *v dober čas, vu dobri čas "sretno, sa srećom"* (pri pozdravu ili čestitanju) и под.

Несмотря на различия в подходе к представлению и интерпетации материала, и ПС и КС открывают для культуры и науки ранее практически неизвестные пласты лексики. Значение ПСя для истории литературной прекмурщины и словенского литературного языка, а КСя для истории литературной кайкавщины и хорватского литературного языка трудно переоценить. Вместе с тем совершенно очевидно, что эти издания станут фундаментом, на базе которого удастся расчистить многие сложные вопросы определения генетически общего и специфичного прекмурско-словенского литературного языка-с одной стороны, и кайкавского литературного языка-с другой: при явном количественном несоответствии словообразовательного гнезда на *batr-* двух литературных языках лишь форма *bátrivati*не обнаруживается в кайкавщине; при наличии общей лексики *bogme/bògme* в двух языках только в ПСе находим еще и *bogmějčiti*; в КСе отсутствуют соответствия прекмурским *dvéjgúbéj, gùč, hàsek* (хотя с корнем *hasen* — образований там 14), *jèzerokrát* и др. Исследователи, занимающиеся историей славянских литературных языков (прежде всего прекмурско-словенским и кайкавским) и отношениями между ними, диалектологией и генезисом диалектов, заинтересованы в скорейшем завершении издания КСя и в подготовке к печати полного текста ПСя.

А. Д. Дуличенко

**АРАБО-ПЕРСИДСКО-ГРЕЧЕСКО-СЕРБСКАЯ
УЧЕБНАЯ КНИГА XV ВЕКА КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИСТОРИИ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА
(В ИЗДАНИИ ВЕРНЕРА ЛЕФЕЛЬДТА)**

В славистике, как и в любой другой области, есть вопросы, к которым исследователи подступают десятилетиями. Судите сами: в 1936 г. турецкий языковед Ахмед Джафероглу опубликовал в журнале "Revue des études balkaniques" статью, в которой сообщил о том, что в Стамбуле в библиотеке "Ауа-Софа" находится рукопись, вернее две рукописи, важные для истории сербского языка. Многие годы сообщение остается без внимания, пока его не прочел западногерманский славист, профессор Констанцкого университета Вернер Лефельдт. Рукописи № 4749 и 4750 похожи по содержанию, но не идентичны: сербский текст штокавский, однако первая рукопись иекавская, а вторая - экавская и, как полагает исследователь, старше. В целом о рукописи, взятой для анализа, - № 4750 следует сказать: исполнена арабской графикой, по содержанию - учебная языковая книга (Gesprächsbuch), с параллельным арабо-персидско-греческо-сербским текстом. Много ли найдется специалистов, которые решились бы на транскрипцию средневекового славянского (в данном случае сербского) и греческого текстов, записанных арабской графикой?! Профессор Констанцкого университета решился на это. И на рубеже 60-70-х гг. стали появляться его первые разыскания в этой области. Рецензируемая книга - результат его многолетних самоотверженных усилий.

Книга является 57-м томом серии "Славистические исследования", издаваемой Райнхольдом Олешем в сотрудничестве с Хансом-Берндом и Хансом Роте: Ein Sprachlere von der hohen Pforte. Ein arabisch-persisch-griechisch-serbisches Gesprächsbuch vom Hofe des Sultans aus dem 15. Jahrhundert als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache. Mit Beiträgen von Tilman Berger, Christoph Correl, Günther S. Henrich und Werner Lehfeldt. Hrsg. von Werner Lehfeldt. (Slavistische Forschungen. Hrsg. von Reinhold Olesch. Bd. 57). - Köln, Wien: Böhlau Verlag, 1989. - (X) + 376 S. (плюс 15 страниц факсимиле).

В предисловии и во введении к книге приводятся сведения об истории этой рукописи, далее следует ее описание (с. 7-9),

затем рассматривается вопрос о времени ее возникновения. Опираясь на исторический материал, характер рукописи, учитывая также фонетическое состояние сербского диалекта, носителем которого был неизвестный переводчик (и составитель) учебной книги, В. Лефельдт высказывает предположение о второй половине XV в. как времени вероятного написания рукописи. Большое место уделено графематическому анализу (с. 23-70), обоснованию тех подходов, которые дают возможность наиболее объективно транскрибировать арабскую передачу сербского и греческого текстов. С помощью сотрудников-ориенталистов исследователю пришлось детальнейшим образом изучить способы арабского написания всех сербских (и греческих) слов с тем, чтобы точно установить обозначение согласных и особенно гласных, которые, как известно, в арабском письме не находят однозначного выражения. Добавим к этому, что и вокалическая картина сербского слова иная, что требовало от переводчика учебной книги разработки определенных подходов. Как представляется, В. Лефельдт блестяще справился с этой задачей. Надо сказать, что запись славянской речи арабскими буквами - явление, известное в рамках славянской культуры. Такая традиция существовала в Боснии, за пределами южного славянства, например, в Белоруссии (с середины XVI в. утратившие свой тюркский язык татары писали по-белорусски религиозные тексты арабской графикой вплоть до XX в.). Это особая страница славянских литературно-письменных языков. Без ее учета панорама исторического развития соответствующего языка оказывается неполной.

В латинизированной транскрипции параллельные арабские, персидские и сербские тексты (греческие трансформированы в традиционное греческое письмо) рукописи объемом в 63 листа, или 124 страницы (листы первый и 63-й исполнены лишь с одной стороны), представлены на с. 75-198, после чего следует немецкий перевод, сделанный с арабского текста (с. 199-219) и комментарии - отдельно к арабскому и персидскому текстам (с. 221-246), а затем - сербскому (с. 247-302). Исследование языка арабского текста, в котором обнаруживается ряд "нелогичных" отклонений от нормы языка, дает возможность заключить, что писал его не араб по происхождению; что касается персидского текста, то он в языковом отношении квалифицированнее арабского. Для нас важны рассуждения исследователя о языке сербской части текста рукописи (с. 307-

330). В. Лефельдт склоняется к тому, что переводчик сербского текста происходил из косовско-ресавской, а также торлакской областей, хотя ареал отдельных признаков значительно шире. Так, идентичными косовско-ресавскому оказываются, например, признаки: достаточно последовательный экавский рефлекс *ъ* (*bela, človek*), флексия *-e* (из *ъ*) в род и предл. пад. существительных женского рода на *-a* (*ku cirkve*), неэнклитические формы род и предл. падежей личных местоимений 1 и 2 лиц ед. ч. (*govoriš mene, k tebe*) и, напротив, наличие энклитик *ni, vi* во мн. числе (*dej ni reč, kto vi je sused*), *-e* для род и предл. падежей ед. ч. муж. и ср. родов и дат. и твор. падежей мн. ч. местоимений на мягкую основу (*tvojem*) и др. Эти и ряд других признаков приводят исследователя к заключению о том, что, вероятно, переводчик рукописи был выходцем из названных диалектных областей. При этом для истории сербского языка важно то, что рукопись фиксирует еще не начатый либо незавершенный процесс, например, новой йотации (ср. *tretjem, grozdje*), сохранение конечного *-l* и под. В сербских текстах ощутимо также влияние церковнославянского языка, видное на таких примерах, как: *kto, stajanije, služanije, gospodneje povelennije, pisanije* (здесь и далее передаем примеры в упрощенном графическом виде). При этом церковнославянизмы подаются как в близкой к источнику, так и в адаптированной форме, ср.: *blagoslovenje* (л. 33а), но *blagoslovljenje* (л. 56а), *glagolenje* и под. Для текста рукописи показательна роль церковнославянского языка как модели для словообразовательного и проч. творчества на базе сербского материала, ср. *zgovorenje, strašanje* и др. Исследователем замечено также интереснейшее явление использования церковнославянской христианской терминологии в "исламском значении", ср.: араб. *'ila l-masğidi* "к мечети" - серб. *ka cirkve*.

Особого интереса заслуживает арабское влияние на сербский текст, проявляющееся прежде всего в синтаксисе. Ср., например, дословное повторение компонентов фразеологизмов (араб. *'ala r-ra'si wa-l-'ayni* "на голову и глаза" - серб. *na glavo i na oči*), конструкцию "глагол + абсолютный объект - инфинитив, прилагательное в неопределенном аккумулятиве" (араб. *'ama-luka ma'mulun* "твоя работа выработана" - серб. *ti je rabota izrabotena*), "арабское" использование предлогов (араб. *'aqbil 'ala l-'amali* "сделай себя = организуй = начни работу!" - серб. *počni na rabotu*; предлоги *'ala = na*) и др.

В конце книги приведен список сербских слов (с. 331-359) и факсимиле 15 страниц текста рукописи.

Издание текста рукописи, комментарии и лингвистический анализ проведены в высшей степени профессионально. Именно из таких фрагментов - текстов разных веков - складывается полная история того или иного языка. Здесь мы имеем дело с языковым текстом, который в известной мере можно охарактеризовать как сербскую кальку с арабского, поскольку переводчик рукописи не смог освободиться от языковых особенностей арабского первоисточника, как, впрочем, и не смог отойти от церковнославянской традиции. В этом мы видим ценность рукописи для истории сербской письменности и литературно-письменного языка. В. Лефельдт чутьем глубокого исследователя ощутил уникальность этого памятника и раскрыл его для славистической науки и для историков сербского языка, а издатель серии "Славистические исследования" и издательство Böhlau Verlag с честью выполнили сложную работу, связанную с выпуском книги.

Приведем здесь первые строки сербского текста рукописи (в упрощенной латинической передаче):

*sa-umnjom božijem poklanjaajemi milostiv
slava bogu gospodu svetom
i blagoslovljenje na proroka jeho
Muhameda i na čeljati jeho čistih vseh
reče tvorac ove kn.ige... (s. 75-76).*

А. Д. Дуличенко

ЧЕШСКО-ЭСТОНСКИЙ РАЗГОВОРНИК

Ilumets, S. Smirnov. *Tšehhi-eesti vestmik - Česko-estonská konverzace*. - Tallinn: Valgus, 1989. - 167 s.

Эстонская справочная литература обогатилась новым изданием. Вышел в свет чешско-эстонский разговорник, составленный сотрудниками Академии наук Эстонии, бывшими преподавателями Тартуского университета - доктором филологических наук профессором С. В. Смирновым, специалистом по чешскому языку, и кандидатом филологических наук Х. Д. Лезметс.

Издание разговорников имеет в Эстонии определенные традиции. Так, в 60-ые гг. увидели свет финско-эстонский, англо-эстонский, немецко-эстонский и некот. др. разговорники, а из славяно-эстонских - русско-эстонский, составленный А. Рейцан и выдержавший несколько изданий.

Впрочем, небезынтересно отметить, что первый славяно-эстонский разговорник был издан в Тарту еще в 1939 г. Это был небольшой эстонско-польский и польско-эстонский разговорник М. Нурмика и Э. Скоморовского, появление которого было продиктовано сугубо практической потребностью (он был оперативно издан в связи с приездом поляков в Эстонию на сезонные работы). Таким образом, разговорник зарубежного славянского языка мы в Эстонии снова приобрели 50 лет спустя.

Характер и структура содержащейся в разговорнике информации, уровень ее сложности определяются конкретными целями и задачами книги. Существуют в основном три типа разговорников: малые по объему, собственно "карманные", помощники туриста при элементарном общении в чужой стране; разговорники, ставящие своей целью способствовать развитию речи, а это уже на продвинутом этапе занятий языком; разговорники типа мини-учебников, представляющие собой очень краткое пособие по практическому языку, служа в то время, естественно, и справочником.

Рецензируемый чешско-эстонский разговорник принадлежит к последнему типу. Он многофункционален: предназначенный для туристов, в первую очередь для эстонцев, он в то же время, как и любой разговорник, может быть полезен и "другой стороне", в данном случае чехам, посещающим Эсто-

нию. Он также может быть использован в качестве краткого учебного пособия всеми интересующимися чешским языком.

Структура разговорника соответствует его целям и назначению. Он включает в себя три основные части, в элементарном объеме отражающие три аспекта первого концентра в обучении языку: краткий обзор грамматики чешского языка, основную часть — беседы и эстонско-чешский словарь на 1800 наиболее употребительных слов (отметим, что чешско-эстонский словарь в эстонской лексикографии имеется).

В начале книги представлены сведения по графике, фонетике и морфологии чешского языка. Парадигмы склонения и спряжения снабжены комментариями, касающимися не только образования, но и функционирования тех или иных форм; приведены основные случаи нетипичного формообразования и т. п. Уделено внимание существенному для эстонцев вопросу об использовании и образовании видовых форм глагола и т. п.

Основная часть включает беседы-диалоги, расположенные тематически. Раздел предваряется перечнем наиболее типичных вывесок и текстов стандартной информации (*вход и выход, на себя и от себя /о двери/, занята, объезд осторожно, отправление поездов* и под.). Далее следуют традиционные в разговорниках разделы, отражающие речевой этикет: приветствия, обращения, знакомство, выражения просьбы и благодарности, согласия и отказа, извинения, поздравления, прощание.

Главные темы объединяются в циклы, каждый из которых отражает определенный круг тем: 1) "первый круг" бесед при знакомстве, 2) в чужом городе, 3) беседы на темы спорта, культуры и др.

В первом цикле бесед содержатся темы о встрече, языке, возрасте, семье, национальности, образовании, о специальности участников беседы (перечислено более 50 специальностей), о квартире, времени, о погоде, об отпуске. Таким образом, это традиционный круг бесед, отражающих ряд речевых ситуаций "о себе" и построенных на соответствующей лексике. Вопросы и характерные ответы сформулированы кратко и четко.

Второй цикл включает беседы, объединенные бытовой тематикой и практически наиболее необходимые для туриста: прибытие в чужой город, транспорт, отель, кафе и ресторан, почта, телеграф, телефон, ремонт обуви, у парикмахера, у часовщика, у врача и в аптеке, магазины и др.

Третий цикл содержит более сложные по содержанию и

лексике темы: о физкультуре и спорте, о кино, театре, концертах, об изобразительном искусстве; далее о промышленности, сельском хозяйстве; заключительная тема кратко рассказывает о Чехословакии как государстве (территория, государственные символы, административное деление и др.). При большей сложности лексики, составители и здесь по возможности используют несложные синтаксические конструкции.

Необходимо сказать, что в буквализме составителей никак нельзя обвинить, они опираются на естественную чешскую и эстонскую разговорную речь. Замечания, которые можно бы сделать, относятся к частностям. Хотелось бы видеть вопросы-ответы, связанные с покупкой билетов на поезд, о том, как оплачивается проезд в трамвае и автобусе. Тема о стирке, чистке и глаженье не содержит сведений о последней процедуре (с. 94). По-видимому, менее нужна для туриста беседа с портным, изложенная довольно подробно. Раздел о числительных и единицах измерения помещен, как кажется, не совсем удачно - между диалогами.

В целом же появление разговорника - всегда свидетельство о контактах между людьми разных национальностей, между странами. В наши дни это в высшей степени актуально. Как по материалу, так и по своей структуре и построению разговорник составлен в соответствии с поставленными задачами и представляет интересное краткое пособие для всех, кто в Эстонии интересуется чешским языком. Разочарован был эстонский читатель малым тиражом издания (7000 экземпляров). Остается надеяться, что он в скором времени выйдет вторым изданием и что рядом с ним появятся другие славяно-эстонские разговорники.

Э. А. Вайгла

СЕРБСКОХОРВАТСКО-РУСИНСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Все, что связано с югославо-русинским (русинским) языком, достойно особого внимания исследователя-слависта, поскольку перед нами феномен, аналога к которому подыскать в современной Славии практически невозможно. Ведь этим языком пользуется около 25 тыс. человек (1981), проживающих в Воеводине и части Хорватии. В начале XX в. возникает литературный язык югославских русин, который к настоящему времени достаточно хорошо нормирован и обладает полифункциональностью (на нем богатая художественная литература, периодика, ведется преподавание в школе и в университете, ведутся передачи радио и телевидения и т. д.). Теоретическая разработанность вопросов русинского языка уже имеет свою традицию, однако все еще остается немало открытых вопросов и незатронутых областей (см. об этом нашу раб.: Преглед сучасних питаньох виучованя языка югославянских Руснацох. - Творчосц, рок 1, Нови Сад, 1975, Но 1, с. 14-24). Фразеология в их числе.

Словарь, о котором пойдет речь, издан философским факультетом Новосадского университета в содружестве с Институтом по изданию учебников автономной области Воеводина: *Frazeološki rečnik srpskohrvatskog jezika. Srpskohrvatsko-rusinski.* - Novi Sad, 1987. 146 s. Тираж 500 экземпляров. Сербохорватскую часть подготовили Йован Кашич и Владислава Петровиц, русинскую - Юлиан Рамач, специалист в области лексикологии и грамматики русинского языка, ныне заведующий кафедрой русинского языка и литературы в Новосадском университете. По объему словарь небольшой, предназначен в первую очередь для школьников, но также и для переводчиков, журналистов, широкого круга людей. Несмотря на это, он может быть полезным источником для предварительных сопоставительных исследований фразеологии двух языков. Его полезность еще и в том, что это первое собрание русинских фразеологизмов, хотя и представлено оно в двуязычном словаре и не на первом месте. Автор, как это видно из названия словаря, следовал сербскохорватскому перечню фразеологизмов, потому его задачей было найти соответствующие русинские эквиваленты. Задача эта выполнена с честью.

Материал словаря расположен по алфавиту доминантных слов, а в конце книги приведен и полный их список (с. 127-146). Фразеологизмы представлены внеконтекстуально, однако всегда с возможными лексическими либо грамматическими вариантами: *gutati očima* - *бсц (лїг'ац) з очми*, *biti tvrda srca* - *буц твардого (каменого) шерца*, *повуći za jezik* - *подагнуц (цагац) (дакого) за язык* и под.

Оба славянских языка, как этого и следует ожидать, показывают не только большую общность лексического состава, но и в значительной мере общность путей формирования фразеологического пласта. Последнему процессу способствует соседство двух языков и постоянные контакты между ними. Сказанное можно подтвердить подсчетами совпадений (если в в обоих единицах присутствует общий ядерный компонент - доминанта) и различий (если такого присутствия нет) между фразеологизмами двух языков. Мы сделали небольшую выборку фразеологизмов с соматической доминантой:

доминанты	<i>glava</i>	<i>jezik</i>	<i>noga</i>	<i>nos</i>	<i>oko</i>	<i>ruka</i>	<i>srce</i>
число с/х фраз-ов	38	21	35	21	52	41	34
совпадения с русин.	23	15	22	16	43	32	20
отличия	15	6	13	5	9	9	14

Из таблицы видно, что общность рассматриваемых фразеологизмов в двух языках налицо, иногда она более чем в четыре раза выше различий. При этом, нередко вместо ожидаемой доминанты находим иную, так же называющую часть тела, ср. *otvoriti srce* - *виляц душу*, *srce mi je sad na mestu* - *душа му на мире*, *шерцо му на месце* и под. Интересен вопрос о фразеологических лакунах в русинском языке, которые вскрываются при чтении словаря, ср. *glavom i bradom* - *особнѣ сам*; *puniti glavu* - *наводзиц приповедац*; *zaprošiti ruku* - *питац спитац* и т. д. Такие лакуны свидетельствуют об этнической специфике фразеологического пласта языка. Словарь дает возможность выявить и факты фразеологического калькирования в русинском языке, ср. *poći za rukom* - *удац ше*, но также и *пойсц по*

руки; dočekati se na nogi - *знайсц ше, но и дочекац ше на ноги и под.*

Следует всячески приветствовать появление сербскохорватско-русинского фразеологического словаря, который, как можно думать, станет первым этапом на пути создания словаря собственно русинских фразеологизмов. У составителя в этом отношении есть солидный опыт - он является автором ряда работ по лексике и фразеологии русинского языка, в том числе и учебного пособия для студентов "Руска <русинска> лексика" (Нови Сад, 1983). Прекрасным источником для фразеологического словаря могут быть фольклорные записи конца прошлого века, сделанные В. Гнатюком, и современные записи (например, Микола Каменицкого из Коцура), произведения русинских авторов и, наконец, живая речь народа.

А. Д. Дуличенко

АВТОРЫ СБОРНИКА

Алова, Ольга Георгиевна (1957), сотрудник научной библиотеки Тартуского университета, специалист в области сербскохорватского языка.

Вайгла, Эда Александровна (1930), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тартуского университета, специалист в области русской фонетики, лексикологии и фразеологии, сопоставительного изучения русского и эстонского языков, эстонско-русской лексикографии, составитель "*Русско-эстонского учебного словаря*" (в соавторстве; 1985), "*Русско-эстонского словаря*" (в соавторстве; 1984).

Васильченко, Эльвира Пименовна (1939), кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики русского языка Тартуского университета, специалист в области методики преподавания русского языка как неродного, автор "*Лекций по методике преподавания русского языка*" (в соавторстве; 1986), "*Учебника русского языка для XI класса*" (в соавторстве; 1987), "*Учебника русского языка для XII класса*" (в соавторстве; 1988), "*Учебного пособия по русскому языку для физкультурников*" (в соавторстве; 1989) и др.

Донэ, Александр (1935), доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков и литератур Сараевского университета, специалист в области исторического изучения русского языка и русской фонетики. Автор книги "*Fonetika savremenog ruskog jezika*" (1991); дополнил и подготовил к печати книгу М. Мулича "*Историческая фонетика русского языка*" (1988).

Дуличенко, Александр Дмитриевич (1941), доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тартуского университета, специалист в области общего языкознания (общая теория языка, интерлингвистика и т. д.) и славянской филологии (славянские литературные микроязыки, сербскохорватский, словенский, серболужицкие, русский и другие языки), автор монографии "*Славянские литературные микроязыки*" (1981) и др., редактор научных серий Тартуского университета "*Interlinguistica Tartuensis*" (1982-) и "*Slavica Tartuensia*" (1985-).

Катялч-Бакаршич, Марина (1960), доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и литератур Сараевского университета, специалист в области синтаксиса, стилистики и сопоставительного изучения русского и сербохорватского языков.

Кешо, Сафет (1965), ассистент кафедры славянских языков и литератур Сараевского университета, специалист в области истории, акцентологии и фонетики русского языка.

Костанди, Елизавета Илмаровна (1956), кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Тартуского университета. Область научных интересов - синтаксис предложения и текста, прагматический аспект языка.

Кудрявцев, Юрий Сергеевич (1947), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тартуского университета, занимается вопросами исторической фонетики и грамматики русского языка.

Кюльмоя, Ирина Павловна (1946) - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тартуского университета, занимается функциональной грамматикой русского языка и контрастивным анализом русского и эстонского языков. Является составителем *"Эстонско-русского учебного словаря"* (в соавторстве; 2-е изд. 1990).

Мельцер, Светлана Борисовна (1953) кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Тартуского университета, составитель *"Учебно-методического пособия по развитию речи"* для студентов (в соавторстве; 1983-1987). Область научных интересов - сопоставительная грамматика русского и эстонского языков, методика преподавания русского языка как неродного.

Моисеенко, Виктор Ефимович (1941), доктор филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Львовского университета, специалист по южно- и западнославянским языкам (сербохорватский, чешский, словацкий, серболоужицкие).

Мокиенко, Владимир Михайлович (1940), доктор филологических наук, профессор, специалист в области славянского языкознания (ономастика, лексикология, лексикография), автор монографий *"Вглубь поговорки"* (1975, 1989), *"Славянская фразеология"* (1980, 1989), *"Образы русской речи"* (1986), *"Загадки русской фразеологии"* (1990), словаря *"Русская фразеология"* (в соавторстве; 1990) и др.

Ромет, Аине (1943), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы Академии наук Эстонии, специалист в области сопоставительного изучения лексики и фразеологии, русско-эстонской лексикографии, составитель "*Учебного эстонского словаря устойчивых словосочетаний*" (в соавторстве; 1983), "*Русско-эстонского словаря*" (в соавторстве; 1984).

Стенвийк, Хан, сотрудник Амстердамского университета. Специалист в области славянского языкознания.

Ткачев, Сергей (1958), старший преподаватель кафедры русского языка Тернопольского государственного педагогического института (Украина). Специалист в области славистики, истории языков, словообразования, истории и теории перевода, методики преподавания славянских языков.

Тошич, Борисав (1942), магистр, ассистент кафедры славянских языков и литератур Сараевского университета, специалист в области лексикографии, лексикологии и методики обучения русскому языку. Автор книг "*Paronimi u nastavi ruskog jezika*" (1985), "*Školski rusko-srpskohrvatski rječnik*" - в соавторстве (1983).

Тошович, Бранко (1949), доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков и литератур Сараевского университета, специалист в области стилистики, грамматики, социолингвистики и сопоставительного изучения русского и сербохорватского языков. Главный редактор журналов "*Prizma*" и "*Slavist*", редактор сборников "*Funkcionisanje jezika u višenacionalnim zemljama*" (1991), "*Jezik i stil sredstava masovnog informisanja*" (1991). Автор книг: "*Ruska gramatika u poređenju sa srpskohrvatskom*" (1988), "*Funkcionalni stilovi*" (1988), "*Dječji rječnik rusko-srpskohrvatski, srpskohrvatsko-ruski*" (1991).

Тошович, Ядранка (1954), аспирант кафедры русского языка МГУ, специалист в области методики и сопоставительного изучения русского и сербохорватского языков.

Щаднева, Валентина Петровна (1948), старший преподаватель кафедры русского языка Тартуского университета. Область научных интересов: теория эллипсиса, функциональная стилистика, лингвистика текста.

СОДЕРЖАНИЕ SADRŽAJ

Предисловие	3
Predgovor	4
I. Славяно-славянские сопоставления и связи	5
I. Slovensko-slovenska poređenja i veze	5
Мокиенко В. М. (Ленинград) Из истории славянских фразеологизмов. Какими вилами пшут по воде?	5
Mokijenko V. M. (Lenjingrad) Iz istorije slovenskih frazeologizama. Kakvim se vilama piše po vodi?	5
Тошович Бранко. (Сараево) Русские и сербохорватские глагольные метаплазмы.	12
Tošović Branko. (Sarajevo) Glagolske metaplazme u ruskom i srpskohrvatskom jeziku	12
Дуличенко А. Д. (Тарту) Хорватскосербский и градищанско-хорватский: теоретические аспекты сопоставительного анализа	20
Dulićenko A. D. (Tartu) Hrvatskosrpski i gradišćanski: teoretski aspekti poredbene analize	20
Стенвийк Хан. (Амстердам) Аналогические развития акцентного типа góra, gorǫ в словенских диалектах.....	32
Steenwijk Han. (Amsterdam) Analogijski razvoj akcentaskog tipa gorá, gorǫ u slovenačkim dijalektima.	32
Алова О. Г. (Тарту) Наблюдения над дистрибутивными качествами общеславянского суффикса -тель в русском и сербскохорватском языках.	48
Alova O. G. (Tartu) Zapažanja o distributivnim osobinama opšteslovenskog sufiksa -тель u ruskom i srpskohrvatskom jeziku.	48
Донэ Александр. (Сараево) Двучленные сочетания согласных с единой артикуляцией в современной русской речи.	55
Done Aleksandar. (Sarajevo) Dvočlani spojevi suglasnika sa jedinstvenom artikulacijom u savremenom ruskom govoru.	55
Моисеенко В. Е. (Львов) Неизвестные страницы западноукраинско-чешских культурно-языковых связей эпохи славянского национального возрождения.	63
Moisejenko V. J. (Ljvov) Nepoznate stranice zapadnoukrajinsko-čeških kulturnojezičkih veza iz epohe slovenskog nacionalnog preporoda	63

Катнич-Бакаршич Марина. (Сараево) <i>Градационные конструкции с союзом а <i>katoli</i> /<i>nekmoli</i> в сербохорватском языке и их соответствия в русском языке.</i>	73
Katnić-Bakaršić Marina. (Sarajevo) <i>Gradacione konstrukcije sa veznikom а <i>katoli</i> /<i>nekmoli</i> u srpskohrvatskom jeziku i njihovi ekvivalenti u ruskom jeziku.</i>	73
Тошич Борисав. (Сараево) <i>Паронимы русского языка и их эквиваленты в сербскохорватском языке.</i>	80
Tošić Borisav. (Sarajevo) <i>Paronimi ruskoga jezika i njihovi ekvivalenti u srpskohrvatskom jeziku.</i>	80
Кешо Сафет. (Сараево) <i>Глагольная метафора в художественных приемах К. Г. Паустовского и Бранко Чопича.</i>	89
Kešo Safet. (Sarajevo) <i>Glagolska metafora u umjetničkim postupcima K. G. Paustovskog i Branka Ćopića.</i>	89
Тошович Ядранка. (Сараево) <i>Функционирование сослагательного наклонения русского и сербохорватского языков в простом предложении.</i>	97
Tošović Jadranka. (Sarajevo) <i>Funkcionisanje kondicionala ruskog i srpskohrvatskog jezika u prostoj rečenici</i>	97
II. Славяно-финно-угорские сопоставления и СВЯЗИ	114
II. Slovensko-ugrofinska poređenja i veze	114
Васильченко Э. П. (Тарту) <i>Аспектуальность в эстонском языке в сопоставлении с русским (на материале глаголов речи).</i>	114
Vasiljčenko E. P. (Tartu) <i>Aspektualnost u estonskom jeziku u poređenju s ruskim (na materijalu glagola govorenja)</i>	114
Ромет А. (Таллин) <i>Зоонимы в составе фразеологических единиц русского и эстонского языков.</i>	130
Romet A. (Talin) <i>Zoonimi u sastavu frazeoloških jedinica ruskog i estonskog jezika</i>	130
Кудрявцев Ю. С. (Тарту) <i>Сопоставительная характеристика мягких согласных фонем в сербскохорватском, болгарском, русском и эстонском языках.</i>	137
Kudrjavcev J. S. (Tartu) <i>Poredbena karakteristika mekih suglasničkih fonema u srpskohrvatskom, bugarskom, ruskom i estonskom jeziku.</i>	137
Кюльмоя И. П. (Тарту) <i>О внеимперативном употреблении форм повелительного наклонения в русском и эстонском</i>	

<i>языках</i>	149
Külmoja I. P. (Tartu) <i>O vanimperativaj upotrebi oblika zapovjednog načina u ruskom i estonskom jeziku</i>	149
Мельцер С. Б. (Тарту) <i>Временные конструкции действительных причастий в русском и эстонском языках</i>	158
Meljcer S. B. (Tartu) <i>Vremenske aktivne participske konstrukcije u ruskom i estonskom jeziku</i>	158
Щаднева В. П. (Тарту) <i>Русские безглагольные предложения через призму другого языка</i>	167
Ščadneva V. P. (Tartu) <i>Ruske bezglagolske rečenice kroz prizmu drugog jezika</i>	167
Костанди Е. И. (Тарту) <i>Некоторые закономерности функционирования односоставных предложений в русском и эстонском языках</i>	177
Kostandi J. I. (Tartu) <i>Neke zakonomjernosti funkcionisanja jednočlanih rečenica u ruskom i estonskom jeziku</i>	177
Ткачев С. В. (Тернополь) <i>Страница к истории украинско-эстонских культурных связей</i>	184
Tkačov S. V. (Ternopolj) <i>Stranica u vezi sa istorijom ukrajinsko-estonskih kulturnih veza</i>	184
III. Обзоры и рецензии	187
III. Prikazi	187
<i>О словаре старого прекомурско-словенского литературного языка</i>	187
<i>О рječнику starog prekomursko-slovenačkog književnog jezika</i>	187
<i>Арабо-персидско-греческо-сербская учебная книга XV века как источник для истории сербского языка (в издании Вернера Лефельдта)</i>	191
<i>Арапско-perzijsko-grčko-srpska nastavna knjiga iz XV vijeka kao izvor za istoriju srpskog jezika (u izdanju Venera Lefelta)</i>	191
<i>Чешско-эстонский разговорник</i>	195
<i>Češko-estonski konverzacijski priručnik</i>	195
<i>Сербскохорватско-русинский фразеологический словарь</i>	198
<i>Srpskohrvatsko-rusinski frazeološki rječnik</i>	198
Авторы сборника	201
Аutori zbornika	201
Содержание	204
Sadržaj	204

Ученые записки Тартуского университета.
СЛАВЯНО-СЛАВЯНСКИЕ И СЛАВЯНО-ФИННО-УГОРСКИЕ
СОПОСТАВЛЕНИЯ.
Slavica Tartuensia 3.
На русском языке.
Тартуский университет.
ЭР, 202400, г.Тарту, ул.Юликооли, 18.
Ответственный редактор А.Д. Дуличенко.
Подписано к печати 2.09.1991.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Шрифт: Роман. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 12,80. Печатных листов 13,0.
Тираж 300.
Заказ № 399.
Цена 10 руб.
Типография ТУ, ЭР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.